

К95718

Г.И. Романов

ЯЗЫЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЯКУТИИ

Часть I

Якутск 2010

Г.М. Романов

ЯЗЫЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ
КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЯКУТИИ

Монография

Часть I

Якутск 2010

УДК 32+2(571.56)
ББК 66+86(2Рос.Сax)
Р69

Автор выражает искреннюю признательность и благодарность
за финансовую поддержку в издании настоящей монографии
Генеральному директору Управляющей компании
«ЖКХ Губинский», депутату Гордумы г. Якутска
Анатолию Андреевичу Кырджасову

Ответственный редактор
д.филос.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ,
основатель научной школы *А.Г. Новиков*

Романов, Г.И.

Языческое и политическое мировоззрение коренных народов Якутии. Ч. I : монография / Г.И. Романов. – Якутск : Издательско-полиграфический комплекс СВФУ, 2010. – 166 с.
ISBN 978-5-7513-1366-1

В книге рассматривается языческое мировоззрение как почитание природы. Коренные народы Якутии жили в общине. Материальным базисом их толерантности, демократизма и интернационализма, т.е. их политического мировоззрения как раз выступают природа и община. В философии установлено, что природа и община бесконечно либеральнее и универсальнее, чем дух и бог идеализма и монотеизма. Исследователи обнаружили, что любовь языческих народов Якутии отличается всеобщим характером, распространяется на всех людей, можно сказать, всей земли. А бог в монотеизме является партийным, утверждает и отстаивает разность народов, их противоположность и рознь.

Демократизм, федерализм и интернационализм коренных народов Якутии кратко можно выразить и подкрепить древней и вечно новой формулой: свобода, равенство и братство народов мира, в том числе и России.

Монография рассчитана на научных работников, преподавателей и студентов вузов, всех тех, кто интересуется этнографией, культурологией, политикой и философией.

УДК 32+2(571.56)
ББК 66+86(2Рос.Сax)

ISBN 978-5-7513-1366-1

© Романов Г.И., 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
ВВЕДЕНИЕ.....	7

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. ЯЗЫЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЯКУТИИ 14

Глава 1. Мировоззрение – учение о соотношении материального и духовного мира..... 14

1.1. Общинный строй – материальная жизнь коренных народов Севера 14

1.2. Духовная культура языческих этносов Якутии как надстройка над их общинным бытием 27

1.3. Проблема первобытного мышления в духовной культуре коренного населения 32

1.4. Абстрактное и конкретное в духовной сфере – в языке эвенского народа..... 47

Глава 2. Языческая религия коренного народа как религия магии 56

2.1. Этническая религия верующих эвенов..... 56

2.2. Шаманство – религия магии..... 70

Глава 3. «Сумасшествие» шаманов и дискриминация языческого шаманства..... 76

3.1. Семантика эвенского языка: шаманы – всесторонне развитые, талантливые и знающие люди..... 76

3.2. Сумасшествие шамана – не основной вывод в научном исследовании Г.В. Ксенофонтова о шаманизме..... 80

3.3. Дискриминация языческого шаманства как нарушение закона о свободе совести и как расстройство души и духа 87

3.4. Между олонхо (эпосом) и шаманством нет нестираемой грани 98

3.5. Профессор А.Г.Новиков о раскрытии философского содержания эпоса олонхо 104

Глава 4. Языческое мировоззрение и его связь с современной культурой	110
4.1. Толерантность – свойство духовного мира коренных языческих народов Якутии	110
4.2. Язычество за уважительный и культурный диалог религий .	125
4.3. Органическая связь древнего язычества и современной культуры.....	131
4.4. Современная цивилизация и духовная культура коренных народов Якутии	136
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	157

ПРЕДИСЛОВИЕ

Актуальность проблемы, поставленной философом Г.И. Романовым, несомненна, ибо она носит глубинный, глобальный и фундаментальный характер.

Тема мало разработана. В литературе недостаточно изучено языческое мировоззрение коренных народов Якутии. И потому в книге больше внимания уделяется язычеству (часть его – шаманство), которое требует от человека уважительного отношения к природе. Именно язычество подчеркивает близость малочисленных народов Якутии к матери-природе.

Объектом данного исследования является языческое и политическое мировоззрение коренных народов Якутии. При этом в первом разделе рассматривается языческое мировоззрение коренных народов Якутии, где мировоззрение выступает как учение о соотношении материального и духовного мира. Материальная жизнь коренных народов Якутии – это общинный строй, а духовная культура надстраивается над общинным базисом.

Языческая религия коренного народа обсуждается как религия магии, а также раскрывается семантика эвенского языка. Проводится свежая мысль, что между олонхо и шаманством нет нестираемой грани. Затем устанавливается связь языческого мировоззрения с современной культурой, а толерантность рассматривается как свойство духовного мира коренных языческих народов Якутии. Так что духовная культура описывается в контексте современной цивилизации. Утверждается, что язычество за уважительный и культурный диалог религий.

Из богатого духовного состояния северных людей, в своей основе предполагающего любовь, дружбу и толерантность, выводится новая формула о демократизме, федерализме и интернационализме, как о политическом проявлении языческого принципа свободы, равенства, мира, содружества и братства между народами.

Так что связь между языческим и политическим мировоззрением как раз и выступает как предмет данного исследования.

Демократизм и федерализм, по мнению автора, есть формы политических и экономических взглядов малочисленных народов Якутии. В частности, это показывается на примере тунгусского повстанческого движения 1924-1925 гг. и в свете философских принципов субстанции Спинозы и монады Лейбница. Теоретически демократизм о свободе и суверенитете были разработаны и даже интеллектуальными усилиями КПСС закреплены в Конституции, но в жизни так и не реализованы. Отсюда имело место федерализм, названный мнимым.

Автором достаточно подробно прослежены те перемены, которые произошли вокруг осмысления категорий демократизма и федерализма. И в контексте этих метаморфоз можно затронуть проблему защиты коренных народов, что весьма талантливо делает автор книги. Только в этом случае возможно прочное и стабильное развитие коренных народов Якутии, в чем философ безусловно прав.

Г.И. Романовым остро и критично написана очередная книга, где очень заинтересованно затронуты многие современные проблемы коренных народов Якутии, которые ждут и требуют корректного и своевременного решения.

Читатель получит книгу, которая вызовет определенную реакцию, потребует эмоционального напряжения и получит не однозначную оценку. При этом главное то, что в монографии крупным планом обозначены насущные проблемы повседневного дня и от их решения зависит благополучие и устойчивость нашей жизни. Здесь найдется место для раздумий и действий и государственному чиновнику и депутату Государственного собрания.

Книга написана весьма содержательно, остро проблематично и глубоко затрагивает устои нашей жизни, от которых зависит наше будущее, будущее наших детей.

Пожелаем новой книге Доброго пути!

Академик Международной Академии
Информатизации в статусе Советника 1 класса
при ООН, доктор философских наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ **Новиков А.Г.**

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность предлагаемой работы не вызывает никаких сомнений. Это объясняется тем, что мировоззренческие проблемы имеют глобальный, фундаментальный и всеобщий характер и они теоретически важны, практически значимы во всем мире и во все времена, и они никогда не устаревают и всегда своевременны. Ибо они отвечают на вечный и основной философский вопрос об отношении мышления и бытия, о первичности материального и вторичности духовного мира и возвратной активности второго.

Соответственно разработка отдельно взятой части мировоззрения, которая называется «Языческое и политическое мировоззрение коренных народов Якутии», является своевременной и имеет теоретическую и практическую ценность и значимость

В имеющихся монографиях, научных статьях и других материалах изучаются отдельные воззрения и точки зрения, которые высказываются о шаманизме, об эпосе олонхо и о различных мифах, но не рассматривается языческое мировоззрение коренных народов Якутии.

В частности, проблема шаманизма, как религиозного мировоззрения, исследована и в данной работе. В науке признано, что она является одной из самых трудных проблем истории религии. О ней накоплено громадное количество литературы и в царское, и в советское, и в наше время. А удовлетворительное научное ее решение отсутствует до сих пор.

Поэтому для автора стал насущным и необходимым другой подход к решению данной проблемы, связав ее с раскрытием сущности язычества.

Следует подчеркнуть, что забывчивость науки насчет язычества коренных народов, в частности Якутии, оборачивается несправедливостью и пренебрежением к нему и в других областях интеллектуального мира. Например, в законодательстве Российской Федерации о свободе совести и религиозных объединениях вообще забыли о существовании языческой религии.

Тогда как в философском рассмотрении проблемы различают политеизм и монотеизм. Отсюда принципиально проистекает существование лишь двух видов религии: языческой и христианской. Надо сказать, что последняя вошла в законодательство, а первая нет. Выходит, что граждане РФ, верующие в языческую религию, поставлены в неравное положение, дискриминированы и им запрещено свобода совести, и они лишены права религиозного объединения. Так что их борьба против империалистического отношения в религии и борьба за демократию, т.е. за равенство, свободу и справедливость, и освещение этой борьбы в науке являются своевременными, обоснованными и законными.

В настоящее время совершается борьба за справедливость, свободу и равенство в другой области – в политическом мировоззрении, а именно в форме борьбы демократизма и федерализма против шовинизма, унитаризма, империализма и фашизма.

Только что указанные две формы борьбы коренных народов имеют между собою глубокую историческую и идейную (логическую) связь, которая в науке специально не рассматривалась. В данной монографии впервые осуществлена некоторая попытка такого изучения.

Отсюда и проистекает ее конечный результат, ее цель: раскрыть тесную связь языческого и политического мировоззрения коренных народов Якутии. Для этого должны быть решены следующие задачи:

Во-1-х, описать, что забота о других, человечность, духовная культура коренных народов Якутии есть отражение их общинного материального бытия.

Во-2-х, выявить, что языческая религия коренных народов Якутии стремится обеспечить материальное благополучие своих сторонников в воображении, т.е. путем колдовства или магии.

В-3-х, установить, что дискриминация языческого шаманства является нарушением равенства народов, свободы совести и представляет собою несправедливость.

В-4-х, уяснить и утвердить, что языческие народы Якутии являются несравненно более толерантными, либеральными и культурными, чем цивилизованные, христианские народы.

В-5-х, понять, что языческое мировоззрение с его политеизмом, толерантностью и либеральностью органически связано, неразрывно сплетено с демократизмом и федерализмом в политическом мировоззрении.

В-6-х, объяснить, что участники тунгусского национально-освободительного движения 1924 – 1925 гг. боролись за принципы демократии и федерации против шовинизма и социал-империализма сибирских горе-большевиков.

В-7-х, выяснить, что, несмотря на то, что КПСС теоретически выработала и конституционно закрепила демократизм и федерализм, тем не менее, она свела их в пустую словесность и бессодержательную формальность и тем самым превратилась в социал-империализм и, как всякий империализм, потерпела историческое поражение.

В-8-х, исходить и настаивать на том, что федерализм есть демократическое государство, борющееся против унитаризма и империализма за суверенитет и свободу коренных народов.

В-9-х, защитить коренные народы Якутии от шовинистического, фашистского обвинения в национализме, сепаратизме и экстремизме и доказать, что граждане в Якутии живут в атмосфере интернационализма.

В-10-х, оценить Декларацию ООН о правах коренных народов мира как одну из мер и средств их защиты от империалистического покушения на их исконные, с незапамятных времен существующие права на демократизм и федерализм.

Поскольку тема монографии относится к понятию мировоззрения, то объектом исследования выступает весь мир – природа и общество. А мир конкретен, содержит в себе необъятное множество свойств, событий и процессов. Из этого множества посредством анализа выделена одна сторона, которая стала предметом изучения:

«Языческое и политическое мировоззрение коренных народов Якутии».

Оставление одной стороны и исключение всех других сторон называется методом абстрактного мышления.

Кроме того, применяя абстрактный метод в научном рассуждении можно раскрыть сущность шовинизма, империализма и фашизма. Последние отвлекаются от многообразия, от конкретного различия народов, сливая их в одну-единственную определенность или в формально-логическое тождество – в единый державный, государствообразующий народ путем этноцида, геноцида и экоцида.

Методология сторонников демократизма и федерализма состоит в переходе от абстрактного к конкретному. В своей деятельности они мыслят и действуют, руководствуясь прежде всего диалектической логикой, основным законом которой является конкретное тождество.

Следует подчеркнуть, что демократизм и федерализм, основываясь на конкретном тождестве диалектики, предоставляют отдельному человеку и целым народам права на жизнь и материальное благополучие, на свободу и суверенитет.

В работе были использованы и другие методы исследования: наблюдение, анализ и синтез, индукция и дедукция и пр.

В конце введения хочется информировать, что перечень разделов, глав и параграфов был дан в оглавлении. Поэтому здесь достаточно указать на логическую связь и преемственность подразделений монографии.

Последовательность разделов отражает поступательное развитие объекта исследования, т.е. движение материи, которое протекает вначале в форме природы, затем порождает общество с его духовным составляющим. Соответственно, рассмотрено в I разделе языческое, во II разделе политическое мировоззрение коренных народов Якутии.

В I разделе имеются четыре главы, которые раскрывают различные аспекты мировоззрения – основного вопроса философии, в ко-

тором разрешается противоречие мышления и бытия, материи и духа, бога и мира, природного и духовного начала.

В 1-й главе критикуется расизм, отрицающий наличие абстрактного мышления у членов традиционного общества, у «отстающих» народов. Расисты считают, что «передовые», христианские народы поклоняются абстрактному богу, а не конкретной природе и поэтому, дескать, они обладают абстрактным мышлением. По их мнению, мышление абстрагируется от природы и, как бог, господствует над нею и произвольно, субъективно нарушает объективные законы, причинно-следственные связи в ней. В итоге, солнце может замедлить движение или вовсе остановиться по приказу, велению и произволу бога.

2-я глава проистекает из 1-й. В ней излагается, что и в шаманской религии, как и в христианской, ничто в природе не происходит естественным, причинно-следственным способом. Выходит, что, если следовать логике рассуждения расистов, и у северного человека мышление тоже абстрактное и поэтому преодолевает объективные законы природы субъективно, в своей мифологии посредством моления, слов и заклинаний, т.е. в своем воображении, иначе говоря, в шаманизме – в религии магии, которая включается в общее понятие язычества.

Исходя из этого, в 3-й главе утверждается, что воображение северян и камлание шамана не следует сводить к сумасшествию человека, ибо они сравнимы, скорее всего, с поэзией и театральным искусством, в котором играют божественные комедии и трагедии.

В 4-й главе понимание язычества расширяется и утверждается, что язычество не исчерпывается языческой религией, а включает в себя, кроме нее, и языческие философию, науку и искусство. Высказывается, что современная культура, преодолевая христианство и всякую другую, в том числе и языческую, религию, возвращается к язычеству – к анти-богословскому, анти-супранатуралистическому мировоззрению.

Язычество есть почитание и поклонение природе. В философии давно пришли к представлению, что природа несравненно либе-

ральнее, толерантнее и уважительнее христианского бога. Кстати говоря, этот бог догматичен, делит людей на отдельные партии, на своих и чужих и сеет между ними ненависть и вражду, которые существуют не только в божественном, но и во всем цивилизованном мире.

Здесь совершается логический переход от 4-й главы I раздела к 1-й главе II раздела, которая и называется: «Демократизм и федерализм – политическая основа языческого принципа толерантности в отношениях между народами».

2-я глава тесно примыкает к 1-й, как пример к правилу. Рассказывается, что эвены и эвенки в ходе тунгусского повстанческого движения 1924 – 1925 гг. в Якутии, будучи языческими народами, отстаивали политические принципы демократизма и федерализма. Кроме того, они боролись за эти принципы потому, что они (принципы) были исконными, коренными, действующими издревле принципами их общинной жизни.

Известно, что во времена царского империализма эвенки и эвены упорно сопротивлялись казацкому нашествию, а в советское время – карательным мерам сибирских большевиков, шовинистов-империалистов в 20-е гг. XX в., которые маскировались коммунизмом и марксизмом.

Совершается переход к 3-й главе, как частное к общему. Говорится, что на этот раз КПСС в целом стала нарушать принципы демократизма и федерализма, превратив их в пустую формальность без конкретного осуществления и реального содержания. В конечном счете, она допустила измену марксизму-ленинизму.

Возникает необходимость восстановления принципов демократизма и федерализма в борьбе с принципами империализма, шовинизма и фашизма всех мастей. Данное восстановление было основано на формуле: «Берите суверенитета столько, сколько осилите». На самом деле оно не было доведено до логического конца. Виновником оказался шовинизм – наследник царского империализма и источник всякого рода фашизма, который стал осуществлять политику губернизации.

Шовинисты под идейным влиянием православия – монотеизма – реализуют унификацию, унитаризацию территории, понимая ее (территорию) по закону тождества формальной логики и исходя из спинозовской категории *субстанция*. В результате территория должна стать чистой, монистической без примеси национальностей, без национально-территориальных образований, без свободы и суверенитета коренных народов.

Шовинизм, пропитавшийся идеологией христианского и иудаистского монотеизма, является политическим выражением олигархического империализма. Содержание 5-й главы – это то, что шовинизм устроил «темное царство» обид, унижений, оскорблений и «бесконечного количества насилий» (Ленин). К коренным народам Якутии предъявлено свирепое и безжалостное обвинение в национализме, сепаратизме и экстремизме и на этом ложном основании проведена политика этноцида – отнятие свободы и суверенитета.

По логике вещей отсюда вытекает проблема их защиты от вопиющей несправедливости. Поэтому содержание 6-й главы посвящено поиску какой-либо защиты коренных народов от шовинистического, империалистического и фашистского нашествия, опираясь на идейные основы демократизма и федерализма. При царском империализме коренные народы были беззащитными. Коммунизм при советской власти, по признанию Ленина, мог и должен был принять меры защиты «иностранцев от истинно русского держиморды» (Ленин) и не принял их. В определенной мере можно сказать, что царизм и лже-коммунизм поэтому и рухнули. И в настоящее время даже не существует какой-либо национальной политики, и указанные меры защиты тем более отсутствуют. А это обстоятельство разрушительно действует на безопасность государства и страны. В итоге необходимо подчеркнуть, что спасение состоит во внедрении теорий демократизма и федерализма в практику.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ.

ЯЗЫЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЯКУТИИ

Глава 1. МИРОВОЗЗРЕНИЕ – УЧЕНИЕ О СООТНОШЕНИИ МАТЕРИАЛЬНОГО И ДУХОВНОГО МИРА

1.1. Общинный строй – материальная жизнь коренных народов Севера

Можно начать с общих положений мировоззренческого подхода, ибо научное исследование переходит к раскрытию эмпирического, конкретного материала, предварительно вооружившись абстрактной теорией. Наибольшей абстракцией являются философские принципы и понятия.

Объект и субъект, объективное и субъективное являются существенными представлениями всякого мировоззрения. С точки зрения материалистического мировоззрения, они выступают основными сторонами или атрибутами одной единственной субстанции – материи. Как известно, в истории развития философского мировоззрения шла борьба между двумя основными направлениями – материализмом и идеализмом. Эти направления, взятые каждое в отдельности, не суть пустые абстракции, а содержат в себе конкретные различия. В частности, мы знаем, что материализм делится на метафизический и диалектический материализм. Метафизический материализм материю понимает как нечто пассивное, как объект. В изучении активной стороны он, изменяя самого себя, становится идеализмом, признавая субъект и субъективное, иначе говоря, практику лишь как только идеальную, интеллектуальную, т.е. теоретическую деятельность.

Поэтому, по поводу метафизического материализма, К. Маркс писал: «Главный недостаток всего предшествующего материализма

– включая и фейербаховский – заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно» [1]. В отличие от прежнего, метафизического материализма диалектический материализм не исчерпывается созерцанием объекта, ибо он включает в свое понятие не только объект, но и субъект, т.е. практическую деятельность, но уже не в духовном, идеалистическом, а в чувственном, материалистическом ее понимании.

Если в научном исследовании пользуются методом перехода от абстрактного к конкретному, то после данного общеполитического рассмотрения мировоззрения можно рассмотреть его применение на конкретном материале природопользования эвенов, их хозяйственной деятельности в традиционных отраслях производства – оленеводстве, охотпромысле и рыболовстве.

В исторической науке исследователями Б.О. Долгих и И.С. Гурвич изучен родовой и племенной состав эвенского народа ко времени колониального завоевания российским средневековым империализмом [2]. Например, в XVII в. состав охотских оленных эвенов состоял из Долганского, Годниканского, Горбиканского, Киларского, Уяганского, Дельянского, Кугурского родов.

Знаем, что охотские эвены в свое время распространялись далеко на запад, занимая обширную территорию от побережья Охотского моря до бассейнов Лены и Оленека. Эта территория охватывала и бассейны рек Колыма, Индигирка, Яна, а также и Алдан. В настоящее время эвены населяют Эвено-Бытантайский, Усть-Янский, Оймяконский, часть Кобяйского, Нижне-, Средне- и Верхне-Колымский, Томпонский, Момский Аллаиховский и Верхоянский улусы Республики Саха (Якутия). Они также живут в Охотском районе Хабаровского края, в Ольском, Северо-Эвенском и Средне-Канском районах Магаданской области, в Быстринском районе и Корякском автономном округе Камчатской области и, наконец, в Чукотском автономном округе.

Отметив, что основная масса эвенов традиционно были типичными кочевыми оленеводами и охотниками, М.Г. Левин констати-

рует: «Оленеводами они были уже в XVII в., когда русские впервые ознакомились с ними. Среди кочевых охотско-колымских эвенов различались группа хозяйств с большим радиусом кочевок, охватывавшая бассейны Колымы, Омолона, Индигирки, и группа хозяйств с малым радиусом кочевок, державшаяся главным образом в бассейне Охотского моря» [3].

Здесь можно вспомнить то место в идеалистическом мировоззрении Гегеля, где он определяет идею как субъект-объект, как единство идеального и реального, души и тела, как возможность, которая в себе самой имеет свою действительность.

По сравнению с этим гегелевским взглядом материалистическое мировоззрение Маркса исходит не из идеи, а из материи. Не идея, а материя представляет собой телесное единство субъективного и объективного.

С этой точки зрения эвен, как «дитя природы», олицетворяет органическое тело, которое окружено совокупностью неорганических тел, именуемой физико-географической средой. Исследуя социально-экономический строй эвенов, живущих на одном из участков водораздела между бассейнами рек Лена и Алдан, с одной стороны, Индигирка и Яна – с другой, М.К. Рацветаев описывает объективный, окружающий и неорганический мир следующим образом: «Мямяльский род Баягантайских тунгусов, – пишет он, – обитает в бассейне р.Томпо в той же части её, которая протекает в пределах Верхоянского хребта. Река Томпо, взяв свое начало в главном хребте Верхоянских гор, течет с северной стороны параллельного значительному по высоте хребту до устья р. Кунгхада. Здесь она резко поворачивает и уходит на юг, прорываясь через хребет. Указанная горная цепь служит южной границей кочевания Мямяльских тунгусов, за перевалы которой они не переходят» [4].

Следует сказать, что ещё И. Кант, исходя из демократических воззрений, правильно заметил, что пропитание тунгусов «возможно только при наличии обширных необитаемых территорий», что, хотя земной шар является общим для всех народов, «все народы первоначально состоят... не в правовой общности владения и тем самым

не в общности пользования землей или собственности на землю» [5].

Выше у эвенов было перечислено несколько конкретных родов с их названиями. У них явно выражен патриархальный родовой строй. Установлено, что, обнаружив у какого-нибудь народа род как основную общественную ячейку, можно ожидать у него существование и племенной организации. Племя подразделяется на фратрии, состоящие из нескольких родов, которые имеют свое происхождение в одном общем первоначальном роде. Относительно спаянная группа охотских эвенов образовала одно большое племя из совокупности родов. Роды, в свою очередь, состоят из более мелких подразделений – «монад», т.е. из малых и больших патриархальных семей. Так что такая социальная структура эвенского народа, как род, фратрия и племя находит себе точную аналогию в общественной организации древних греков, римлян, а также американских индейцев.

Следует подчеркнуть, что исследователь Б.О. Долгих приходит к выводу, что проблема племени, общественного строя у тунгусоязычных эвенков и эвенов и у юкагиров сложна и её теоретическая разработка ещё не завершена. Это видно хотя бы из того, что он исходит из понимания того, что экономическими ячейками общества народов Сибири является роды. С этим пониманием не совпадает представление специалиста по истории Гурвича И.С. По нему, эвены ходили на охоту и ловили рыбу семьями и объединялись между собой лишь тогда, когда они подвергались опасности. Таким образом, он думает, что малая семья является хозяйственной единицей в традиционных отраслях производства эвенского народа.

Выходит, что в исследованиях этнографов и историков обнаруживается формально-логическое противоречие. Оказалось не ясным, что все-таки является социально-экономической молекулой или клеточной той первичной общественной формации или того первобытного коммунизма, в котором жили и работали народы Сибири, в том числе и эвены: род или семья?

Из теории, которая вытекает из самой истории, известно, что у народов, организованных в первобытно-родовом строе: род, фратрия, племя и союз племен, основной ячейкой является род. Во второй общественной формации, т.е. в цивилизованном общественном строе, основанном на классовых противоположностях и противоречиях, народ, по мнению Ф. Энгельса, сводится «к своей последней единице, своей двухатомной молекуле – к одному мужчине и одной женщине». «...Современное общество – это масса, состоящая сплошь из индивидуальных семей, как бы его молекул» [6].

Можно предположить, что особенно капиталистический строй состоит «сплошь из индивидуальных семей». Также и рабовладельческое, и феодальное общество имеют своей хозяйственной единицей индивидуальную семью. Однако никто не станет полагать, что эвенское общество является типично классовым, что оно основано на частной собственности. Напротив, эвены жили, охотились, рыбачили и пасли оленей в бесклассовом родовом строе. Так что род представлял собой единицу, монаду целой общественной системы, основу организованного общества эвенов. Таким образом, у них семья, тем более малая, не могла служить последней хозяйственной ячейкой той коммунистической общности или общины, в которой они жили и занимались традиционной производственной деятельностью.

Кстати говоря, первобытная община, в общем, обладает огромной жизнеспособностью, которая бесконечно превосходит устойчивость и жизненную энергию рабовладения, феодализма и капитализма. Известно, что общины, в которых прежде протекала жизнь англичан, французов, итальянцев и немцев, давно исчезли, однако, отдельные их экземпляры пережили феодализм и функционировали ещё и при капитализме. Кроме того, община, как архаическая общественная форма, сохранилась в безмерном пространстве Российской империи в общенациональном масштабе и в советское время превратилась в коллективное хозяйство (колхозы), иначе говоря, в социалистическую форму хозяйствования.

Интересно отметить, что родовая община эвенов и других северных народов оказалась ещё более живучей и долговечной, ибо она пережила феодальную эпоху в царской России и социалистическое время в Советском Союзе. После распада Советского Союза и реставрации капитализма в Российской Федерации она вновь ожила, и был принят Закон Республики Саха (Якутия) «О кочевой родовой общине малочисленных народов Севера».

В этом Законе сказано: «Кочевая родовая община создается для возрождения, сохранения и развития уклада жизни, культуры, языка малочисленных народов Севера». «Членами общины могут быть эвены, эвенки, юкагиры, чукчи, долганы и члены их семей, а также представители коренных народов Якутии и других этнических общностей Севера, постоянно проживающие на территории общины и ведущие традиционный уклад жизни, наравне с малочисленными народами Севера».

Признано, что коммунистическое производство и коммунистическое присвоение является высшей формой наиболее архаического типа. Таковым производством и присвоением выступает и традиционное хозяйство эвенов. «Что же касается прежней хозяйственной основы тунгусов – оленеводства и охоты на диких оленей, – пишет М.К. Расцветаев, – то их продолжали осуществлять более или менее коллективно, выходя с этой целью всем наслегом на лесотундровое плоскогорье водоразделов и к р. Эльге» [8].

М.К. Расцветаев внес крупный вклад в теоретическое, конкретно-мировоззренческое изучение социально-экономического уклада или устройства эвенского народа. Он находился в составе экономического отряда Якутской комплексной экспедиции Академии наук СССР, 70-летие создания которой отмечено в 1995 г. в Республике Саха (Якутия). Он специально исследовал первобытно-коммунистическую, аборигенную общественную форму, основанную на охотничьем промысле и пастушеском оленеводстве, практикуемом эвенками.

Он стремился описать наиболее яркие черты общественно-экономического уклада, который сохранили в производстве своей

жизни эвены Мямяльского рода, обитаясь на р. Томпо, протекающей в южной наиболее высокой и скалистой части Верхоянского хребта. Как сам признается, он, встретившись с остатками первобытного коммунизма, не ограничился эмпирическим, историческим описанием фактической стороны предмета, но исследовал их с теоретической стороны в системе общественных отношений.

М.К. Расцветает в своей работе «Тунгусы Мямяльского рода» в разделе «Общественный строй» выделяет параграф «Остатки первобытного коммунизма». Однако рассеянные остатки первобытного типа до недавнего времени случайно встречались у народов, населяющих Западную Европу в капиталистическом обществе. В царской империи община была почти господствующей формой народной жизни. Думается, что в обществе эвенов она была явно господствующей формой. Поэтому можно полагать, что ошибочным является утверждение о том, что в социальной структуре эвенского народа остались лишь обломки сельской общины.

Научная теория или материалистическое мировоззрение делит первобытную, архаическую общественно-экономическую формацию, на два типа – на древнюю, монистическую и новую, дуалистическую общину. Оленеводство и пользование охотничьими, кормовыми и рыболовными угодьями, как традиционное производство или воспроизводство жизни эвенов, характерны для древней, монистической общины.

К. Маркс писал, что капиталистический строй, как в Западной Европе, так и в Соединенных Штатах, «переживает кризис, который окончится уничтожением капитализма и возвращением современных обществ к высшей форме «архаического» типа коллективной собственности и коллективного производства» [9].

Именно таковой высшей формой архаического типа являются общая собственность и общинное производство эвенов. Выше было упомянуто, что эвены оленеводство и охоту на диких оленей осуществляют сообща, всем наслегом или родом. М.К. Расцветает описывает, что семьи с лучшими и опытными охотниками объединяются в совместную охоту с семьями с не столь искусными или еще

совершенно неискусными охотниками. Так что основной экономической ячейкой в охотничьем промысле является не отдельная семья, а род, как нечто единое целое.

Итак, семьи, имеющие дурных охотников или совсем без них, выезжают на охоту с лучшим охотником, «помогают ему на охоте, устраивая шалаш, добывая дрова для костра, отвозят добытую дичь и зверей к уресе и там ее распределяют». Обслуживающий труд, – далее анализирует М.К. Расцветаев, – «вытекает из прежней природы общего труда, направленного на общие интересы (всего общества), из природы совместных усилий, направленных всеми членами общества в меру своих возможностей на создание наибольшего количества продукта, из которого они сами же...будут потом черпать средства к своему существованию» [10].

Производство и потребление, так или иначе, тождественны. О том, что традиционное производство является общественным, можно еще раз подтвердить словами К. Маркса: «Чем дальше назад уходим мы в глубь истории, тем в большей степени индивид, а следовательно и производящий индивид, выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому: сначала еще совершенно естественным образом он связан с семьей и с семьей, развившейся в род; позднее – с возникающей из столкновения и слияния родов общиной в ее различных формах» [11].

Из того, что производство является общественным, вытекает общественный характер потребления. М.К. Расцветаев упоминает о двух общественных институтах распределения и потребления, которые свойственны наиболее древним периодам общественного строя эвенов, а именно *нимат* и *берси*. Как известно, производство есть присвоение вещества природы. Коллективное производство непосредственно приводит к коллективному присвоению, к коллективной собственности. Добытое мясо оленя или лося идет в общий котел. Иначе говоря, лучшие и опытные охотники раздают народу свою добычу или они, так сказать, трудятся на общее благо. Их дар и называется *нимат*. В итоге туши убитых зверей распределяются поровну между членами общины. В этом состоит равенство и братство в древних родах.

Ясно, что в традиционных отраслях хозяйства эвенов, в частности, в общинном производстве вообще действует закон планомерности и пропорциональности. Именно этот закон проявляется в сознательно организованной совместной охоте и приводит к пропорциональному распределению общественного продукта, например, охотничьей добычи.

Кроме того, на общем собрании «суглан» мямьяльские эвены планируют кочевания отдельных семей, устанавливается расписание охотничьих маршрутов путем распределения речек, чтобы иметь большой участок охоты для каждого.

Подобные факты жизненной практики народов были возведены на уровень научной теории. Свое материалистическое миропонимание Ф. Энгельс выражает в следующих словах: «Производство на всех предшествовавших ступенях общественного развития было по существу коллективным, равным образом и потребление сводилось к прямому распределению продуктов внутри больших или меньших коммунистических общин. Этот коллективный характер производства осуществлялся в самых узких рамках, но он влек за собой господство производителей над своим производственным процессом и продуктом производства» [12].

Обобщая, можно сказать, что охотничий промысел есть совместный труд эвенов, что их община есть планомерная, сознательная организация. Как известно, капиталистическое общество, в отличие от первобытного коммунизма, представляет собой бесплановое, анархическое и рыночное образование, состоящее не из единых, общественных, а из частных разрозненных действий, несогласованных между собой. Именно поэтому оно периодически подвергается разрушительным кризисам.

Так что история в цивилизованном обществе отрицает общественный труд, заменяя его частным, изолированным трудом. Лишь фабрики и заводы достигают уровня общины, представляя собою, как замечает Ф. Энгельс, совместный, планомерный и сознательный труд многих людей.

По закону отрицания отрицания, ценность которого в отношении русских общин подчеркивал Н.Г. Чернышевский, современное об-

щество не только в рамках заводов и фабрик, но и в целом должно возвращаться к первобытным общинам в смысле планомерной, сознательной организации. Но этот возврат осуществляется на высоком уровне, не в узком, а в широком, всемирно-историческом масштабе.

Однако община эвенов находилась и в процессе разложения. Общественная собственность все более и более уступала свое место частной собственности. Богатые эвены уходили в другой наслег, чтобы защищать свое богатство от притязаний своих сородичей. Ибо богатые в родном наслеге должны были помогать бедным. Вышеназванный институт *берси* и был формой помощи бедным.

Частная собственность проникает в общину на основе таких отраслей хозяйства, как торговля и извоз. Община из монистической превращается в дуалистическую, в которой сочетается общественная и частная собственность. В германской и русской общине дом с его сельским двором служит крепостью, с которой начинается разрушение общей собственности. Аналогично этому в эвенской общине торговля и извоз являлись базой разложения коллективной собственности и возникновения частной собственности.

Тем не менее, эвенская община упорно отстаивала свои родовые интересы и увеличивала общественный доход. Она оказалась пока трудно ликвидируемой. Об этом можно читать у М.К. Расцветаева: «В другом положении – в области сношений с более совершенной хозяйственной формой – те же зажиточные группы захватывают в свои руки все хозяйственные связи. В частности, захватывается торговля и извоз. Последний значительно расширяет объем хозяйственной деятельности и увеличивает размер общественного дохода. Наряду с торговлей он осуществляется пока в интересах всего рода, но оба они укрепляют и питают лишь определенные группы и их частнособственнические устремления» [13]. Жизнестойкость общин малочисленных народов Севера доказывается и вышеупомянутым законом Республики Саха (Якутия) о кочевой родовой общине.

Однако, конечная историческая судьба общины эвенов и других народов Севера зависит от дуализма своей природы. Если победит

одна сторона противоположности или дуализма – частнособственническое начало, – то общинный коммунизм переходит в феодализм или капитализм. Ведь многие богатые имели в своей собственности сотни и тысячи оленей. Если победит другая сторона – коллективное, коммунистическое начало, то общинный коммунизм переходит в социализм. Знаем, что из общины были созданы колхозы и совхозы. Такие метаморфозы кочевых родовых общин малочисленных народов Севера зависят еще и от исторической среды, от существования рабства, крепостничества, капитализма и социализма в общественном строе соседних народов, прежде всего, русского народа.

С точки зрения экологии для жителя Арктики природа есть родной дом, гнездо, которое надо беречь. Единство человека и природы на Севере следует более определенно рассмотреть в процессе труда. К. Маркс писал: «Труд есть, прежде всего, процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того, чтобы присвоить вещество природы в форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы» [14].

В обмене веществ эвен выступает как органическое тело, как нечто активное и субъективное начало. А окружающая эвенов географическая среда, иначе говоря, та часть земного шара, которая называется исторической территорией их проживания, представляет собой неорганическую природу. Сущность обмена веществ состоит в тождественности органического бытия с неорганическим. Жизнь по определению означает обмен веществ между организмом и средой. Так что замена «исторических территорий» небольшими «этническими территориями» и резервациями является нарушением прав человека и этносов на жизнь, ибо для традиционных отраслей труда: охоты, оленеводства и рыболовства требуется обширная территория.

Жизни малочисленных народов Севера угрожает вторжение в таежно-тундровую зону нефтяной, газовой, горнодобывающей и лесной промышленности. Это вторжение привело к разрушению объективных условий труда и жизни, «к существенной деградации природной среды Севера – миллионы гектаров оленьих пастбищ уничтожены, леса вырублены, реки и почвы загрязнены техническим мусором, токсическими отходами, повсеместно развиваются техногенные нарушения ландшафта (солифлюкционные, термокарстовые и др.). Все это стало важнейшим фактором разрушения традиционных отраслей хозяйства, общего тяжелого положения народов Севера» [15].

Например, определенный круг явлений окружающей среды для мямьяльских эвенов как деятельных субъектов представлял их собственную неорганическую природу, их предлежащий объект. По описанию М.К. Расцветаева в долинах их рек растут грибы и множество ягод: брусники, черники, голубики. В этих же долинах обитают промысловые звери: олень, белка, горный баран, кабарга, тарбаган, горноста́й, колонок, медведь, лось, лисица, волк, заяц. Все это есть продукт земли, как объективного условия производства и воспроизводства эвенов.

Между субъектом и объектом, эвенами и их исконной землей нет отношения, нет опосредствования, ибо между ними существует непосредственное, неразрывное единство. Перефразируя К. Маркса можно сказать, что эвен существует двояко: субъективно в качестве самого себя и объективно – в природных неорганических условиях своего существования.

Следует сказать, что первоначальная собственность есть первобытно-общинная, т.е. древняя коммунистическая собственность на землю. Эвен относится к земле, как к своей земле, через свою кочевую родовую общину. Собственность, по определению К. Марса, есть «отношение человека к его природным условиям как к принадлежащим ему, как к своим собственным, как к предпосылке, данной вместе с его собственным существованием, – отношение к ним как к природным предпосылкам его самого, образующим, так сказать, лишь его удлинненное тело» [16].

Вполне можно допустить, что инстинктивно или сознательно, исходя из таких теоретических мировоззренческих положений, в Советском Союзе в 1929 – 1931 гг. были созданы автономные национальные территориально-административные образования. Эвены в форме Охотского (Эвенского) национального округа приобрели государственность. В составе Якутской АССР Постановлением Президиума ВЦИК «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера» были образованы национальные районы эвенов.

«Официально это Постановление не было отменено, – пишут В.А. Роббек и А.В. Кривошапкин, – однако при последующих преобразованиях в разные годы они были лишены статуса национальных районов. Тем самым нанесен огромный урон самобытной культуре, языку, обычаям и традициям. В настоящее время в РС (Я) создаются реальные возможности и предпосылки для перехода от концепции патернализма к концепции самоуправления коренных малочисленных народов Севера, становления их действительными субъектами собственного возрождения и развития» [17].

В итоге необходимо подчеркнуть, что экономика и политика неразрывно связаны между собой. Традиционное общинное хозяйство влечет за собой в политике самоуправление коренных малочисленных народов Севера. Еще Н.Г. Чернышевский спрашивал: «Какой-нибудь народ, живущий в племенном быте, основные черты которого самоуправление (self-government) и федерация, принимает европейскую цивилизацию; спрашивается, примутся ли у него прямо высшие черты этой цивилизации, столь сродные его быту, или он неизбежно введет у себя бюрократию и другие прелести XVII века?» [18].

Политика создания автономных национальных территориально-административных образований в советской федерации прямо соответствовала «высшим чертам... цивилизации, столь сродные... прежнему быту» коренных малочисленных народов Севера. А то, что эвены были лишены таких национальных объединений, как Охотский (Эвенский) национальный округ, а также многие нацио-

нальные районы, обнаружило зародыши разложения социалистической демократии и факт превращения советской федерации в унитарное государство и в «бюрократию и другие прелести XVII века».

Выходит, что общинная экономика определяет федеративную политику. Но ею обуславливается и духовная культура, несмотря на то, что она лежит от экономики гораздо дальше, чем политическая сфера.

1.2. Духовная культура языческих этносов Якутии как надстройка над их общинным бытием

Община не есть общество частных собственников, где индивиды эгоистичны и ставят свои интересы выше интересов других. Себялюбие является характерной особенностью частных собственников. Поэтому их деятельность направлена исключительно на свое собственное благо. В их сознании полностью отсутствует дух коллективизма и такое высокое свойство души и духа как самопожертвование, которое характерно было для членов общины, т.е. первобытного коммунизма. Нимат, это – дар, пожертвование, это – отказ от своей собственной пользы для блага других, для общественного блага.

Говоря об этом относительно эвенов, М.К. Расцветаев отмечал: «Характерной фигурой этого времени была фигура охотника, наиболее часто доставляющего общине добычу, средства существования. Фигура такого охотника долгое время входила в сознание людей, как цельный конкретный образ...» [19].

Как известно, начиная с Римской империи, двигателями истории являлись два зла: корыстолюбие (богатство) и властолюбие (государство). Вопрос заключается в том, что человечеству необходима перестройка царства зла и угнетения в царство свободы и добра. За разрешение этого вопроса выступили два великих революционных движения: первоначальное христианство и современное рабочее движение. Об этом Ф. Энгельс ясно писал: «Как и последнее, хри-

стианство возникло как движение угнетенных: оно выступило сначала как религия рабов и вольноотпущенников, бедняков и бесправных, покоренных или рассеянных Римом народов. И христианство и рабочий социализм проповедует грядущее избавление от рабства и нищеты; христианство ищет этого избавления в посмертной потусторонней жизни на небе, социализм же – в этом мире, в переустройстве общества» [20].

Надо полагать, что община была царством свободы, равенства и справедливости. И она, как общество покоренных народов, была сметена с лица земли железным кулаком римского завоевания. Она, как рай, была утрачена. Можно представить, что рай – это царство бескорыстия и дружелюбия, в котором люди заботятся не о личной выгоде, а об общем благе.

Самопожертвование – прекрасное и возвышенное духовное свойство людей. Оно, как отказ от личных интересов и забота о благополучии других, было присуще и для эвенской молодежи. М.К. Расцветаев заметил: «Молодежь, например, ночей не спит, по словам тунгусов, чтобы больше добыть и дать нимат. Неудачливый молодой охотник доходит до слез, так как безуспешность его стараний ложится на него некоторым позором. Нимат есть гордость охотника» [21].

Как известно, Евангелии – ранние христианские писания – содержат высказывания, приписываемые мифическому Иисусу Христу. В частности, Гегель их излагает в своей «Философии религии». По религиозному представлению, люди, ставившие своей целью исправление испорченного мира ненависти и вражды, корыстолюбия и властолюбия, иначе говоря, ликвидацию цивилизованного мира частной собственности, должны обладать самоотвержением – высокой духовной силой, чтобы отказаться от своих частных интересов и работать на общественное благо.

Одно из высказываний Иисуса на этот счет излагается так: «Основное свойство, необходимое человеку для того, чтобы войти в царство добра, – способность жертвовать; тот, ... кому благополучие и жизнь дороже добродетели, тому не надо ни самому достиг-

нуть совершенства, ни помочь в этом другим. И, прежде всего, должны сначала испытать свои силы те люди, которые хотят трудиться на благо другим» [22].

Выше было сказано, что у эвенов мямьяльского рода опытные охотники жертвуют свою добычу на общую пользу. Мясо убитого зверя делится всем по равным кусочкам. Совместная охота и справедливое, общественное распределение средств жизни воспроизводится в духовном мире эвенов как чувство и представление дружбы, братства и любви. А.А. Алексеев пишет: «Так, З. Венгловский писал, что доброе расположение эвенов помогало ему преодолеть трудности путешествия по тундре: “Не раз, видя бескорыстную доброжелательность наших товарищей-проводников, мы задавали себе вопрос, откуда у них эта любовь к ближнему, этот альтруизм, такой искренний и широкий, нестесненный ни религиозным, ни национальным, ни социальным фанатизмом. Они любят всех людей, всегда спешат помочь и рады каждого видеть счастливым”» [23].

Себялюбие – низшая ступень духовного мира человека. На этой ступени человек заражается индивидуализмом, перестает быть всеобщим, а становится единичным, особенным, изолируясь от других индивидов. Такой эгоизм является отражением жадности, страстного стремления угнетателя приобретать и ненасытно накапливать богатство. В этом состоит суть цивилизации. Альтруизм – духовный образ общины, выражение всеобщей природы человека, его собственной сущности, его заботы не о себе, а о других членах общества (орды).

Можно утверждать, что альтруизм есть циркумполярная культура якутов, эвенов и духовная культура всех тех народов, которые вели или ведут общинный образ жизни. Эгоизм, как правило, есть продукт цивилизации. Между прочим, Ф. Энгельс в свое время заметил: «Цивилизация совершила такие дела, до каких древнее родовое общество не доросло даже в самой отдаленной степени. Но она совершила их, приведя в движение самые низменные побуждения и страсти людей и развив их в ущерб всем их остальным задаткам. Низкая алчность была движущей силой цивилизации с ее первого

до сегодняшнего дня; богатство, еще раз богатство и трижды богатство, богатство не общества, а вот этого отдельного жалкого индивида была ее единственной, определяющей целью» [24].

И античная цивилизация была греховным миром, царством богохульства и святотатства. В Римской империи свирепствовало насилие, грабеж со стороны военных и гражданских властей. Она все более обогащала богатых, доводя до полной нищеты бедных. Она уничтожила родовой строй общин, рай, в котором существовали имущественное равенство людей и их высокая духовность – альтруизм.

Чтобы остановить дальнейшее духовное падение человечества и преобразовать общество, первые христианские общины выступили против богатства, частной собственности. Их девиз: отказ от собственности, введение общности имущества, общие трапезы. Выше было сказано, что высшая духовная общность в эвенской общине вытекает из того, что они едят «из одного мяса» убитого зверя. Указывая на такую же высокую духовность христианских общин, Гегель писал: «Совместная вечерняя трапеза Иисуса и его учеников уже сама по себе есть акт дружбы. Еще более тесными узами их связывает торжественное преломление одного хлеба, питье из одной чаши. И этого уже не есть только знак дружбы, но акт, ощущение самой той дружбы, духа, любви» [25].

Есть исследователи, которые утверждают, что циркумполярную культуру народов Арктики и Севера, их альтруизм, любовь к людям и чистоту их нравов нельзя идеализировать, ибо, дескать все это есть невинность, наивность и простодушие. Тем не менее, следует отказаться от такого своего тщеславия и высокомерия. В «Философии религии» Гегель писал, что Иисус с тоской слушал распри своих учеников, затем, позвав дитя, сказал им: «Если вы не изменитесь и не вернете себе невинность, простодушие и непритязательность, которые мы находим в этом дитяти, то вы недостойны царства божия; тот, кто надменно взирает на других, ... кто считает себя вправе надменно или равнодушно взирать на них, тот недостойный человек; кто же обидит святую невинность и оскорбит чистоту ее, то-

му лучше было бы, если бы повесили ему на шею мельничный жернов и утопили его в море. В мире, правда, никогда не исчезнут оскорбления, наносимые чистым помыслам людей, но горе тому человеку, кто оскорбит чистоту! Остерегайтесь презирать кого-либо, и прежде всего простодушие, это – самый нежный, самый благородный цветок земной жизни, самое чистое подобие божества. Только оно дает высокое положение, притом самое высокое» [26].

В заключение необходимо отметить, что в свое время империей зла, порабощения и насилия являлась Римская империя. За революционное восстановление царства добра, дружбы и любви выступило первоначальное христианство. Безусловно, такая революция тогда не могла увенчаться успехом. Поэтому христианство «хотело осуществить социальное переустройство не в этом мире, а в мире потустороннем, на небе, в вечной жизни после смерти, в «тысячелетнем царстве», которое должно-де было наступить в недалеком будущем» [27].

Наконец, следует подчеркнуть, что таким же, как раннее христианство, революционным учением и движением, но построенном не на фантазии, а на научном изучении, является социализм. Нельзя не признать такой исторический факт, каким является Октябрьская социалистическая революция, которая разрушила царскую империю, принесшую эвенам и другим арктическим народам бесчисленное количество обид, оскорблений, лишений, бедствий и жертв. И нынешний рынок обрек их на обнищание и вымирание. Так что их дальнейшая судьба заключается в решительном восстановлении на высоком уровне их традиционного образа жизни и традиционной культуры, исключаяющей все формы зла, унижения и насилия современного цивилизованного мира. Тогда на знамени общества будет написан девиз: свобода, равенство и братство. Данная триада является сутью истинного демократизма и федерализма.

Все вышесказанное, в определенной мере, можно связать с проблемой мышления и прежде всего абстрактного мышления.

1.3. Проблема первобытного мышления в духовной культуре коренного населения

Известно, что в 40-50-х годах XX века на Западе было проведено много культурологических исследований, которые с точки зрения расовых концепций тщетно старались доказывать физическую и психическую неполноценность первобытных народов. Данные исследования были продолжением расизма, который, как совокупность антинаучных реакционных концепций о неравноценности человеческих рас (белых, черных, желтых), сложился в эпоху так называемого дикого капитализма и в обобщенной форме свое завершение получил в середине XIX века.

Заметим, что общинно-родовое общество эвенов относится к первобытной периферии классовых, охарактеризованных в теории как цивилизованных, обществ. Географически эта периферия располагается на северо-востоке Азии. Социально-экономическую жизнь местного населения данной территории ещё раз узнаем из следующего высказывания: «Русская колонизация Сибири, появление значительного количества пришлого населения, изменения этнического состава очень незначительно сказались на изменении хозяйственного уклада автохтонов. Также незначительно менялась и социальная структура северного населения. Примитивный обмен и появление элементов имущественной дифференциации практически еще не разрушили общинно-родового уклада на всей территории Северной Азии и не создали ситуации, в которой был выражен переход к сословно-классовому обществу» [28].

Было установлено, что цивилизация – форма порабощения, форма разделения человеческого общества на угнетающие и угнетенные классы и народы. Из цивилизации, самым непосредственным образом, проистекает, как ее духовная надстройка, расизм, исходящий из того, что белые по своей биологической и интеллектуальной сущности представляют высшую расу, предназначением которой является угнетение и господство над цветными народами колониальных стран.

Расизм, увлекаясь в своих рассуждениях, распространяет биологическое понятие расы на классовое деление общества, провозглашая эксплуатируемые классы расой рабов, «двуногими млекопитающими», а эксплуататорские классы расой господ. В самом античном мире – в первой великой эпохе цивилизации, иначе говоря, в первой великой форме порабощения человека человеком – рабов сравнивали не только с животными, но и с вещами, с рабочими инструментами, говорящими на человеческом языке и являющимися собственностью рабовладельцев.

Известно, что татаро-монголы двигались по южным степям и не проникали в тундровую и северотаежную зону Азиатского материка. Поэтому о жителях этой части земли они имели самые туманные представления. Не имея фактических данных и реальных сведений о северных людях и подчиняясь игре своего воображения, они следовали древним преданиям о происхождении того или иного рода или племени от сношения женщин с собаками, сказкам о существовании мифического народа, состоящего из существ с собачьей головой и с бычьими ногами, лишенных какого-либо сознания или мышления.

Такое расистское представление составляло основную тему значительного количества исторического знания, рассматриваемого в дворянской и буржуазной историографии царской России. Например, историк П.Н. Буцинский эпиграфом, основной точкой зрения своей книги «Заселение Сибири и быт первых ее насельников» выбрал фразу, говорящую о том, что Сибирь – земля зверообразных людей.

Об этом в своей вступительной статье к книге «Колониальная политика московского государства в Якутии» И.М. Троцкий писал: «Дело однако, повторяем, не в недостатке источников, а в тех отправных точках зрения, из которых исходили... дворянские и буржуазные историки, писавшие по вопросам истории Сибири. Соответственно общим для них великодержавным установкам сибирские туземцы рассматривались как дикари, а военно-феодальный грабеж сибирских колоний – как осуществление исторической колонизаци-

онно-культурной миссии России. Эта точка зрения... господствовала до революции и проникла и в пореволюционную литературу» [29].

Таким образом, расистская точка зрения выступает как идеология угнетения, грабежа и уничтожения низших классов и покоренных народов. Уподобление людей диким зверям, собакам и другим млекопитающим, т.е. животным, которые только чувствуют, но не мыслят, преследует эксплуататорскую цель. Раз одни человеческие народы и расы сравнены по уровню развития с животными, то возникает мысль, что над ними можно и необходимо господствовать, лишить их прав на свободу, на равенство и справедливость. Следовательно, разрешается физически наказывать их за непокорность и неподчинение. Так, Х.И. Дуткин, указав на то, что малочисленные народы Севера подверглись жесточайшему геноциду, не без основания подчеркивает: «Исчезли многие родовые и племенные объединения, этносы, существовавшие в XVII веке...» [30].

Расистская мысль об интеллектуальном превосходстве одной человеческой расы над другой, о различии человеческих пород на привилегированные и бесправные представляет собой одну из распространенных и господствующих мыслей в цивилизованном обществе. Она является отражением того, что цивилизованный мир возглавляется классами и народами, которые сосредотачивают в своих руках колоссальные производительные силы и обладают собственностью на землю, заводы, фабрики и банки. Имея такие громадные материальные силы, эти классы и народы преобладают в материальном производстве. Соответственно, они и имеют преимущество, т.е. власть, в духовном производстве. Как писали К. Маркс и Ф. Энгельс, они «господствуют и как мыслящие, как производители мыслей, они регулируют производство и распределение мыслей своего времени» [31].

Мыслители, т.е. антропологи, психологи и философы, стоящие на страже интересов цивилизованных, технически высокоразвитых стран, определяют мышление как совокупность или тотальность представлений и мыслей таким образом, что оно признается неотъемлемым свойством населения этих стран. Расисты, как было сказа-

но выше, отрицают мышление у населения стран, в которых промышленность как разновидность культуры совсем отсутствует или слабо развита.

Интеллигенция унижающей и оскорбляющей нации в своей фантазии отрывается от живой действительности и в ее сознание входят ложные образы и представления о диких людях или зверообразных существах с собачьими головами, которые не говорят и не мыслят, а воют и лают как собаки. Словом, образы и представления фольклора, народного поэтического творчества, т.е. былин, сказок, преданий, пословиц и т.д., переключиваются в область политики и журналистики, становясь их представлениями, категориями и суждениями. Говоря об этом, можно напомнить рассуждение Ю. Рытхэу в статье «Не юбилейные мысли»: «Есть еще один вид бестактности: это высокомерие, некий патернализм в отношении наших народов... В одной из публикаций “Советской России”, где автор призывает проявить заботу “О братьях наших меньших”, то бишь о народностях Севера, низводя нас таким образом до уровня животных» (Лит. Россия. – 1990. – 9 марта).

М. Коул и С. Скрибнер описали аналогичную бестактность и высокомерие: «Искатели приключений и миссионеры из западноевропейских стран в XVI – XVIII вв. были поражены теми необычными и неожиданными явлениями в жизни людей, с которыми они встретились на новых берегах... Некоторые из них даже сомневались в том, “действительно ли эти люди – тоже люди”» [32].

Расисты, безразлично какие, западные или восточные, бытовые или официальные, несомненно, себя относят не к виду животных, а к виду *homo sapiens*, т.е. к виду разумного человека. Но если не следовать их безумному самонадеянству и презрению к другим, а исходить из здравого смысла и объективной истины, то все люди (следовательно, все расы) разумны. В отношении мышления заключена возможность их равноправия, необоснованность деления их на привилегированных и бесправных, на господ и рабов.

Тем не менее, расистская империалистическая интеллигенция продолжает тупоумно проводить данное деление путем различения

первобытного и современного мышления. Это можно увидеть и из следующей цитаты: «Вернер считает, что не имеющие письменности, народы, дети и душевнобольные одинаково отличаются примитивным мышлением, что выражается в следующем: они не различают субъекта от объекта (как не проводят различия “между тем, что видят во сне, и тем, что видят наяву”); применяют конкретные способы классификации; их мыслительные процессы не отделены от восприятия, эмоций и моторных действий, поэтому они не способны к абстрактному мышлению. Выводы Вернера, касающиеся животных, детей и душевнобольных, основаны на экспериментальных данных, ... что же касается его выводов относительно первобытного человека, то использованные им данные и метод не отличаются существенно от использованных Леви-Брюлем» [33].

Выходит, что западные расисты воспринимали людей с древней культурой, народов с общественным производством и с общественной собственностью, т.е. субъектов первобытной, архаической общественно-экономической формации как звероподобных, с песьими головами существ, а теперь сравнивают их с сумасшедшими людьми.

Напротив, аналогию с душевнобольными, скорее всего, имеют не племена и народы с низшей научно-технической культурой или совсем ее лишенные, а расисты господствующих наций.

Если исходить из фактов, из чувственного наблюдения здоровых людей, здравомыслящих землепроходцев и исследователей, у которых «мыслительные процессы не отделены от восприятия», то на всем земном шаре, в окружающем объективном мире невозможно реально обнаружить сказочных людей или народы с головами таких домашних животных («братьев меньших») как собаки. Так что представление западного расизма, иначе говоря, империализма и фашизма о существах с баснословными головами выступает как субъективность без объективности, как пустое, абстрактное представление без конкретного, чувственного подкрепления и обоснования.

Следовательно, дворянский и буржуазный менталитет извлекает из своего тайника такие образы и представления, которые не имеют

соответствующего созерцания, которое бы подтверждало их. Когда менталитет отходит от непосредственного созерцания и создает образ, расходящийся с ним, то становится воображением. При помощи последнего расисты приходят к образу песиголовцев, который как субъективное, ложное представление не совпадает с их объективным сознанием и который является синдромом душевной болезни. Ведь душевнобольные могут представляться царями, королями, богами, вообразить себя и других собаками, ячменным зерном и т.д.

Гегель писал, что в нарушенной душе «субъективность души не только отрывается от своей... субстанции, но вступает с ней в прямую противоположность, в полнейшее противоречие с объективным, вследствие чего она становится чисто формальной, пустой, абстрактной субъективностью и в этой своей односторонности претендует на значение подлинного единства субъективного и объективного» [34].

Конечно, представление о братьях меньших и о существовании песиголовцев является неразумным и может претендовать лишь на формальную, абстрактную, сказочную, а не действительную, объективную истину. Всем известно, что только в сказках люди превращаются в разных животных. Но это не означает, что они в конкретной действительности, в объективном мире существуют как домашние животные или как звероподобные существа.

Именно в этом состоит принцип философского мировоззрения о единстве субъекта и объекта, мышления и бытия. Уже Спиноза установил, что порядок и система вещей и порядок и система представлений совпадают между собой. И всякий человек в своем обыденном менталитете и повседневном мировоззрении не расходится с высокими принципами философского мышления. Перед безрассудством рассудка, «равно как и перед помешательством уже простое ощущение здоровой души обладает преимуществом разумности, поскольку в нем имеется налицо действительное единство субъективного и объективного» [35].

Кроме этого объективного единства субъективного и объективного, в котором первичным и определяющим является объективное

и его содержание, наполняющее субъективную форму – кроме этого еще есть субъективное единство субъективного и объективного, где движущим и направляющим началом выступает само субъективное. При первом единстве субъект есть такой, каким является объект, при втором – объект следует и подчиняется субъекту. Продолжая эту мысль, Гегель пишет: «Поскольку душа является помешанной, она скорее твердо держится только субъективного тождества субъективного и объективного, как объективного единства обеих этих сторон» [36].

Не народы без письменности, а скорее всего расисты и душевнобольные одинаково отличаются примитивным мышлением, что выражается в следующем: они не различают субъекта и объекта (как не проводят различия «между тем, что видят во сне, и тем, что видят наяву»). Субъект, т.е. человек, конечно же, лишь в своей затейливой фантазии, в своем субъективном представлении превращает людей в собак.

Ясно, что нужно отличать субъект от объекта, представление или воображение от созерцания, фантазию от действительности. Обычно человек проводит такое различие во время бодрствования и в здравом состоянии. Однако во сне и в состоянии душевного расстройства он перестает различать их друг от друга, не сознает, что субъект еще не есть объект. Чисто субъективное представление воспринимается как объективное существование и между ними устанавливается тождественное отношение. Сон спутывается с явью, люди начинают грезить наяву и не «проводят различия “между тем, что видят во сне, и тем, что видят наяву”». Помешанным человек становится, когда он, – как писал Гегель, – «свое только субъективное представление принимает в качестве объективного, ... и отстаивает его вопреки находящейся с ним в противоречии действительной объективности. Для помешанных то, что в них только субъективно, совершенно в такой же мере достоверно, как и объективное» [37].

И, действительно, расизм изображает порабощенные массы животными: собаками, скотом и т.д. не только в воображении, во сне,

но и в реальной действительности. Средневековый расизм представляет феодалов как высшую расу, как барскую, дворянскую породу с белой костью и голубой кровью, а крестьян – как черный народ и низшую расу, как быдло, иначе говоря, как тупое, безвольное и бессловесное стадо скота, над которым можно и нужно осуществлять всевозможные виды физического наказания и насилия.

Такое расистское представление о феодалах и крестьянах, о том, что феодалы – высшая раса людей, суть расстроенное воображение, которое приводит, по меньшей мере, к мании величия, к высокомерию и презрению эксплуатируемых масс.

Гегель подчеркивал, что сумасшествие сводится «к господству фантастических представлений над созерцаниями и над разумными представлениями в бодрственном состоянии» [38]. С точки зрения здорового и здравомыслящего человека феодалы и крестьяне относятся не к двум биологическим породам или расам людей, а к одному и тому человеческому виду *homo sapiens*, т.е. к виду разумного человека. Если исходить из разумных представлений и непосредственных созерцаний, то все люди одинаковы и, как мыслящие и обладающие рассудком и разумом, равноправны между собой. Так что по своим интеллектуальным способностям человеческие виды не могут быть разделены на угнетенные и угнетающие, на привилегированные и бесправные.

Поэтому такое разделение выступает в качестве продукта призрачного и ложного представления. Как известно, когда это представление становится навязчивым, постоянным и прочным, оно становится тупоумием, которое может превращаться и превращается в безумие или буйство. Данное неправильное, фантастическое представление возводится в ранг идеологии, политики, а также уголовного законодательства.

Особенно бешеным характером и диким варварством отличались меры уголовного принуждения в рабовладельческих и феодальных государствах, в которых рабы и крестьяне не имели человеческих прав. С рабами и крестьянами обращались как с животными: их били и убивали.

Например, имеются такие конкретные примеры феодального законодательства, как Уложение Алексея Михайловича 1649 года в России и кодекс уголовного права, изданный германским императором Карлом V в 1532 году. Особо буйствовали силовые, карательные органы феодального государства. Они применяли смертную казнь в чрезмерно жестоких формах: четвертование, сожжение, отсечение головы, повешение, утопление, закапывание в землю живым, вырывание внутренностей из живого тела и т.д. Есть примеры и того, что буржуазный уголовный кодекс в смысле суровости и беспощадности к наказуемым ничем не отличается от средневекового законодательства.

О варварском характере последнего Ф. Энгельс писал следующее: «Из тех поучительных глав “Каролины”, которые говорят об “обрезывании ушей”, “обрезывании носа”, “выкалывании глаз”, “сжигании”, “пытке раскаленными щипцами”, “колесовании”, “четвертовании” нет ни одной, которой бы милостивый господин и покровитель не применял к своим крестьянам по усмотрению. И кто мог бы оказать крестьянину защиту? В судах сидели бароны, попы, патриции или юристы, которые хорошо знали, за что они получают деньги» [39].

Итак, безрассудство расизма заключается в биологическом обосновании жестокого угнетения и кровавого подавления своего народа как неполноценной породы или расы. Ясно, что такой же расовый подход имеет феодальный и буржуазный империализм и по отношению к чужим народам, населяющим колониальную периферию. Но в данном случае расовый подход отличается наиболее безумным варварским характером.

Известно, что европейская колонизация, последовавшая за великими географическими открытиями, привела к бешеному и безжалостному уничтожению многочисленных племен и народов, живших первобытнообщинным строем. Народов, каким-то чудом сохранивших свое существование, колонизаторы подвергали бесчеловечной эксплуатации.

Не является исключением жестокий военно-феодальный гнет царского империализма. Историк Г.А. Попов доказывал: «Если мы к этому прибавим вообще присущие для тогдашних сибиряков-русских алчность, ненасытное стремление во что бы ни стало нажиться за счет темного и забитого туземца, то мы увидим поразительную картину произвола и чинимых насилий по отношению к инородцам» [40].

Установлено, что царское правительство предоставляло свободу зверского произвола для воеводского самовластия в Сибири. Из всех сибирских городов самым несчастным в этом отношении был Якутск. Кровавая страница истории Якутии была открыта первым якутским воеводой Головиным. Он буйствовал и приказывал вешать ни в чем не виновных людей, бить кнутом до смерти, затем вешать мертвых. Г.А. Попов определенно заметил: «Жестокость Головина не знала границ: у якутов резали носы и уши, выкалывали глаза, вешали за ребра и закапывали живых в землю. С целью наживы Головин прибавил якутам налоги, вчетверо взыскивал ясак и поминки» [41].

Посланный Головиным письменный голова Поярков с отрядом служилых людей сжег улусную деревню вместе с ее жителями, насчитывающими более трехсот человек, в том числе безвинных женщин и детей. Якутский воевода Барнышев и Охотский приказчик Крыжановский бесчинствовали и насильственно отнимали у живых мужей (якутов и эвенов) жен и дочерей для разврата и превращения их в рабынь, которые назывались «ясырками». Так был создан институт рабства, который действовал везде, в том числе и на Колыме, где уличался в насилиях землепроходец Дежнев.

Ненормальное, за пределы ума вышедшее душевное состояние завоевателей описано Г.А. Поповым следующими словами: «“Нравственный” облик русского элемента на Лене дает в своем “Поучении” архиепископ Сибирский Симеон: “Православные христиане, слышатся в вас пагубное и незаконное, скверное и нечистое распутство; с некрещеными ясырками наживают детей, которых убивают или прогоняют”» [42].

Во многих культурологических исследованиях членам обществ, находящихся на низших ступенях социально-экономического развития, реакционные авторы отказывают в наличии способности мышления, прежде всего, способности абстрактного мышления. Ясно, что эти авторы исходят из уже известного и ложного навязчивого представления расизма, уподобляющего поработанные массы животным («братьям меньшим»).

Определенный обзор мнений и заключений некоторых из указанных авторов приводит А.Р. Лурия: «Африканские негры, например, “не думают, не рассуждают...Они имеют удивительную память, наблюдательность, могут прекрасно подражать... но способности разума или творческие способности остаются у них спящими... и способность планировать или делать разумные выводы по инструкции остается чуждой им...” (Тэйлор, 1874); делался вывод, что “негры или народы Восточной Азии из-за недостатка интеллектуальных способностей не могут достигнуть уровня западной культуры” (Вернон, 1967); “обычаи заменяют у них мышление” (Томпсон, 1945; Хогден, 1952); “культурные особенности африканцев делают их не подготовленными для обучения” (Шапиро, 1950)» [43].

Мимоходом можно заметить, что расовая теория о недостатке интеллектуальных способностей, об изъянах мышления первобытного человека, выраженных в отсутствии абстрактных понятий, непониманий причинности и в неспособности предвидения, прорабатывалась Г. Спенсером ещё в XIX веке. Если вплоть до начала XX века его концепцию о «биологической неполноценности» людей из традиционной культуры поддерживало большинство ученых, то в настоящее время усилиями прогрессивных исследователей в области культурологии расовая теория, будучи ложной, стала пользоваться дурной репутацией.

Ведь всякий человек, к какой бы культуре он не относился и в каком бы обществе не жил, представляет собой не только биологическое, но прежде всего социальное и духовное существо. В согласии с вкладом Ф. Энгельса в научную антропологию было установлено, что человек перестал быть чисто биологическим существом,

превратился из животного в *homo sapiens*, в общественное и разумное существо благодаря трудовой деятельности. Именно труд окончательно и бесповоротно осуществил процесс перехода от животного к человеку. Резонно предположить, что между животным и человеком существовали множество промежуточных существ. Ф. Энгельс писал: «Самые низшие дикари и даже те из них, у которых приходится предположить возврат к более звероподобному состоянию с одновременным физическим вырождением, все же стоят гораздо выше тех переходных существ» [44]. Хотя в этих словах звучат расистские нотки, но они успешно преодолены фразой о том, что люди из сферы традиционной культуры поставлены «гораздо выше тех переходных существ», иначе говоря, причислены к виду рассудительного и разумного человека.

Труд с самого начала носит спланивающий, общественный характер, требует сотрудничества и взаимопомощи между людьми. Он, создавая потребность что-то сказать друг другу, способствовал и стал причиной возникновения языка как средства общения. Трудом и членораздельной речью Ф. Энгельс объясняет превращение мозга обезьяны в человеческий мозг, а затем развитие чувств и мышления, следовательно, «способности к абстракции и к умозаключению».

Выходит, что все индивиды из всех культур, из всех родов, племен и наций обладают языком и мышлением. Так что необходимо решительно отвергнуть расистское рассуждение, отрицающее наличие способности к абстракции и к силлогизму (умозаключению) у членов традиционных, коллективистских обществ.

Немыслимо, чтобы эвены, живущие в условиях кочевых родовых общин и других форм коллективных хозяйств, «не думали, не рассуждали», были «неподготовленными для обучения». Немыслимо, что они имели лишь наглядное восприятие, наблюдательность, созерцание, воспоминание, память, далее желание, хотение, обычаи, но не обладали самой высшей духовной способностью, а именно мышлением. Эвен, как и всякий человек на земле, как русский, немец, француз, англичанин и т.д., является не только чувствующим,

созерцающим, вспоминающим и представляющим, но и мыслящим существом. Здесь как раз появляется возможность цитирования следующего высказывания Гегеля: «Согласно укоренившемуся с давних пор положению, превратившемуся в трюизм, человек отличается от животного мышлением; это положение может казаться тривиальным, но вместе с тем удивительно то, что приходится напоминать о таком старинном убеждении» [45].

Все люди, независимо от того, в каком обществе – традиционном или цивилизованном, иными словами, в первобытнообщинном или классовом – живут и трудятся, общаются на своем родном языке. Установлено, что с языком неразрывно связано мышление. Язык и мышление не существует друг без друга. Невозможно оторвать язык от мышления, как это делают расисты, и утверждать, что роды, племена и народы, владеющие членораздельной речью, могут иметь лишь чувства, а не мысли, следовательно, лишь чувственные, а не рациональные знания и познания. Совокупность слов или словарный состав языка представляет собою внешнее наличное бытие, выражающее внутреннее содержание мышления, т.е. соответствующую совокупность мыслей.

Гегель особое внимание обращает на слово «Я». «Я» на эвенский язык переводится как «би». Именно об этом «би» Гегель писал: «Но “Я”, взятое абстрактно как таковое, есть чистое отношение к самому себе, в котором абстрагируется от представления, ощущения... “Я” есть в этом отношении существование совершенно абстрактной всеобщности, есть абстрактно свободное. Поэтому “Я” есть мышление как субъект; и так как “Я” присутствует во всех моих ощущениях, представлениях, состояниях, то мысль повсюду наличествует и проходит как категория через все эти определения» [46].

Гегель продолжает в таком же духе и дальше: «“Я” и мышление есть одно и то же... “Я” есть пустота, приемник всего, для которого все существует и который все сохраняет в себе. Человек есть целый мир представлений, погребенных в ночи “Я”. Таким образом, “Я” есть всеобщее, в котором абстрагируется от всего остального, но в котором вместе с тем все заключено в скрытом виде. Оно есть

поэтому не чисто абстрактная всеобщность, а всеобщность, которая содержит в себе все... Животное не может сказать “Я”, это может сделать лишь человек, потому что он есть мышление... Мы ведем себя как чувственно созерцающее, представляющее, вспоминающее и т.д. Но во всем есть “Я” или, иными словами, во всем есть мышление. Человек мыслит всегда, даже тогда, когда он только созерцает. Человек... берет созерцаемое как некоторое абстрактное и всеобщее, хотя бы только как формально всеобщее» [47].

Так что в области менталитета, интеллекта или мышления нет расового превосходства одних народов над другими. Мышление есть абстрактная, всеобщая, т.е. общечеловеческая характеристика или атрибут всех людей, независимо от племени, нации и расы. Не существует различий между первобытным мышлением и европейским мышлением. Ибо мышление содержит в себе всё и, следовательно, «абстрагируется от всего особенного», различающегося и, именно поэтому, оно есть нечто тотальное и универсальное. Именно поэтому в сравнительно-психологических и культурологических исследованиях прогрессивные исследователи исходят из концепции «универсального человеческого разума».

По их утверждению, различия, существующие между традиционным и научным мышлением, не являются непреодолимыми. Первобытный человек так же умен, как и западный человек. М. Коул констатирует: «Мы не обнаруживаем межкультурных различий в отдельных основных познавательных процессах... нет данных о том ... будто в какой-либо культурной группе совершенно отсутствует какой-либо основной процесс, вроде абстракции, процессов вывода или категоризации мира» [48].

Выходит, что мышление – неотъемлемый атрибут, присутствующий в любой культурной группе, безразлично, относится ли она к низшим или к высшим стадиям общественно-экономической формации. Тем не менее, в Америке и Европе были разработаны интеллектуальные тесты, представляющие школярство в науке. Как известно, человек имеет много способностей: ум, волю, желание, чувство, созерцание, воспоминание и т.д. При помощи интеллекту-

альных тестов тщетно пытались определить умственные способности отдельных людей и народов, живущих в условиях различных культур: традиционной и индустриальной. И чтобы экспериментально обнаружить и измерить «расовые» различия в менталитете были написаны горы книг, специальных журналов и проведено множество исследований.

При этом коренных жителей Азии, Австралии, Африки и Америки расистские исследователи сравнивали с кошками для того, чтобы доказать отсутствие у них умственных способностей. Однако научные исследования человеческого менталитета даже по американским тестам показали обратный результат. Л.А. Новикова приводит данные о том, что если принимать средний коэффициент умственного развития нормального человека за 100, то у китайцев, корейцев, японцев, вьетнамцев данный коэффициент выше, чем у белых [49].

В начале 1920-х гг. советский психолог Л.С. Выготский и его ученики изучали общественно-исторический характер мышления. Один из его учеников П. Тульвисте самым неосторожным образом не согласился с принципом «универсального человеческого ума». Он настаивал на том, что этот принцип «не позволяет объяснить некоторые существенные различия в мышлении традиционных и получивших школьное образование испытуемых (например, в опытах по образованию силлогизмов)» [50]. Кроме того, он говорил, что данный принцип об абстрактности и всеобщности мышления не объясняет, откуда берется «ум» и отрицает историческое развитие человеческого мышления.

Эти высказывания П. Тульвисте являются напрасными опасениями. Может быть, культурологические исследователи, исходящие из принципа «универсальности человеческого ума» и не объясняют происхождение «ума». Однако это ни в коем случае не должно подвергать сомнению универсальный общечеловеческий характер мышления. Выше было сказано, что мышление проистекает из развития чувств и мозга, которое, в свою очередь, объясняется трудовой деятельностью человека и возникновением языка. Далее знаем,

что люди всех культур и континентов, в отличие от кошки, могут сказать «Я» (например, по-эвенски «би») и что, по Гегелю, «Я» и ум есть одно и то же. Человек есть не только чувствующее, но и умное существо. Ум абстрагируется от чувств, созерцаний и представлений. Так объясняется, откуда берется «ум».

Кроме того, универсальность или тотальность человеческого мышления не есть нечто неизменное, а включает в себя свое собственное историческое развитие. Досадно, то, что П. Тульвисте невольно делает уступку концепции о расовых различиях в умственных способностях, допуская существенные различия между первобытным мышлением и мышлением европейца. Существенной ошибкой отечественных психологов является и то, что в исследовании умственных способностей, например, казахских детей, не учитывая незнание ими русского языка, делали вывод о недостаточности их умственных способностей. А в Якутии, некоторые специалисты русского языка склонны принижать интеллектуальный уровень детей коренного населения. На практике наблюдается явление, когда из-за недостаточных знаний русского языка ставят под сомнение или вообще сводят на нет высокую интеллектуальную способность и отличные знания по другим предметам: по математике, физике, биологии, истории и т.д. В результате абитуриенты не поступают в высшие учебные заведения.

Ложность и вредность расистского представления об отсутствии умственной способности у членов традиционных обществ доказывается наличием абстрактностей в их родном языке.

1.4. Абстрактное и конкретное в духовной сфере – в языке эвенского народа

В дальнейшем видовые различия расисты проводят в форме противоположения абстрактного и конкретного мышления. При этом абстрактное мышление относят к народам «цивилизованного мира», а конкретное мышление приписывают «отстающим» народам. Здесь опять встречаем очередное расистское унижение жителей обществ

традиционной культуры, будто их мышление не может стать чистым, всеобщим, абстрагированным от ощущений, созерцаний и представлений. Снова их уподобляют животным, которые являются чувствующими, но не мыслящими существами.

Но если исходить из действительного положения дел и, соответственно, из истинного рассуждения или исследования, то малочисленные народы Севера не только чувствуют и созерцают, но и разговаривают, передавая друг другу на словах те или иные факты и сведения. Другими словами, они, как все цивилизованные нации, наделены способностью пользоваться языком слов. Общеизвестно, что владение речью является одним из признаков, отличающих людей от животных. В философии давно установлено и доказано, что между речью и мышлением существует неразрывная связь. Мышление, как абстракция, суть нечто общее. А «всякое слово (речь) уже обобщает» (Ленин), т.е. представляет собою такое же общее, как и само мышление. Так что неправильно и несправедливо уподоблять коренные народы традиционной культуры существам, которые лишь чувствуют, но не мыслят.

Как известно, язык – важнейшее средство человеческого общения и без общего языка нет общности народа. Также знаем, что язык представляет собой речь и способность человека говорить, выражая словесно свои мысли. Другими словами, язык составляется из знаков и звуков, посредством которых люди общаются и сообщают друг другу то, что чувствуют, созерцают, представляют и мыслят. Так что язык есть совокупность слов, а слова есть знаки мыслей. В связи с созданием и развитием письменности у малочисленных народов в годы советской власти можно напомнить и о том, что для слов – знаков мыслей, в свою очередь, в письме изобретаются знаки – буквы. Письмо является средством передачи чувств и мыслей, не прибегая к устной речи.

Если слово обобщает и вместе с мыслью выступает как общее или всеобщее, то в человеке имеется две стороны. С одной стороны, человек – это единичное, природное существо. С другой стороны, он – всеобщее, духовное и разумное существо. Поэтому, с мораль-

ной точки зрения, каждый человек или народ перед самим собою ставит две задачи или цели: во-первых, добиваться физического самосохранения и, во-вторых, просвещать себя, поднимать свое единичное состояние или существо до своей всеобщей природы, до понятия или понимания, познания общих и вечных законов природы, общества и самого мышления. В отличие от человека, имеющего в себе и духовную, интеллектуальную сторону, животное исчерпывается лишь тем, что оно является только природным существом и поэтому не нуждается в образовании.

Создание письменности и распространение образования среди малочисленных народов Севера способствовали формированию национальной интеллигенции – социальной прослойки, состоящей из деятелей науки и искусства, инженеров, учителей, врачей и т.д., специально занимающихся умственным трудом. Интересно отметить, что в педагогике образование определяется как усвоение общих и специальных знаний и как развитие познавательных способностей учащихся, формирование их мировоззрения и подготовка к практической жизни. Метод перехода от абстрактного к конкретному представляет собой диалектическое средство в области образования и в научно-исследовательской работе.

Именно с этой точки зрения можно воспринимать слова Ленина: «Мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит – если оно правильное ... – от истины, а подходит к ней. Абстракция материи, закона материи, абстракция стоимости и т.д. Одним словом, все научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, полнее. От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике – таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности» [51].

Те, которые считают абстрактное мышление принадлежностью цивилизованных народов, а конкретное мышление – свойством людей традиционного общества, правы в одном, а именно: цивилизованные люди склонны придерживаться или являются сторонниками и проповедниками неправильного, несерьезного и вздорного абст-

рактного мышления. Думается, что как такие неправильные, несерьезные и вздорные абстракции или как такое нелепое и ложное абстрактное мышление, оторванное от конкретной действительности, следовательно, от конкретного мышления, выступают христианская религия и гегелевский идеализм. Предметами последних являются бог и идея, но не природа и материя. Знаем, что древняя языческая философия признавала, как первостепенную и важную, природу и преклонялась перед нею и христиане на этом основании ее прозвали идолопоклонничеством. И в этом состоит ее конкретное мышление. Лишь в христианской религии и в классической немецкой философии материя, как конкретное начало и как источник мышления перестали существовать и действовать, растворившись в духе, в абсолютной идее и в абстрактном мышлении. Материя, действительность, существующая вне духа, мышления или человеческой головы или вне абстракции как нечто конкретное, исчезает и растворяется в ложном, абстрактном, воображаемом и интеллигентном мире христианства и идеализма.

Обо всем этом Фейербах подробно разъяснял: «определение, что только “конкретное” понятие – то понятие, которое носит в себе природу действительности, есть истинное понятие, выражает признание истинности конкретного или действительности. Но с самого начала понятие, т.е. сущность мысли, было предположено в качестве абсолютного, единственно подлинного существа; таким образом реальное, или действительное, может быть признано лишь косвенным путем, только как существенное и необходимое прилагательное понятия. Гегель – реалист, но реалист чисто идеалистический, или, скорее, – абстрактный реалист – реалист в абстракции от всякой реальности. Он отрицает мышление, именно абстрактное мышление, но опять-таки в абстрактном мышлении, так что отрицание абстракции в свою очередь оказывается абстракцией. С его точки зрения, только то, “что есть”, составляет объект философии, но это “есть” само есть только нечто абстрактное, мыслимое. Гегель – мыслитель, который превосходит самого себя в мышлении – он хочет овладеть самой вещью в мысли же о вещи, хочет быть вне

мышления, но вместе с тем в самом мышлении – отсюда трудность уловить “конкретное” понятие» [52].

Можно предположить, что конкретное, действительное, присущее язычеству, становится неуловимым, мистическим и призрачным в христианстве, благодаря включению его в нечто абстрактное, в сферу мышления. Как следствие в Средние века наступило господство богословия и свелось на нет положительное знание о внешнем мире, т.е. древняя языческая философия и языческая наука. Реализм и материализм были заменены спиритуализмом и мистицизмом. Христиане отвели свой взор от живого созерцания конкретной действительности и стали рассматривать эту действительность через призму ложного, вздорного абстрактного мышления, характерного для цивилизованного общества. Они потеряли из виду природу и соответственно не поклонялись ей. Не желали позориться и быть идолопоклонниками. Они, не будучи язычниками и естествоиспытателями, не поднимали свои очи на конкретное, на действительное, иначе говоря, на небо, земле, солнце, растения и животные. Они восхищались и поклонялись потустороннему богу – выдуманному создателю, творцу всего конкретного, всего действительного.

Божественное сотворение мира означает переход от абстрактного к конкретному. И в религии и в идеализме данный переход осуществляется не в подлинном смысле, а лишь по видимости, в ложном свете. Конкретное не находится за пределами абстракции и переход к нему оказывается не действительным, а призрачным и фиктивным, т.е. он осуществляется в недрах той же абстракции. И абстракция на деле остается такой же абстрактной, пустой и бессодержательной, как и до перехода. Когда из абстракции, из бога и идеи обратно возвращаются к конкретному, к тем же вещам – к небу, земле, солнцу, растениям и животным, тогда и последним, т.е. конкретному придают сверхъестественное значение и спекулятивный, иллюзорный смысл. Так они снова превращаются в чистые абстракции.

Таким образом, христиане цивилизованного общества и на самом деле обладают абстрактным мышлением, которым не наделены языческие народы, живущие в традиционном обществе. Тем не менее, это абстрактное мышление является нелепым, никчемным и ложным и представляет собой мистицизм. Но есть и другое абстрактное мышление, которое является правильным, серьезным и научным и принадлежит тоже цивилизованному обществу. Такое абстрактное мышление выступает в форме естественных наук и новой философии, на вершине которой располагается диалектический материализм. Последние возрождают на более высоком витке завоевания и достижения древней языческой философии и древних языческих наук.

Пусть будет здесь уместным приведение следующего изречения Фейербаха: «Признание света действительности в темной сфере абстракции включает противоречие, это – признание действительности через ее отрицание. Новая философия усматривает конкретное не в абстракции, а в конкретном, берет действительное в его действительности, следовательно, признает в нем истину способом, соответствующим сущности действительного, вместе с тем она возводит это действительное в принцип и предмет философии; благодаря этому новая философия действительно составляет истину философии Гегеля и вообще всей новейшей философии в целом» [53].

«Тут мы встречаемся, – пишут М. Коул и С. Скрибнер, – с другой излюбленной темой дискуссий, посвященных проблеме взаимоотношения между культурой и познавательными процессами, – с идеей о том, что наше мышление не только отражается в языке, на котором мы говорим, но и ограничено им. В подтверждение этой мысли обычно указывают на конкретный или абстрактный характер словаря и грамматики того или иного языка. Существуют ли на самом деле конкретные и абстрактные языки, и если да, то каково их отношение к абстрактному и конкретному мышлению?» [54]

Цивилизованные расисты напрасно стараются убедить в том, что языки народов циркумполярной культуры являются конкретными, чувственными, а не абстрактными. При этом они указывают на на-

личие многочисленных слов, отражающих различные оттенки и консистенцию снега, и на отсутствие слова, которые выражало бы общую, абстрактную мысль о снеге.

Х.И. Дуткин пишет: «Иманда “снег”, чунир “толстый, твердый снег”, хинэлгэн “мягкий снег, который находится под верхним твердым слоем и служит обычно для питья”, халга “снег, выпавший среди лета”, хинэх “иней”, бот “град”, хаҕ алан “мягкий, падающий медленно, как вата мягкий”, уну “снег, накапливающийся на деревьях, на крышах домов”, онир “снег, оставшийся на все лето”, унһан “последний весенний снег, мягкий и густой”, ирба “первый осенний снег, оставшийся не глубоким слоем на всю зиму”» [55].

В лексике эвенского языка, таким образом, имеются не только конкретные слова, обозначающие единичные и особенные виды снега, такие, как чунир, халга, уну, онир и т.д., но и общее слово иманра, выражающее абстрактное понятие «снег вообще». Так что ошибаются те, которые думают, что словарь эвенского языка имеет только конкретный характер, ибо он одновременно является абстрактным. Если различают конкретные и абстрактные языки, то эвенский язык выступает как их сочетание, как их синтетическое единство.

Думается, что в этом отношении эвенский язык, если не превосходит, то ни на йоту не уступает языкам цивилизованных народов. В данных языках также обнаруживаем, хотя в меньших количествах, чем в эвенском языке, точно такое же синтетическое объединение абстрактного и конкретного. Например, конкретными видами, нечто единичными и особенными являются вишни, груши и виноград, тогда как плод вообще, нечто абстрактное и всеобщее называется фруктом.

Использование для описания снега только одного слова «иманра» («снег») было бы слишком односторонним, пустым, неопределенным, т.е. абстрактным. Это похоже на то, как если бы какой-нибудь минералог при рассмотрении конкретных разновидностей полезных ископаемых: алмазов, угля, золота, нефти, газа и т.д. ограничивался бы каждый раз лишь повторением родового слова

«минерал». Его минералогия, его наука оказалась бы пустой или чересчур обобщенной, иными словами, его мышление и знание были бы формальными, абстрактными, т.е. бессодержательными.

Словом, «иманра» («снег») не представляет собою формальную, абстрактную, а содержательную, конкретную истину. Иманра не есть бессодержательное, лишенное различий единство, а есть единство как тотальность, как совокупность конкретных видов снега: унир, халга, уну, онир и пр. Говорят же, что электрон неисчерпаем, а по Лейбницу, из каждой песчинки, из каждой монады можно постигнуть всю вселенную; подобно этому в мысли или в слове «иманра» отражается окружающая действительность: лето, осень, зима, весна, деревья, дома и т.д.; и соответственно при изменении этих внешних обстоятельств абстрактное понятие «иманра» приобретает внутренние различия и его саморазличиями становятся уньан, уну, унир и т.д. Так что «иманра» будучи вначале абстрактным тождеством в конце превращается в конкретное тождество, включающее в себе многообразные различия и представляющее их расчлененный ряд. Всякое слово или знание является непосредственным и тождественным самому себе, но в то же время конкретным, опосредствованным внутри себя.

Нужно обратить особенное внимание на то, что естественная, материалистически философская и производственно-материальная культура современных христианских народов проистекает не из того абстрактного мышления, которое свойственно религии и идеализму и которым они хвалятся и гордятся. В действительности, народы развивали свою культуру, когда они с опасностью для жизни извлекали из недр земли какой-нибудь камень, какой-нибудь лишай или насекомое, когда они наблюдали на небе солнце, луну, планеты, звезды и открывали законы их движения, когда они производили классификацию видов растений и животных и когда они, совершая кругосветное путешествие, устанавливали превращение этих видов друг в друга, словом, когда эти христианские народы все это делали, не как христиане, владеющие религиозным абстрактным мышлением, а как язычники, как естественные люди, следовательно

но, как естествоиспытатели и материалистические философы. В итоге можно сказать, абстрактное мышление и у язычника, и у естествоиспытателя не отрывается от конкретного, живого созерцания действительности, иначе говоря, от конкретного мышления. Именно поэтому оно «не отходит ... от истины, а подходит к ней». Чтобы освободиться от мистицизма, следует отказаться от абстракции и перейти к конкретному. Ибо научная истина конкретна. А если конкретное не рассматривается в конкретном, т.е. в самом себе, а в абстрактном, в лоне божественного существа и абсолютной идеи, то «отрицание абстракции в свою очередь оказывается абстракцией». В итоге абстракция остается туманной, призрачной, спиритуалистической. Тогда как «все научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, полнее». Наконец, следует подчеркнуть, что наука и материалистическая философия берет действительное в его действительности, а христианство берет его в недрах духа.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что языческое мировоззрение оказывается двояким: языческой наукой и философией, с одной стороны, и языческой религией, с другой. Языческая религия, как всякая религия, действительное берет не в его действительности, а в недрах духа, где оно подвергается произвольным, субъективным и магическим превращениям.

Глава 2. ЯЗЫЧЕСКАЯ РЕЛИГИЯ КОРЕННОГО НАРОДА КАК РЕЛИГИЯ МАГИИ

2.1. Этническая религия верующих эвенов

Нужно подчеркнуть, что этническая религия верующих эвенов представляет собой актуальную и значительную проблему, которая требует особого внимания исследователя и которую следует изучать не только исходя из конкретных фактов, из описания обычаев, обрядов, ритуальных танцев и праздников, но и опираясь на те или иные заключения философии, в частности философии духа и религии. Отметив почти полную неизученность религиозных представлений, воззрений и обрядов эвенов, К.Г. Попова пишет: «Автор этого сообщения специально проблемами религии не занимался, и факты, относящиеся к прошлым верованиям, культам и шаманизму эвенов, собраны были попутно во время полевых этнографических работ... В основном они взяты из рассказов и воспоминаний пожилых эвенов» [1].

С.Н. Горохов, указав, что «сколь-нибудь научно обработанных источников по исследуемой проблеме не имеется», в своем предисловии к работе Алексеева А.А. «Забытый мир предков (Очерки традиционного мировоззрения эвенов Северо-западного Верхоянья)» отмечает: «Автор, как представитель изучаемого им этноса, сумел в сжатой форме дать основные аспекты религиозно-мировоззренческой системы эвенского народа». «Представляемая работа – первый опыт изучения традиционного мировоззрения эвенов конкретного региона – Северо-западного Верхоянья». «Надо полагать, усилия молодого этнографа будут способствовать прогрессу в исследовании этой малоизученной проблемы не только у эвенов, но и других народов Северо-Востока Азии» [2].

Думается, что прогресс в исследовании религиозно-мировоззренческой проблемы в духовном мире эвенов и других народов Якутии состоит во все большем применении наиболее общих научных методов философии. Необходимо не только собирать «факты,

относящиеся к прошлым верованиям, культам и шаманизму эвенков», но и заниматься «специально проблемами религии». Индуктивный метод исследования должен быть дополнен дедуктивным, непосредственное знание должно быть обогащено опосредствованным знанием, а практика возводится до уровня теории и становится рациональной.

Как известно, различаются исторические типы религий, которые начинаются с родоплеменных религий и, проходя через стадию народно-национальных религий, завершаются мировыми религиями. На основании таких исторических различий религий А.Ф. Анисимов выделяет этническую религию эвенков и он так и называет свою книгу «Религия эвенков...» (М.; Л., 1958), в которой изучает эвенкийские представления о душе, эволюцию тотемических верований, происхождение шаманства и т.д.

Так что А.Ф. Анисимов эвенкийские представления о духе и о шаманах, верования о тотемах и другие мировоззренческие взгляды обобщил в одно понятие «религия эвенков». А исследователи эвенков воздерживаются от подобного обобщения. Они проводят различие между отдельными и особенными религиозными представлениями эвенков и общим понятием «религия». Тем не менее, здесь не учитывается присущее единство между единичным и всеобщим, ибо односторонне подчеркивается лишь их различие. На самом деле существует неразрывная связь между различием и единством в отношении отдельного и общего. Именно в этом состоит смысл применения индуктивного метода в науке. Ибо из отдельных фактов и понятий неизбежно вытекает общий вывод и общее понятие. Поэтому, без всякого сомнения, можем сказать, что существует религия эвенков наряду с религией эвенков как очередная разновидность родоплеменной и народной религии. Народ имеет свою религию и свою мировоззрение. По мнению Гегеля, даже «каждый индивидуум имеет свое собственное чувство, собственные ощущения и особенное мировоззрение» [3].

Фейербах, в свою очередь, исходит из существования народных и племенных особенностей, из наличия определенного человека,

определенного племени и определенного народа. Он писал: «До тех пор, пока есть много народов, до тех пор будет и много богов» [4]. Выходит, что раз есть много народов, то есть и много верований и религий.

Исследователи указывают на почти полную неизученность религиозных воззрений, представлений и обрядов эвенов. Тем не менее, у них имеются ценные замечания и отдельные разработки в сфере религиозного мировоззрения эвенов. Ж.К. Лебедева, касаясь архаического эпоса эвенов, отмечает: «Солнце и Луна являлись объектами поклонения. Мифы и эпос эвенов и эвенков содержат заклинания-обращения к этим светилам. Мифологические и эпические герои умоляют Солнце и луну помочь им в каком-либо предприятии и быть постоянными благодетелями в их жизни. Сохранившиеся до наших дней в фольклорной лексике эпитеты-архаизмы «дочь Солнца», «сын Солнца» говорят о том, что тунгусо-язычные народы, видимо, считали Солнце и Луну божествами» [5].

Этническая религия эвенов является религией заклинания или религией колдовства. А колдовство бывает непосредственным и опосредствованным. А если магия или чародейство осуществляется посредством Солнца и Луны, путем «обращения к этим светилам», то мы имеем опосредствованное колдовство. Как известно, общее определение ворожбы или колдовства состоит в том, что человек, сильный своим сознанием и волей, обладает властью и господствует над природой, а не природа, обладая большей силой и мощью, не природа подавляет, порабощает и покоряет человека.

Тем не менее, субъект не всегда и не во всем произвольно распоряжается объектом. Есть предметы, присущие природе и не подчиняющиеся человеку. Такими объективными определениями религии колдовства являются у эвенов Солнце, Луна и другие природные вещи. Они существуют вне их сознания и воли и им не подвластны. Они противостоят звену как другое, как нечто самостоятельное и независимое. Тунгусоязычные народы представляют их как богов.

Эти народы, находясь на низком уровне развития своих производительных сил, чувствовали и знали, что они не имеют власти над

успехами своего предприятия, своих занятий оленеводством, рыболовством, охотой и собирательством. Поэтому трудности, невзгоды, безуспешность и препятствия традиционного хозяйствования преодолеваются и побеждаются лишь в религиозной фантазии, силы природы подчиняются и преобразовываются путем опосредствованного колдовства или заклинания – путем мольбы или обращения к Солнцу и Луне, умоляя их помочь «в каком-либо предприятии и быть постоянными благодетелями в их жизни». Так что заклинание осуществляется не прямо, а косвенно – посредством всесильных и всемогущих небесных светил, а именно Солнца и Луны.

А.А. Алексеев пишет: «Старейшины рода обращались к солнцу примерно с такими словами: «О, дух великого Солнца, солнца-матери, твои земные сыновья: вещай нам счастливую судьбу. Подари нам ловких и сильных мальчиков, красивых и румяных девочек. Размножай оленей твоих, посылай нам богатство свое – оленят резвых и быстрых. Для тебя мы окропили землю кровью жертвенного животного, молоком твоих оленей для тебя мы устроили большой праздник – эвинэк и наш веселый хоровод. И на это распрости, о Солнце, счастье и благодать, умножь наши олени стада и наших оленят, – энкелбу посылай нам охотничью удачу. О великое Солнце, духи местностей и дух природы, слушай: для счастья будущих поколений кочевых эвенов сохраняй своих золотых оленей» [6].

Эвены в своем религиозном воображении персонифицируют солнце. В действительности, солнце – газообразное небесное тело, ближайшая к земле звезда. А в эвенском представлении, оторванном от действительности, в желании эвена быть счастливым и благодатным оно превращается в личное божественное существо, имеющее глаза и уши, чтобы видеть его слезы от падежа, повальной смертности оленей и от неудачной охоты и безуспешной ловли рыб и слышать обращение и молитву старейшин рода с просьбой умножения оленьих стад, охотничьей удачи и успешной рыбной ловли.

Гегель разъясняет: «Подобные просьбы, однако, имеют также смысл заклинаний, говорят ведь о заклинании как о мольбе; подобная мольба отражает признание того, что человек находится во вла-

сти другого. Просить потому и бывает трудно, что тем самым признается власть другого, его произвола надо мной. Однако в просьбе заключено и требование действия, просьба есть вместе с тем как бы власть, осуществляемая над другим. То и другое здесь смешано: с одной стороны, признание превосходства предмета, с другой – сознание моей силы, посредством которой я хочу осуществить свою власть над этим предметом. Так, на этой стадии развития народы приносят жертву реке, когда они собираются через нее, Солнцу – когда оно уходит в облака; тем самым они пользуются силой заклинания, средства должны осуществить заклинание над силами природы, осуществить то, что хочет данный субъект. Поклонение подобным силам природы двойственно, оно не есть чистое поклонение, но связано с колдовством» [7].

Солнце не только уходит в облака, скрывается за луной во время затмения, но зимой низко садится над горизонтом. Тогда северные народы лишаются «счастья и благодати», природа оборачивается против них своей отрицательной стороной и начинается негативное действие таких экстремальных условий севера, как холод, голод, болезни и смерть. Люди вымирали целыми семьями. У них не было сил и средств преодоления и господства над этими страшными силами природы, нечеловеческими условиями жизни. Страх перед непокорными и всесильными силами природы и общества порождает и у северного человека религиозные представления и действия. Многие теисты и атеисты признавали причиной религии страх. Особенный ужас вызывало такое явление или действие природы, как смерть. И Фейербах считал, что только могила человека есть место рождения богов, что в древности могилы умерших были и храмами богов.

Эвены обоготворяли небо, солнце, луну, грозу, молнию и гром. Они почитали свою землю, свои горы, свои реки, свою тайгу и своих животных. Предметы, существа и силы родной, отечественной природы эвенское воображение переделывает в богов, в человекоподобные существа. Эвен зависит от природы своего отечества, должен жить в согласии и единстве с ней, зная, что он – неразрыв-

ная часть, дитя и член ее. И эта родная природа есть основа и источник его существования. Поэтому он обязан всегда ее почитать и считать ее священной. Так что предметом эвенской религии является не природа вообще, а вполне определенная, специфическая, родная природа самих эвенов, т.е. природа их страны.

Фейербах четко и ясно разъяснил: «Определенный человек, этот народ, это племя зависят не от природы в общем смысле слова, не от земли вообще, но от этой почвы, от этой страны, он находится в зависимости не от воды вообще, а от этой воды, от этого потока, от этого источника. Египтянин вне Египта не египтянин, индеец вне Индии – не индеец. Поэтому с полным правом, с тем самым правом, с которым универсальный человек почитает свою универсальную сущность, как бога, древние ограниченные народы, привязанные телом и душой к своей почве, усматривавшие свою сущность не в своей человечности, а в своих народных и племенных особенностях, молились горам, деревьям, животным, рекам и источникам своей страны, как божественным существам; ведь все их бытие, вся их сущность всецело коренились в особенностях их страны, в особенностях их природы» [8].

В религии эвенов, в их мифологии и эпосе фантастически отражается всеобъемлющая и универсальная сущность природы. Зимой, когда солнце низко садится над горизонтом или вовсе прячется за ним, проявляются, как было сказано, суровые условия, атрибуты и свойства северной природы и жизни северных людей: темнота, холод, голод, болезни, эпидемии и смерть. Эти негативные качества климата и бытия вызывает у людей ужас и трепет, которые являются одной из основ и причин объяснения и возникновения эвенской, как и всякой другой религии, и которые, конкретно, вызывают в духовном мире эвенов, в их воображении представление о существовании мифических существ – опасных для здоровья и жизни человека, вредоносных и злых духов и богов.

А.А. Алексеев пишет: «В нижней сфере – Нижний мир – Буни – обитали злые духи – аринкол и ибдырил, причиняющие людям зло, посылая различные болезни... До христианства в религиозной сис-

теме эвенов существовала иерархия сверхъестественных существ – различных небесных богов, божеств-покровителей и различных духов Среднего мира, которые подчинялись Всевышнему богу неба – *Һэвки*... Эти боги и духи могли творить добро и зло. Боги и духи отворачивались от человека и наказывали его лишь в том случае, если он нарушал обычаи и ритуальные обряды» [9].

Появление добрых духов и богов, творящих добро и радость, равным образом должно находить истолкование в духовном мире людей. Дух определяется природой. Духовный мир человека определяется окружающим его материальным миром. И северная природа и зависимость эвена от нее имеют всесторонний и универсальный характер. Впечатления от них в душе эвена складываются не только в виде отрицательного чувства страха и смерти, но и в виде противоположного положительного чувства жизни и радости. В положительных и отрицательных свойствах эвенской души отображаются негативные и позитивные качества, черты и стороны северной природы. После чрезвычайно трудных, смертельно опасных и вовсе непереносимых условий арктической зимы наступает время радости, «счастья и благодати», любви и жизни, приходят теплые и светлые дни года – весна и лето. Чувство радости, благодарности, любви и почитания также является одной из основ и причин происхождения эвенской религии.

Все это А.А. Алексеев живописует так: «С наступлением весны и лета люди собирались для того, чтобы подсчитать силы, выяснить потери, узнать, кто не смог пережить холодную и суровую зиму. А потери бывали весьма ощутимые, вымирали иногда целыми семьями. Свойственный ... северянину такт и не позволял обращаться к человеку, охваченному горем, с прямым вопросом: «Что у вас там стряслось, кто умер?». Старейшина рода, проходя мимо каждого чума, окликал словами «*Һээдьэ, Һуруйа*» и прислушивался, сколько голосов отзовется на его призыв. Значит, в этом жилище осталось в живых столько-то человек» [10].

Омертвевшая, ставшая зимой безжизненной природа на Севере весной и летом воскрешает, делается снова живой. Тундра и тайга

возрождаются к жизни. Животные чувствуют прилив новой жизненной силы и энергии. Тундра расцветает и вся покрывается цветами. Это оживление и воскрешение растительного мира есть следствие определенного положения солнца на небе, его наибольшего возвышения над горизонтом. Описывая ритуальный круговой танец в обряде встречи солнца и нового года, А.А. Алексеев говорит: «Описанному ритуалу старики-информанты дают следующее объяснение. Движение налево против солнца за воображаемыми воротами означало «похороны» старого года, движение через костер (второй) по ходу солнца – это символ перехода от старого года к новому. Это как бы обновление жизни, обновление и пробуждение природы после долгой зимы. Перешагивание через первый (левый) костер означало умерщвление «зимы», «смерти» старого года. Перешагивание через другой костер (правый) соответственно означало рождение нового года и нового солнца» [11].

Солнце для эвена является богом потому, что оно для него представляет вечное существо. Ибо оно существовало еще до того, что его увидели эвены, и не прекратит свое существование и после того, как они перестанут его видеть. Тем более, вся природа в целом представляется или кажется эвену богом опять-таки из-за своей сохраняемости, оживаемости и воскрешаемости. Тем не менее, в эвенской, как и во всякой языческой религии, бог не связан с христианским представлением или верой в бессмертие человека, а представляет собой лишь обожествленное существо природы, ее вечность. Божественность и вечность существа природы тождественны. Можно полагать, что и от языческой религии эвенов близко находится закон науки и материалистической философии о сохранении материи, т.е. о ее вечности.

Язычество, естествознание и материализм не знают другого бессмертия в природе, кроме продолжения рода через размножение, при котором данное существо умножает самого себя и дает много существ себе подобных и при котором, следовательно, место умерших поколений занимают новые. Именно поэтому, как выше было отмечено, старейшины эвенского рода в своей простой молитве и

обращались к богу, к Солнцу с заклинанием: «Вещай нам счастливую судьбу, подари нам ловких и сильных мальчиков, красных и румяных девочек. Разумножай оленей твоих, посылай нам богатство свое – оленят резвых и быстрых... Слушай: для счастья будущих поколений кочевых эвенов сохраняй своих золотых оленей».

Религия эвенов имеет одну практическую цель и основание – их желание счастливой судьбы, их стремление к счастью. Следует заметить, что солнце как простой предмет природы, как гигантский раскаленный шар на небе безразлично и равнодушно к судьбе эвенов, к их счастью и благосостоянию. Ибо оно, как всякий другой предмет мертвой природы, безжизненно, бесчувственно и бездушно. Поэтому эвены наоборот представляют его в своем сознании в виде личного существа, в виде доброго человека, имеющего сердце, душу и разум и относящегося к ним доброжелательно, благосклонно и покровительственно.

Так в фантазии человека солнце превращается в божественное существо. И эвены волю этого божественного существа, его настроение в своем духовном мире стремятся склонить в свою пользу посредством заклинания: «Для тебя мы окропили землю кровью жертвенного животного, молоком твоих оленей для тебя мы устроили большой праздник – эвинек и наш веселый хоровод». Выходит, что воля и сознание бога, олицетворяющего солнце, определяется во благо почитающих его эвенов их молитвами и жертвами. Бог, великое Солнце, делает так, как этого хочет эвен, который верует в него. Он дарит ему сильных мальчиков, красивых девочек и резвых оленят, умножает оленьи стада, посылает охотничью удачу и успешную рыбную ловлю.

В мифах и эпосах эвенов и эвенков «герои умоляют Солнце и Луну по мочь им в каком-либо предприятии и быть постоянными благодетелями в их жизни». Можно сказать, что их предприятиями являются не заводы и фабрики, а такие формы традиционного хозяйства, такие сельскохозяйственные занятия, как оленеводство, охотничий промысел и рыболовство. В первой главе было замечено, что эвены мямяльского рода на общем собрании «суглан» составля-

ли план охотничьего промысла, устанавливали расписание охотничьих маршрутов путем распределения речек-участков, предназначенных для охоты отдельных сородичей.

Однако между планом и его выполнением лежит целая полоса многочисленных неблагоприятных условий и обстоятельств, бездна случайностей и препятствий, которых человеку невозможно преодолеть при слабом развитии производительных сил его труда. Поэтому он побеждает негативные силы природы, направленные против него, против его благосостояния, в своей фантазии религиозными, сверхъестественными и колдовскими средствами. К. Маркс писал: «Всякая мифология преодолевает, подчиняет и преобразовывает силы природы в воображении и при помощи воображения; она исчезает, следовательно, вместе с наступлением действительного господства над этими силами природы» [12].

Отмечено, что в XVIII и XIX веках эвены питались звериной ловлей. Охотились на диких оленей. Ясно, что при изменении путей миграций последних эти пути не совпадали с охотничьими маршрутами эвенов. Такое расхождение звериных путей и маршрутов охотников приводило к резкому ухудшению благосостояния эвенов. Эвены лишались оленей, становились полунагими. Многие из них умирали от холода, болезней и голода.

Экономическое положение эвенов снижается до крайнего бедствия и нищеты не только по причине природных случайностей, охотничьих неудач, болезней и эпидемий, но и по причине общественных явлений и закономерностей, чуждых нормальному человеческому существованию. Эвены и другие коренные народы Севера подвергались нечеловеческому страданию в связи с неимоверным ростом налогов и сборов и благодаря свирепому ясачному порабощению.

Бессилие перед чуждыми, враждебными и смертельно опасными явлениями, событиями и процессами природы и общества порождает в душе и духе эвенов и других коренных народов Якутии фантазию о боге и богов и религию в целом. Из вышеизложенного видно, что эвены с целью завоевания, покорения и уничтожения указанных

негативных сил в своем сознании вообразили существование «духа великого Солнца, солнца-матери», иначе говоря, бога Солнца. Бог Солнца – человекоподобное существо, наделенное сознанием и волей, руководящее и управляющее природой и обществом в интересах эвена и защищающее и оберегающее эвена от несчастья, холода, голода, эпизоотии – повальной смертности среди оленей и людей.

Предпринимая охотничий и рыбный промысел, занимаясь оленеводством, эвены выражают то или иное желание, составляют план и ставят перед собой определенную цель. Однако расстояние между этими идеальными началами и реальными успехами тех или иных предприятий эвенов оказывается непреодолимым материальными средствами из-за их низкого и слабого развития. У эвенов отсутствовала реальная возможность действительного господства над силами и законами природы и быть на деле свободными от них. Реальное бессилие в религиозном понимании эвенов дополняется идеальным всеилием божественных существ.

Упомянутое расстояние между желанием и его осуществлением, между планом и предпринимаемым его выполнением, между целью и ее исполнением преодолевается эвенским богом Солнца с величайшей легкостью. Для этого бога ничто не может служить непреодолимым препятствием. Эвены, не располагая достаточным развитием производительных сил, не обладают властью над результатами своих принятых дел, занятий и промыслов, над успехом своих предприятий. Чтобы над ними господствовать и завоевать себе свободу хотя бы в мышлении они придумали себе бога Солнца и бога Луны. Так что стоит только вымолить у этих богов их благорасположение, чтобы заполучить добро, счастливый исход предприятия и исполнение своих желаний, целей и планов.

Мимоходом можно подчеркнуть, что эвенская религия, имея языческую природу, отличается от христианства тем, что допускает существование многих богов, которые в качестве индивидуальных, желающих и человечески живых существ, производят явления, события и действия, происходящие в природе и обществе, и выступают в виде их личных причин. В отличие от политеизма языческой

религии христианство, являясь монотеизмом, исходит из существования одного бога как творца или производителя всей действительности, природы и общества вместе взятых, иначе говоря, из бытия единой личной причины, поступающей произвольно, сообразно своей воле и сознанию.

Глаза богов Солнца и Луны днем и ночью наблюдают и следят за делами и занятиями эвена. Эти всевидящие, всезнающие и всемогущие существа относятся к нему, как говорилось, благосклонно и делают все, чтобы обеспечить благоприятный исход каждого его промыслового предприятия. Таким образом, эвен господствует над природой и властвует над своими собственными делами из-за нехватки сил и средств не сам, а лишь идеально, в представлении через богов или посредством богов.

Живя и трудясь в условиях угнетения и порабощения природными и общественными силами суровой Арктики и царского и всякого другого империализма, в духе и в воображении эвенского и других коренных народов Севера совершается освободительное движение, целью которого является преодоление, подчинение и уничтожение указанных враждебных сил. Освобождение достигается мифическими средствами: подношениями, жертвами, молитвами и колдовством. Господство над общественными и природными явлениями и процессами устанавливается в сфере воли и сознания, желания и благословения, а в реальной действительности человек оказывается не знающим, не ведающим и беспомощным.

Фейербах указывает, что религия имеет практическую цель, что она хочет привести природу в подчинение человеку, заставить ее быть послушной и служить стремлению человека к счастью. По нему, человек, находящийся в неразвитом, необразованном и некультурном состоянии, стремится достигнуть счастливой, прекрасной жизни, защищенной от напастей и слепых случайностей природы, единственно лишь через посредство религии. Фейербах считает, что молитвами, дарами и жертвами человек пытается расположить в свою пользу предмет, который опасен и угрожает и поэтому страшен ему. Кроме того, человек в мыслях преодолевает и побеждает

грозные, исполинские и враждебные силы природы всемогущей силой волшебства или колдовства. Так устанавливается мифическое господство над природой посредством одних лишь слов, одной лишь воли. Так наступает царство свободы и самостоятельности в воображении людей и народов.

Упомянув, что бог есть человеческое желание счастья, удовлетворенное в фантазии, Фейербах писал: «Желание уже само по себе имеет... значение волшебной силы. В древнегерманском языке “желать – то же колдовать”. В древнегерманском языке и религии величайший из богов именовался, между прочим, также и желанием, чем древний язык... выражал понятие счастья и блаженства, исполнения всех благ... Некоторые из поэтов XIII века олицетворяют желание, представляют его в виде могучего творческого существа,... у них в большинстве случаев на место слова “желание” можно поставить слово “бог”... Что я хочу иметь, то я имею ведь в воображении, чем я желаю быть – здоровым, богатым, совершенным, – тем ведь я и являюсь в воображении; потому что, когда я желаю для себя здоровья, то я себя представляю здоровым. Именно поэтому желание, так таковое, есть божественное существо, сверхъестественная волшебная сила, ибо оно сыплет на меня из рога изобилия фантазии все силы и блага, какие только я себе пожелаю» [13].

И в эвенской религии желание эвена есть Солнце-бог, сверхприродная колдовская сила, которая сыплет из рога изобилия воображения такие дары, как «оленья резвые и быстрые», «ловкие и сильные мальчики, красные и румяные девочки», такие блага, как «охотничья удача», «счастье и благодать» и т.д. Эти дары и блага являются человеческими желаниями эвена, но они становятся божественными желаниями, которые отличаются от первых тем, что они представляются исполненными, осуществляемыми и осуществленными желаниями.

Эвены имеют обычай посвящать оленей белой масти небесному богу Кудаю. А.А. Алексеев пишет: «Ламунхинские и тугясирские эвены таких оленей называют кудьай или ытык таба – это, несомненно, покровитель человека от лица небесного божества Кудьяя...

Тигок – это комок волос, который иногда встречается под кожей на шее у оленей. Из него эвены делали волосяную веревку для дэлбургэ. Этот комок хранился в особой выючной суме – һэруклэ, так как считалось, что он приносит счастье хозяину Кудья и его семье, благополучие оленям, удачу на охоте. И такой олень отпущен на землю небесным божеством кудьяем или божеством Солнцем, даже, возможно, Верховным небесным божеством – ‘³âêê» [14].

Природное в растениях и животных в своем развитии возвышается еще на одну ступень выше и в природности человека наиболее близко приближается к духовному. У эвенов, например, есть священное дерево возле с. Себян-Кель, священный олень-кудьяй на Северо-западном Верхоянье, а также культ животных: медведя и других тотемов – лебедя, стерха, кукушки, гагары, чайки и т.д.

Гегель, разрабатывая философию религии, подчеркивал: «Жизнь, уже жизненность дерева, еще более животного, есть более высокий принцип, чем природа Солнца или реки. Поэтому бесконечное множество народов поклонялись животным как богам. Нам это представляется наиболее недостойным проявлением религиозного сознания, однако в действительности принцип жизни более высок, чем принцип Солнца. Животное есть более благородная, более истинная форма существования, чем существование явлений природы, и поэтому менее недостойно поклоняться животным, чем рекам, звездам и т.п.» [15].

Выше религия эвенов как первоначальная, непосредственная религия, как природная религия характеризовалась как религия волшебства, т.е. магии. По Фейербаху, волшебство и молитва могут быть соединены друг с другом, ибо молитва есть формула волшебства, при помощи которой можно заставить бога или богов даже против их воли исполнить желания людей. Так, что молитва не всегда имеет характер религиозного смирения, податливости и послушания. Она даже на устах богобоязненных христиан звучит повелительно и властно.

Отметив, что необразованный, первобытный человек не только приписывает природе человеческие желания, влечения, страсти и

настроения, но он природные тела, например, солнце, луну и звезды принимает за людей, Фейербах писал: «Таким образом, человек непроизвольно и бессознательно превращает природное существо в существо душевное, субъективное, т.е. человеческое. Нет ничего удивительного, что человек затем уже вполне определенно, сознательно и намеренно превращает природу в религиозный объект, который определяется человеческим чувством, его просьбами и служением. Человек уже тем сделал природу податливой, себе подчиненной, что он ее ассимилировал своим настроениям, что он ее подчинил своим страстям» [16]. И, следовательно, своим желаниям, планам и целям. Таким образом, человек вообразил себя заклинателем.

2.2. Шаманство – религия магии

Природа на Севере не едина с человеком, представляет прямую противоположность с ним. Она ему чужда и враждебна. Она – дискомфортная и абсолютно экстремальная зона проживания и деятельности человека. Экстремальность природно-климатических условий включает в себя наличие полюса холода, полярной ночи, голода, болезней, эпизоотии оленей и людей и т.п. Раз природа в религии воспринимается не как природа, а как человек, как личное, живое, ощущающее и переживающее существо, то северная природа выступает как злое, враждебное человеку существо, причиняющее ему страдания, отрицательные ощущения: холод, голод, болезнь, иначе говоря, как «природа в недобром состоянии, в состоянии зложелательства, гнева» (Фейербах).

Знаем, что основа религии – чувство зависимости человека от природы, самым распространенным, бросающимся в глаза проявлением которого является страх. Не без основания страх объявляют причиной религии. О страшных трудностях и смертельных опасностях северной дороги от Якутска до Среднеколымска Н.Г. Чернышевский, пользуясь литературным источником, писал так: «Глубокие снега, пурги и едва выносимый холод – зимою; грязи, топи, ба-

дараны, зыбуны... и комары – летом... Безлюдье, мертвый вид природы, опрокинутые скалы, россыпи гор, ... неимение крова для защиты от холода и дождей, жестокая стужа и жгучее солнце сменяют только мучения одного рода другими. Бурные реки грозят смертью, бадараны и зыбуны – опасностями» [17].

Нет сомнения, что такая чуждая и враждебная по отношению к человеку северная природа рождает в нем чувство зависимости, боязни и ужаса. Она в царское время возбуждала у необразованных людей севера религиозную фантазию, по которой все предметы, явления и события северного пейзажа одухотворяются и обожаются и приобретают священное и религиозное значение и содержание. Злые существа или духи прячутся в опрокинутых скалах, россыпях гор, глубоких снегах, бадаранах, зыбунах, быстрых реках и так далее до бесконечности.

К северным народам, когда они под игом царизма были неграмотны и необразованны, полностью применимы следующие слова и фразы Фейербаха: «При каждом шаге, который он (человек – *Г.Р.*) делает, его может постигнуть беда, каждый предмет, как бы он ни был незначителен, может угрожать ему смертью. Это чувство страха, эта неизвестность, эта всегда сопровождающая человека боязнь несчастий есть корень религиозной силы воображения; и так как религиозный человек все беды, его постигающие, приписывает злым существам или духам, то страх перед привидениями и духами есть сущность религиозной силы воображения, по крайней мере, у необразованных людей и народов. Чего человек боится, чего он пугается, то сейчас же фантазия превращает в злое существо...» [18].

В духовном мире народов Северной Азии, которые жили в постоянной борьбе с чуждыми, нечеловеческими условиями существования в природе и в обществе империалистического угнетения и насилия, возникают представления, что их окружают со всех сторон привидения, тени, злые существа и духи. В этом можно обнаружить рождение шаманства, которое является составной частью и эвенской религии. Выше было отмечено, что многие исследователи указывали на тунгусское происхождение слова «шаман». Именно

поэтому, думается, Гоголев А.И. и Решетникова А.П. подчеркивают: «Хотя шаманство существовало и существует у народов всех частей света, эта форма религии приняла наиболее развитый вид и даже стала господствующей в Северной Азии – у народов Сибири и Севера. Именно в Сибири оно получило свое наиболее классическое развитие» [19].

Еще Фейербах считал шаманство формой религии и видел его «связь с многими религиями». Он писал: «Особенно выделяются своим страхом перед духами и привидениями народы Северной Азии, исповедующие так называемое шаманство, религию, которая состоит не в чем ином, как “боязни духов, изгнании духов и заклинании духов”; они живут в непрестанной борьбе с “враждебными духами, которые бродят по пустыне и по далеким снежным полям”» [20].

В шаманской религии все вокруг заколдовано. В таком мире ничто не происходит естественным путем. Факты, явления и происшествия объединяются фантастическим, сверхъестественным, магическим образом. Болезни вызываются злыми существами или духами, а не реально существующими микробами и вирусами.

Эвенский писатель Н. Тарабукин в повести «Моя жизнь» изображает камлание шамана: «Я вошел в юрту, где шаманил шаман. Около шамана лежал больной ребенок и хныкал. Шаман встал и начал плясать... Начал кружиться, ударяя над больным ребенком в бубен... Шаман сказал отцу ребенка:

– Он заболел потому, что кричал около могилы, когда пас оленей...

– Теперь не тревожься, твой ребенок с этого момента станетправляться. В него вселился злой дух, но я его прогнал» [21].

Эвенский шаман, ничего не зная и не понимая в микробиологии и медицине, в естественных причинах болезни ребенка и жертвуя чувственным воззрением и рассудочно-разумным мышлением, полностью впадает в объятия безудержного и разнузданного воображения и суеверия. Он выдумывает, играет представлениями и образами, произвольно сочетая такие факты, как болезнь ребенка и крик

его около могилы, когда пас оленей и в мыслях допуская вмешательство черта, сатаны или злого духа. И он в этом околдованном, воображаемом мире поступает и действует соответствующим образом, т.е. как колдун.

Шаман, как и Христос, лечит больных не естественными лечебными средствами. Лечение и исцеление производится сверхъестественным, волшебным способом. На природное явление, на болезнь ребенка, которое объясняется проявлением злого духа, оказывается духовное, ангельское воздействие доброго шаманского духа. Совершается словесное изгнание злого духа, драматическое действие или война духов и богов. По Фейербаху, шаманство, магия и тому прочие явления не принадлежат исключительно язычеству. Шаманское, колдовское, словесное лечение признается и в христианстве.

В последнем природа производится из всемогущего слова божия. Сверхъестественное, словесное, магическое начало природы требует сверхъестественного, словесного, магического продолжения в самой природе. Уже внутри природы словами двигают горы, словами заклинают бури, словами лечат больных и превращают воду в вино. Фейербах цитировал М. Лютера, который о волшебном лечении писал: «Он (Христос – *Г.Р.*) говорит “будь здоров!” и больные делаются здоровыми. Следовательно, ему не нужно никакого лекарства, он делает их здоровыми своим словом» [22].

Н. Тарабукин в той же повести «Моя жизнь» рассказывает, что дедушка, стреляя из ружья, не стал попадать в цель, в горных баранов. И шаман дал это факту опять-таки вымышленное, воображаемое истолкование: когда дедушка впервые убил горного барана, от нутряного сала кусок в огонь свой не бросил, потому он и не стал попадать. После камлания шаман дедушке сказал, что он отныне не будет промахиваться. Тем не менее, в действительности дед продолжал промахиваться. И дед с бабушкой пришли к выводу, что, оказывается, шаман ничего не знает. Дед стал попадать в цель, в горных баранов лишь после того, как он исправил ружье, подпилив мушку, которая была слишком крупной, став причиной постоянных неточных выстрелов. Здесь можно увидеть, как эвены постепенно

на своем собственном опыте освобождались из плена произвольного и ложного воображения и становились на путь обыденного чувственного воззрения или сознания и трезвого рассудочного мышления.

Как известно, обычное, необразованное сознание и просвещенное, научное знание и сознание тесно связаны между собой. Дедушка и бабушка на повседневном опыте узнали, что шаман не знает истинную причину неточных выстрелов и выдумывает какие-то недействительные причины. Они на уровне обычного сознания и трезвого рассудка пришли на собственном опыте к знанию, что действительной причиной выстрела мимо цели, отклонения пули от горного барана является слишком крупная мушка на передней части огнестрельного оружия. Неисправность и поврежденность мушки служат причиной ошибки и неудачи прицеливания во время стрельбы.

Вот что совершается в сфере обычного, повседневного знания и сознания. Выходит, что и это естественное сознание открывает и знает о существовании причинно-следственной связи между фактами и явлениями окружающего мира. Далее можно сказать, что в естественнонаучном сознании, в конкретных науках тоже оперируют категориями *причина* и *следствие*.

И в самом философском знании и сознании воссоздают и исследуют категории причины и действия, а также и другие категории бытия, качества, количества, меры, тождества, разности, противоположности и противоречия. Энгельс писал: «Если мы вложим в ружье капсюль, заряд и пулю и затем выстрелим, то мы рассчитываем на заранее известный по опыту эффект, так как мы в состоянии проследить во всех деталях весь процесс воспламенения, сгорания, взрыва, вызванного внезапным превращением в газ, давление газа на пулю. И здесь скептик уже не вправе утверждать, что из прошлого опыта не следует, будто и в следующий раз не повторится то же самое. Действительно, иногда случается, что не повторяется того же самого, что капсюль или порох отказываются служить, что ствол ружья разрывается и т.д. Но именно это доказывает причинность, а

не опровергает ее, ибо для каждого подобного отклонения от правила, мы можем, производя соответствующее исследование, найти его причину: химическое разложение капсюльного ударного состава, сырость и т.д. пороха, поврежденность ствола и т.д. так что здесь производится, так сказать, двойная проверка причинности» [23].

Итак, естественная религия эвенов преодолевается их естественным рассудком. Современная интеллигенция малочисленных народов в своем интеллектуальном развитии идет дальше и овладевает методом и категориями естественнонаучного рассудка, иначе говоря, методом и категориями конкретных наук. Завершением этого умственного движения являются усвоение и овладение категориями и методологией диалектической философии. Результатом интеллектуального совершенствования человечества становится преодоление не только языческой, но и христианской религии.

В этом последнем параграфе второй главы мы немного коснулись некоторого сходства язычества с христианством. Тем не менее, между ними существуют противоположные черты и свойства, о которых речь пойдет в третьей главе.

Глава 3. «СУМАСШЕСТВИЕ» ШАМАНОВ И ДИСКРИМИНАЦИЯ ЯЗЫЧЕСКОГО ШАМАНСТВА

3.1. Семантика эвенского языка: шаманы – всесторонне развитые, талантливые и знающие люди

Шаманизм, как религиозное мировоззрение, представляет собою серьезный и сложный для разрешения вопрос. Литература о нем и в царское время была обширной. Тем не менее, тогда отсутствовало действительно научное, подробное и обстоятельное исследование. И положение вещей не изменилось существенным образом в советское и за последнее “демократическое” время, в котором также написано множество литературы, но не достигнуто адекватное, научное понимание шаманства как формы религии. Об этом С.А. Токарев подчеркнул: «Проблема шаманизма и была и остается одной из самых трудных проблем истории религии. Несмотря на обилие литературы о шаманизме, ясного понимания этой формы религии до сих пор не достигнуто. Сделанная в настоящей главе попытка рассмотрения данной проблемы пока еще предварительная, она не может претендовать на бесспорное решение. Вопрос нуждается в дальнейшем и серьезном исследовании» [1].

Известно, что мышление и язык тесно связаны между собой. Мысли и взгляды людей кристаллизуются в словах и терминах. Шаманское мировоззрение опредмечено в эвенском слове *хаман*. На то, что слово «шаман» – тунгусское, т.е. эвено-эвенкийское слово *саман*, *хаман*, указывали многие исследователи шаманизма, например, Н.Я. Бичурин, В.М. Михайловский, Д. Банзаров и другие. Зная, что в «Большой советской энциклопедии», в «Толковом словаре» С.И. Ожегова «шаман» определяется как слово, обозначающее возбужденного, иступленного человека, служителя культа. Упомянутый известный религиовед С.А. Токарев тоже тесно связывал шаманство с нервными заболеваниями, отмечая, что шаманы – ненормальные люди, склонные к припадкам. Народный писатель РС (Я) Д. Сивцев-Суорун Омоллоон, ссылаясь на первого историка Якутии

Г.В. Ксенофонтова, дискриминируя языческое шаманство и возвеличивая православное христианство, утверждает, что корнем шаманизма является «культ сумасшествия».

Между тем, компетентный в своем родном эвенском языке специалист по лингвистике, а также по топонимике В.А. Кейметинов не ограничивает себя односторонними, притом отрицательными, оценками и характеристиками явлений и процессов. Он исходит из всеобъемлющей семантики эвенского языка, которая отобразила в себе в существенной мере общественный характер производства и потребления в первобытной общине эвенов. Поэтому смысл и значение эвенских слов и выражений отличаются всеобщностью и всесторонностью, имеют в себе не только негативную, но и позитивную сторону, не только унижающее и оскорбляющее, но и возвышающее и прославляющее содержание. Если в рамках демократии и свободы совести испытываешь доверие, уважение и вдохновение к православной религии, то это не должно означать и оправдывать унижительное, пренебрежительное и оскорбительное отношение к языческому шаманизму. Ибо демократическая свобода совести на деле выступает не как принцип дискриминации; она, кроме того, рассматривается в соединении с принципом равноправия.

Все это записано в Федеральном законе от 25 сентября 1997 года «О свободе совести и религиозных объединениях». В третьем пункте третьей статьи этого закона говорится, что свобода совести запрещает всякую дискриминацию граждан в зависимости от их верований. Никто не должен быть униженным, оскорбленным, угнетенным и подавленным силой за свои, в том числе и за религиозные, взгляды и воззрения. В преамбуле закона «считается важным содействовать достижению взаимного понимания, терпимости и уважения в вопросах совести и свободы вероисповедания».

Общественный смысл и мировоззренческое значение указанного федерального законодательства соответствует семантике эвенского языка. Об этом свидетельствуют следующие слова В.А. Кейметинова: «В эвенских же этнонимах, по нашему мнению, очень выпукло отражены отношения между отдельными людьми, родами, племе-

нами, главной особенностью которых можно считать уважительность, доверие, стремление сохранить добрососедские отношения с кем бы то ни было, терпимость и т.д.

Во всех словарях и во всех научных изданиях, по нашему мнению, прослеживается тенденция семантику того или иного географического термина, топонима, этнонима и других слов подвести под семантику русского термина, что чаще всего искажает первоначально вложенное предками эвенов смысловое значение того или иного слова» [2].

В.А. Кейметинов разрабатывал специфическую, дружелюбную духовность предков современных эвенов на основе свидетельств географической лексики эвенского языка и топонимики. Он отмечает исключительную доброжелательность, корректность и терпимость предков эвенов и эвенков, их постоянное стремление не допустить конфликтные, враждебные ситуации. Конечно же, таковое их мировоззрение и поведение представляет собою отображение сущности и существования первобытных коммунистических родовых общин, на знамени которых были начертаны принципы свободы, равенства и братства.

Выходит, что мышление и бытие, а также семантика языка и общественная действительность соответствуют друг к другу. Поэтому В.А. Кейметинов вполне обоснованно пишет: «Наши наблюдения над семантикой и этимологией этнонимов, а также топонимов эвено-эвенкийского происхождения дают основания делать выводы, что предки современных эвенов и эвенков очень осторожно, корректно относились к обозначению на своем языке того или иного понятия, всячески стремились к тому, чтобы не допустить невзначай оскорбление, обиду некоему духу (по-эвенски муһон), что может, по их представлениям, повлечь за собой какие-то отрицательные последствия. Именно с такими пониманиями, на наш взгляд, связано отсутствие в эвенском языке понятия и слова адекватного русскому “враг”, якутскому “остоох”. Юкагиров, чукчей, коряков, с кем эвенам часто приходилось сталкиваться, в том числе и в межплеменных боях, они называли булэһ или булун, что означает в пе-

реводе на русский язык “житель болотистых мест”, что далеко не соответствует не только слову **враг**, даже и понятию **противник**» [3].

В.А. Кейметинов также замечает, что в русском языке многие слова получают политизированную, идеологизированную семантику, обозначающую унижительность, оскорбительность и враждебность по отношению к какому-либо другому субъекту. Думается, что в данном случае обнаруживается влияние на семантику европейских языков классового, партийного и расистского характера цивилизованного общества, в котором непрерывно происходит тайная и явная, скрытая и открытая классовая и национальная борьба.

Унизительный, обидный и оскорбительный перевод допускается русскоязычными авторами и по отношению к слову «шаман». Первоначальная, традиционная, связанная с первобытным коммунизмом, доброжелательная семантика тунгусского слова «шаман» извращается. И политизированная и идеологизированная семантика русского языка тунгусоведами европейского происхождения переносится на лексику тунгусоязычных народов через словари, исследовательские труды и периодическую печать. В результате «шаман» переводится как нервно-ненормальный, истеричный и сумасшедший человек.

Расисты из цивилизованного общества идут дальше. Они в периодической печати дискриминируемых и угнетаемых людей и народов не только ругают сумасшедшими, но нагло и беспардонно сравнивают народы Крайнего Севера с «братьями меньшими», т.е. с животными. Из художественной литературы известно, что персонажи «темного царства» изображают эти народы «собакоголовыми».

Об истинной семантике и правильном переводе слова «шаман» В.А. Кейметинов говорит следующее: «Одним из примеров неверного толкования семантики слов тунгусоязычных народов может быть толкование эвено-эвенкийского слова шаман (саман, һаман), утвердившегося как термин не только в русском, но и во многих европейских языках. В “Большой советской энциклопедии” дается

следующее определение понятия **шаман**. “Шаман (эвенкийск. – возбужденный, исступленный человек, служитель культа, наделенный способностью вызвать у себя состояние экстаза (камлание) и (в представлениях верующих) общаться с духами, воздействуя на которых, может лечить больных, гадать и т.д.”. Это же понятие в “Толковом словаре” С.И. Ожегова объясняется как “колдун-знахарь, служитель культа”... В приведенных нами толкованиях семантики указанного слова допущено европейское (в данном случае, русское) переосмысление понятия. В результате подобного переосмысления искажено первоначальное понятие, вложенное предками эвенов и эвенков в это слово. Так, эвенское *һаман* и эвенкийское *саман* в переводе на русский язык означает: 1) знаток; 2) любитель узнавать, предсказывать, предвидеть. Оно образовано от основы глагола *һадай* (*садай*), означающего в переводе на русский язык “знать”, “узнавать”, присоединением аффикса – *ман*, образующего существительные, как мы отметили выше при структурном анализе, означающие высшую степень качества или мастерства. Как бы то ни было, истинными шаманами у предков эвенов и эвенков вплоть до 30-х годов XX в. считались наиболее всесторонне развитые, талантливые, знающие люди, способные не только себя довести до исступления, экстаза, но умеющие воздействовать на людей чаще всего положительно» [4].

3.2. Сумасшествие шамана – не основной вывод в научном исследовании Г.В. Ксенофонтова о шаманизме

Может показаться, что благожелательное отношение к шаманам, содержащееся в семантическом анализе эвенского шаманского мировоззрения, противоречит тем выводам, которые были сделаны Г.В. Ксенофонтовым в исследовании по якутскому шаманизму. Если смысл и значение эвено-эвенкийского слова «шаман» заключаются в том, что истинные шаманы – «наиболее всесторонне развитые, талантливые, знающие люди», то, по мнению некоторых авторов, у Г.В. Ксенофонтова шаманство – патологическое явление, а

шаманы – люди, лишенные рассудка, т.е. сумасшедшие, страдающие зрительными и слуховыми галлюцинациями и болеющие манией преследования воображаемыми духами. Так эти авторы обособывают свое пренебрежительное отношение к шаманской религии и выражают преданность и уважение к православной религии.

В.А. Кондаков пишет: «Якутия ныне, как и в 20-е годы, полна антишаманистами. Особенно воинствующим является старейший писатель Якутии Д.К. Сивцев – Суорун Омоллоон, который даже не воздерживается от оскорблений истории своего народа. Вот что он пишет на страницах периодической печати: “Но известный первый историк Якутии Г.В. Ксенофонтов, которому, будь моя воля, я выдал бы диплом академика посмертно, потому что он, как Иван Предтеча, идет впереди каждого нашего ученого, именно он предупредил, что корнем якутского шаманства является “культ сумасшествия”, на котором шарлатанствуют ловкие люди”.

По Суорун Омоллоону выходит, что сумасшествие является корнем именно якутского шаманизма. Уважаемый писатель почему-то всегда пытается очернить именно якутский шаманизм. По нему выходит, что плох только якутский шаманизм. А в чем отличается основа якутского шаманизма от других?! Именно культом сумасшествия или как? Г.В. Ксенофонтов написал о шаманизме очень много и высказал мысли, которые противоречат данной статье С. Омоллоона и вообще его мировоззрению. Так что, дорогой Суорун Омоллоон, не спешите присваивать ему звание академика. Г.В. Ксенофонтов, действительно, написал большой материал под названием “Кульм сумасшествия в урало-алтайском шаманизме”. Но и в данном материале он не особо выпячивал “культ сумасшествия” шамана» [5].

Действительно, Г.В. Ксенофонтов «не особо выпячивал» свое утверждение о помешательстве шамана. Во всяком случае, он не превращал это утверждение в навязчивое представление, в объективную истину последней инстанции. Он был очень осторожным и предусмотрительным, чтобы не придать своему мнению и представлению окончательное, непререкаемое и сугубо важное значе-

ние. Мнение и представление человека могут быть ошибочными, относительными и субъективными, а не истинными, абсолютными и объективными заключениями. Именно поэтому Г.В. Ксенофонов, отметив, что сибирская медицинская наука, как истинная, объективная точка зрения, не испытывала никакой потребности диагностировать шаманам сумасшествие, признал свои представления, мысли и заключения по этому поводу «не убедительными дилетантскими рассуждениями», «кустарными, квазинаучными выводами».

Он писал: «Просматривая общие руководства по психиатрии и душевным заболеваниям, мне лично не удалось отыскать соответствующий род душевного расстройства, к которым возможно было бы бесспорно отнести шаманскую болезнь... Вообще без специальных, научно обставленных наблюдений и изучения целого ряда случаев специалистами-психиатрами, все наши суждения о шаманстве, как о патологическом явлении, будут всегда ни для кого не убедительными дилетантскими рассуждениями.

Автор этих строк, как этнограф, считает своей обязанностью лишь констатирование чисто медицинского характера указанных явлений, ограничиваясь предварительными общими соображениями, которые, прежде всего для него самого, не являются убедительными. Если и приходится делать кустарные, квазинаучные выводы, то это вызывается довольно странным отсутствием научного интереса к шаманской болезни со стороны сибирских психиатров» [6].

Как кажется, Г.В. Ксенофонов, изучая, как этнограф, общие руководства по психиатрии и душевным заболеваниям, не смог бесспорно отнести шаманскую болезнь ни к слабоумию, ни к тупоумию и ни к безумию. Кроме того, он, по-видимому, чтобы самому не помешаться в своих собственных выводах о психическом расстройстве шаманов, не делает их несомненными и абсолютными, т.е. навязчивыми представлениями. Таким образом, удастся не впасть в тупоумие, которое, можно отметить, нередко наблюдается у православных христиан. Как известно, диалектика познания состоит в том, что человеческое мышление, являющееся по своей

природе, призванию, возможности и исторической конечной цели неограниченным и абсолютным, осуществляется в отдельных поколениях и людях, которые мыслят и познают ограниченно, относительно и ошибочно. И истина складывается из ряда относительных заблуждений.

И Г.В. Ксенофонтов имел полное основание считать свои утверждения о сумасшествии шаманов ограниченными предварительными общими соображениями, мнимоучеными заключениями и, можно сказать, относительными заблуждениями. Иначе говоря, он признал их субъективной, а не объективной истиной. Выше было сказано, что тезис об умопомешательстве шаманов является «европейским (в данном случае, русским) переосмыслением» эвенского слова *хаман*, что в результате данного переосмысления искажается первоначальная семантика понятия «шаман», обозначающая «всесторонне развитых, талантливых, знающих людей».

Должно быть, семантика языка и научное мышление в общем и целом между собой совпадают. В частности, обнаруживается соответствие между содержаниями семантического анализа смысла и значения тунгусского слова «шаман», осуществленного В.А. Кей-метиновым и научного исследования шаманизма, проведенного Г.В. Ксенофонтовым.

Вот высказывание Г.В. Ксенофонтова, сходное по внутреннему духу с семантикой понятия «шаман»: «Многие якутские шаманы, будучи блестящими поэтами-импровизаторами, воздействуют на психику больных красотой художественных образов, заимствованных из богатой сокровищницы народного языка, и увлекают своих слушателей “до седьмых небес” артистической игрой божественных комедий и трагедий. Присутствуя на драматических мистериях якутских шаманов, мне не раз приходилось фиксировать живые реплики собравшейся публики, вызываемые исключительно талантливой игрой шамана-актера. Модуляция голосовыми средствами, артистическая мимика и жестикуляция, живая игра страстей и олицетворенных недугов, т.е. все то, что мы в иной среде именуем театральным искусством, творит из ничего духов» [7]. Выходит, что

шаманы творили духов из своего духовного мира подобно тому, как Гомер создал богов для античного языческого мира.

В философии духа отмечается, что субъект – будь он ученым или христианином – представляет собой логически последовательное сознание, включающее в себя систему или совокупность (тотальность) ощущений, представлений (воспоминаний, воображений, памяти), мыслей, вожелений, склонностей и т.д. Данное непротиворечивое, систематическое сознание или мышление имеет, безусловно, отношение к внешнему миру, к окружающей действительности, которая, в свою очередь, состоит из упорядоченной и систематизированной последовательности или целокупности (тотальности) фактов, вещей, явлений, событий, ситуаций и т.п. Следует сказать, что нужно избегать особого навязчивого состояния духа, т.е. состояния человека, преследуемого тупоумным, обособленным и навязчивым представлением о психической ненормальности шаманов и о грязном шаманизме или о шаманизме как о черной вере и как о деградации человеческого духа.

Не без основания Гегель писал следующим образом: «Субъект, хотя и разившийся до рассудочного сознания, все же способен еще к болезни, к той именно, что он остается замкнутым в некоторой обособленности... Осуществленная самость рассудочного сознания есть субъект как внутри себя, сообразно своему индивидуальному положению и связи с внешним миром, который точно так же внутри себя упорядочен. Оставаясь, однако, скованным особенной определенностью, это сознание не в состоянии указать для своего содержания того разумного места и подчинения, которые присущи ему в индивидуальной системе мира, образуемой субъектом. Субъект находится, таким образом, в противоречии со своей, в его сознании систематизированной целокупностью, с одной стороны, и, с другой – с особенной определенностью, не имеющей в этой целокупности текучести, в нее не включенной и ей не подчиненной, – помешательство» [8].

Как известно, научное познание представляет собою рассудочное и разумное сознание. И люди, развив в своем духовном мире

научное и художественное сознание и мышление, вполне могут быть «скованными особенной определенностью», помешавшись и подчеркивая мировой характер и великое значение христианства. В действительности, и языческая религия имела мировое распространение. Она, как первоначальная религия, была всеобъемлющей, охватывала все народы земного шара. Такого, думается, не скажешь относительно современных мировых религий.

М.Х. Белянская, исследуя на примере эвенков и эвенков шаманские представления о мире у народов Восточной Азии и творчески относясь к мыслям и выводам предшествующих авторов о южном и северном происхождении шаманизма и о распространенности его у многих народов всех частей света, пишет так: «Распространенность шаманизма на территории Восточной Азии позволила С.А. Токареву, высказать предположение, с которым нельзя не согласиться, – шаманизм был занесен в Северную Азию с юга. Правда, автор не развивает эту мысль, а делает лишь акцент на наличие шаманских верований у многих народов всех частей света. Вполне очевидно, что сибирский шаманизм имеет южные корни. Подтверждая это, можно вспомнить саму историю этнического происхождения и развития эвенков Якутии, которые, мигрируя с юга на север, вместе с собой принесли и религиозные воззрения. Шаманизм утвердился и окреп на севере, и этот регион стал его второй родиной. В этой связи справедливо, на наш взгляд, мнение датского ученого О. Ольмарка о том, что шаманство стало типичным северным явлением, порожденным арктической природой, суровым климатом Севера и характерным для этого региона жрецом» [9].

Утверждая о сумасшествии шаманов, следует мыслить диалектически, избегая метафизического способа мышления и познания. Метафизическая методология условное высказывание превращает в безусловное утверждение, ограниченное – в неограниченное, мнимое, ошибочное, кажущееся – в истинное и действительное и, наконец, субъективное – в объективное. Для диалектики всеобщим положением является тезис, что истина относительна, обусловлена, ограничена, а также конечна, текуча и изменчива.

Если исходить из диалектической методологии, то можно отметить, что Г.В. Ксенофонтов в своей исследовательской работе правильно мыслит и познает. «Сообразно своему индивидуальному положению и связи с внешним миром» и исследовательской ситуации он утверждает о сумасшествии шаманов всемерно обуславливает и ограничивает. Выше мы ознакомились с некоторыми его ограничениями и условиями. Например, научная психиатрия не старалась принять или отвергнуть указанное утверждение, считая его, видимо, по существу ложным, ибо она заранее предполагала или знала, что вряд ли есть возможность установить во внешнем мире, в реальной жизни такой объективный факт как помешательство шаманов. А сам Г.В. Ксенофонтов шаманов признает блестящими поэтами-импровизаторами, создающими красоту художественных образов, и великолепными артистами, играющими божественные комедии и трагедии.

Он, дальше продолжая свои ограничения и условия, говорил, что шаманы чрезвычайно ловко шарлатанствуют не на своем сумасшествии, не на культе сумасшествия, а на театральном искусстве, «разыгрывая целые трагедии и комедии сошествия духов-предков». Он обнаруживает у шаманов не умопомешательство, а эмоциональный подъем и повышенное настроение, которые бывают во время публичных выступлений. По нему, лишь в исключительных случаях шаманы могут страдать легкими формами душевного расстройства, которые со временем проходят совсем.

Связав психическую ненормальность шаманов с древним шаманством, Г.В. Ксенофонтов писал: «В густо населенных и богатых районах среди якутов и бурят древнее шаманство выродилось в выгодную профессию – легкого добывания средств к существованию, к игре на темноте народных масс. Прослушанные мною камлания якутских шаманов в южных округах обнаруживают в них лишь великолепных артистов и недурных поэтов-импровизаторов, которые чрезвычайно ловко шарлатанствуют, разыгрывая целые трагедии и комедии сошествия духов-предков и борьбы их с причиняющими болезнь злыми силами... Если в их мистериях и приходится отме-

чать какие-либо психологические особенности, то это касается лишь некоторого эмоционального подъема и своеобразного повышенного настроения, которые всегда характерны для всяких публичных выступлений. Лишь в очень редких случаях немногие из практикующих шаманов... в начале своей деятельности страдали легкими формами душевного расстройства... С течением времени болезнь, по-видимому, проходит совсем, но ставший шаманом обнаруживает, что новая профессия приносит ему изрядный доход и потому, конечно, он умышленно поддерживает старые версии о духах, которые якобы владеют им и оказывают помощь при лечении болезней» [10].

3.3. Дискриминация языческого шаманства как нарушение закона о свободе совести и как расстройство души и духа

Выходит, что представление о душевнобольных шаманах является обусловленным, ограниченным утверждением, мнимым, воображаемым и субъективным заключением. Тем не менее, христиане и христианизированные субъекты его превращают в непререкаемую, аксиоматическую, безусловную и объективную истину. И они, грубо нарушая и попирая законодательство о свободе совести и принцип содействия достижению взаимного понимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания, пользуются указанным представлением как ловким и эффективным приемом для усиленной пропаганды и агитации православного христианства и для очередного подчеркивания его превосходства и величия.

Православные христиане, осуществляя дискриминацию языческого шаманства и нанося ему обиды, унижения, оскорбления и насильственные воздействия, а также проявляя религиозный фанатизм и религиозное тщеславие и высокомерие, обращают особое внимание на якобы превосходные и несравненные свойства православного христианства, выделяя их как чрезвычайно нужное, ценное и

важное. И они каждый раз пытаются приписывать все плохое, темное и злое шаманизму и язычеству, а все хорошее и светлое относят к христианству, провозглашая, что последнее направляет нас к добру, дружбе и любви, к миру и духовности.

Недаром же Г.В. Ксенофонтов писал следующие строки: «По вопросу о причинах большого сходства христианских и шаманистических воззрений могут быть различные подходы. Ученые из лагеря социал-патриотов разных направлений, конечно, не допустят и мысли о возможности каких-либо сравнений великой христианской религии с грязным шаманизмом! Они принадлежат к особому типу людей с религиозным складом мысли, невзирая на их ученые звания, якобы научное направление и прочие вывески, ибо у них не факты управляют теорией, а как раз наоборот. Эти типы заранее с завязанными глазами знают, что они принадлежат к великой расе, следовательно, все прочие народы суть «хамье», «мусор человеческий», каковые эпитеты умалчиваются в ученых трудах лишь ради приличия. У них от сознания своего собственного достоинства развилась мания величия. Следовательно, по поводу сравнений христианства с шаманизмом они могут придти только в благородное негодование, в священный ужас» [11].

Выше было сказано, что Г.В. Ксенофонтов крайне ограничил и сузил тезис об умопомешательстве шаманов. Он связывает его, однако, с древним шаманством, с древнейшими стадиями развития кочевого хозяйства и с эпохой господства зооморфных божеств. По этому поводу он подчеркивал: «Наблюдение мною на дальнем севере среди самых отсталых по культуре, обьякученных тунгусов факты шаманского священнодействия приводят меня к твердому убеждению, что вообще весь древний шаманский культ покоился на актах настоящего душевного расстройства» [12]. Тем не менее, как мы ознакомились, исходя из дальнейшей исследовательской ситуации, которая по своей природе является объективной и представляет собой целокупность или систему действительных фактов, условий, ограничений и случаев, он пришел к мнению, что вывод о душевном расстройстве шаманов суть нечто мнимое, кажущееся и субъ-

ективное. А объективным, истинным и действительным положением вещей является не сумасшествие шаманов, а их «эмоциональный подъем и своеобразное повышенное настроение» во время священнодействия, поэтическое вдохновение и «артистическая игра божественных комедий и трагедий».

Рассудочное и разумное сознание и познание знает и умеет разделить или отличить субъективное от объективного, ошибку от верного и заблуждение от истины. Именно такое разделение или различие, должно быть, объясняет «довольно странное отсутствие научного интереса к шаманской болезни со стороны сибирских психиатров». Ученые-психиатры, не будучи расистами, «учеными из лагеря социал-патриотов» и зная «заранее с завязанными глазами», что шаманы психически нормальные люди, поэты-импровизаторы и великолепные артисты, не проводили «специальных, научно обставленных наблюдений и изучений целого ряда случаев».

Как известно, некоторые писатели мирового значения изображали человеческую душу настолько диалектической и тонкой, что в ней противоположности разумного и безумного становились слитными и тождественными. И специалисты-психиатры хорошо себе представляли, что бывает весьма трудно определить ту грань, где ошибка, глупость и заблуждение, как нечто субъективное, перестают быть самими собою и превращаются в нечто объективное. Они, как компетентные специалисты, прекрасно понимали и наперед знали, что стремление доказать субъективное представление в качестве объективного утверждения означало бы самым сойти с ума, быть тупоумными и безумными. Думается, что тупоумие и безумие являются основами расистской мании тщеславия, высокомерия и величия.

Сказанное выше, с точки зрения философии духа, Гегелем обрисовывается так: «Но эта ограниченность, как и упомянутое выше заблуждение, не представляет собой какого-либо помешательства, если только эти нерассудительные люди знают в то же время, что их субъективное еще не существует объективно. Помешательством заблуждение и глупость становятся лишь в том случае, когда чело-

век свое только субъективное представление принимает в качестве объективного, за непосредственно для себя наличное и отстаивает его вопреки находящейся с ним в противоречии действительной объективности. Для помешанных то, что в них только субъективно, совершенно в такой же мере достоверно, как и объективное; в своем субъективном представлении... они имеют достоверность себя самих, с этим связывается их бытие. Если поэтому кто-нибудь говорит, как помешанный, то прежде всего следует напомнить ему о всем объеме его отношений, о его конкретной действительности. Если же он и тогда – несмотря на то, что упомянутая объективная связь доведена до его представления и им осознана, – все-таки продолжает цепляться за свое ложное представление, то помешательство такого человека не подлежит уже более никакому сомнению» [13].

Знаем, что отношение субъективного и объективного, мышления и бытия, представления и фактического состояния вещей представляет собой существенную проблему мировоззрения, основной вопрос философии. Субъективное мышление и внешняя действительность – два мира, которые в истинном и научном рассмотрении выступают как единые или тождественные. Еще Спиноза учил, что порядок и система вещей в окружающей действительности те же, что и порядок и система представлений и мыслей в духовном, субъективном мире человека. Научное исследование, проведение доказательств, выведение заключений и составление тезисов, антитезисов и синтезов должны иметь свой прообраз и аналогию в объектах, предметах, явлениях и событиях внешнего мира, в их взаимоотношениях.

В сказанном состоит истинность и объективность научного познания и правдивость людей в обычном сознании. Об этом Гегель в идеалистическом и религиозном смысле писал: «Богу мы приписываем правдивость. Из этого, следовательно, Картезий умозаключает, что существует всеобщая связь между абсолютным познанием и объективностью того, что мы таким образом познаем. Познание имеет предметы, имеет некое содержание, которое мы знаем; эту

связь мы затем называем истиной. Правдивость бога как раз и есть это единство мыслимого или ясно усматриваемого субъектом и внешней реальности или существующего» [14].

Однако наряду с единством мыслимого и сущего, представления и действительности, субъективного и объективного существует их разделение. Они не только совпадают, но и расходятся. И это их несоответствие как раз не учитывается или просто отвергается теми, которые «принадлежат к великой расе» и у которых «от сознания своего собственного достоинства развилась мания величия». Маньячество расистов и их прихвостней состоит в том, что они чрезмерно и болезненно увлекаются мыслью о шаманском сумасшествии и в полемике всемерно ее подчеркивают. Это их мышление не совпадает с сущим, с жизненными наблюдениями и объективным фактом того, что шаманы являются по данным эвенского исследователя В.А.Кейметина «всесторонне развитыми, талантливыми, знающими людьми», а по данным Г.В. Ксенофонтова – поэтами-импровизаторами и великолепными артистами. Кроме того, фактом является то, что указанная мысль не подтверждена научной психиатрией. Таким образом, она превращается в навязчивое представление, которое характерно для тупоумия. Обычно считают, что мании свойственно какое-либо одно навязчивое неправильное представление при правильности остальных представлений внутри этого навязчивого представления.

Маньяческий взгляд расистов не приемлет и отвергает воззрение тех, которые устанавливают и признают раздельность, противоположность и противоречие двух атрибутов и начал: навязчивого представления, неправильного субъективного мышления и познания, с одной стороны, и объективных фактов, данных и всей совокупности и системы действительности, с другой. Расисты устанавливают и доказывают единство или тождество этих двух миров непосредственным образом, без учета их действительного разделения и существенного противоречия. В результате у них единство субъективного и объективного становится субъективным, а потому искаженным и ложным. По их мнению, если по измышлению, по ква-

зинаучному выводу, т.е. субъективно шаманы сумасшедшие люди, то они сумасшедшие на самом деле, в действительности и, следовательно, объективно. В этом состоит мировоззрение, иными словами, тупоумие и безумие расистов и пресмыкающихся перед ними людей.

Только что сказанное Гегель в своей философии духа разъясняет так: «Отсюда следует, что справедливо отстаиваемое понимающим разумом положение: что я мыслю, то истинно, у помешанного получает совершенно превратный смысл и становится чем-то в такой же мере неистинным, как и утверждение абсолютной раздельности субъективного и объективного, противопоставляемое безрассудством рассудка только что упомянутому положению об истинности мыслимого. Перед этим безрассудством, равно как и перед помешательством, уже ощущение здоровой души обладает преимуществом разумности, поскольку в нем имеется налицо действительное единство субъективного и объективного. ... Это единство получает, однако, свою совершенную форму только в понимающем разуме; ибо только то, что мыслится этим разумом, является как по своей форме, так и по своему содержанию истинным – представляет собой совершенное единство мыслимого и сущего. Напротив, в помешательстве единство и различие субъективного и объективного представляют собой нечто только формальное, исключаящее собой конкретное содержание действительности» [15].

Если я представляю и мыслю об умопомешательстве шаманов, то это совершенно не означает, что такое умозаключение, субъективное мышление и познание непременно при всех условиях было правильным, истинным и объективным. Когда представление и мышление, т.е. субъективность души, не подтверждается «конкретным содержанием действительности», научно-исследовательской ситуацией в психиатрии, а также этнографическими данными и фактами, тогда субъективный мир человеческого духа становится чисто формальным, пустым и абстрактным. Тем не менее, расистские христиане, будучи пораженными манией тщеславия и гордости, охваченными страстью быть предметом почитания и славы,

объектом необыкновенного уважения, благоговения и преклонения, исполнены своего достоинства, сознают свое превосходство и относятся высокомерно и презрительно к языческому шаманизму, к инноверам и неверующим. Они, одержимые высокомерием, собственным возвеличиванием и, следовательно, занимаясь самовосхвалениями, не обходятся без унижения, обвинения и оскорбления шаманистов и язычников, без применения к ним бранных и обидных слов таких, как «братия меньшие», «собакоголовые», «звероподобные», «сумасшедшие», «националисты» и т.д.

Так проводится политика дискриминации, не соблюдается принцип равенства между людьми и так нарушается федеральный закон от 25 сентября 1997 года «О свободе совести и религиозных объединениях», где в третьей статье говорится: «В РФ гарантируются свобода совести и свобода вероисповедания, в т.ч. право исповедать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать и менять, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними и установление преимуществ, ограничений или иных форм дискриминации в зависимости от отношения к религии не допускается».

Таким образом, субъективная душа христиан и агентов их влияния, их религиозный фанатизм, крайняя нетерпимость к языческому шаманизму, их непомерная гордость, страстное желание к славе и к величию, одним словом, их душевное сознание или настроение приходит в прямую противоположность, в кричащее противоречие с разумным, действительным сознанием и познанием, что шаманы – нормальные люди с поэтическим вдохновением и артистическими способностями. Противоположность и противоречие нормального и ненормального – двух категорий, являющихся оценками и характеристиками шаманов – выступают в философии духа как противоположность и противоречие двух начал – субъективного и объективного.

Субъективное состоит в том, что христиане и христианизированные субъекты любят сквернословить, употреблять в своих рас-

суждениях и сочинениях неприличные выражения и непристойные слова. Эти люди имеют одержимое желание, чтобы их ругательство бранными словами и выражениями, т.е. их субъективное превратилось в объективное, в окончательную истину последней инстанции. Так они грезят наяву, так они представляют призрачным, ложным образом единство и различие субъективного и объективного, в котором признают господствующим и определяющим началом субъективное, желание быть великим и всемирным. В результате получается идеалистическое и религиозное, т.е. фантастическое, субъективное единство субъективного и объективного. Идеалисты и богословы неприятно-назойливо, вызывая смелое, пренебрегая возможный достойный отпор и решительное противодействие, нагло и самоуверенно настаивают на субъективном единстве субъективного и объективного и провозглашают его в качестве подлинного единства, т.е. объективного единства субъективного и объективного.

На самом деле, в здоровом, разумном, действительно объективном сознании единство и различие субъективного и объективного становятся совершенным и завершенным. Различие и противоположность субъективного и объективного характеризуются тем, что первичным и определяющим в их единстве или тождестве является объективное. Если в объективном смысле шаманы нормальные люди, то они таковы и в субъективном смысле.

О том, что душа содержит в себе противоречие разумной и неразумной души и поэтому в себе может сочетать ложное и истинное единство субъективного и объективного, Гегель писал: «поскольку душа является помешанной, она скорее твердо держится только субъективного тождества субъективного и объективного, как объективного единства обеих этих сторон; и лишь поскольку она, наряду со всем неразумием и всем своим безумием, все же одновременно есть и разумная душа и, следовательно, стоит на некоторой другой ступени, чем теперь нами рассматриваемая, она достигает объективного единства субъективного и объективного» [16].

Для христиан ненормальными людьми являются не только сами шаманы, но и шаманисты, т.е. те люди или народы, которые при-

держиваются шаманизма. Они под верой понимают лишь христианскую религию. А тот, кто не верует в эту религию, не может считаться душевно нормальным и даже человеком как таковым, т.е. законным, типичным человеком. Поэтому шаманисты или язычники сравниваются с существами с песьими головами. Низводя малочисленные народы Севера до уровня животных, развязно, нагло и высокомерно предлагается заботиться о них как «о братьях меньших». Как писал Фейербах, «для веры человек исчерпывается верой; для веры существенное отличие человека от животного покоится только на религиозной вере... Бог есть мерило, и его благоволение есть наивысшая норма; следовательно, только верующий человек есть законный, нормальный человек, такой человек, каким он должен быть и каким признает его бог» [17].

Есть избитая, старая и часто повторяющаяся фраза, что человек отличается от животного мышлением. В первой главе была дана критика расистского утверждения, что народы Севера лишены мышления и не обладают способностью к абстрактным словам и мыслям. Нельзя согласиться с мнением, что эти народы, как животные, имеют лишь чувства и не одарены абстрактным мышлением. Если согласиться с ним, то можно утверждать, что веры или религии коренных народов Якутии не существует в природе. Ибо религию и религиозность невозможно обосновать на одном чувстве, исключая из него мышление. Именно поэтому животные не имеют способности иметь религию. Религиозная вера, в том числе и шаманская, прежде всего коренится и пребывает в мышлении, а не в чувстве.

Уххан пишет: «Слова, обращенные Германом (архиепископом Якутским и Ленским – *Г.Р.*) к самобытности и традиционному верованию всех коренных народов, пронизаны ядом нетерпимости и ненависти. Он полностью вычеркивает тысячелетнюю историю древнего народа саха.

Неужели мы с глубин веков до сего дня жили без веры, религии, не имели своей самобытности, мировоззрения? Или поп Герман считает, что наши предки ни во что не верили, жили как звери, ибо

зверям, животным, насекомым чужда религия, вера во что-то святое. Да, лукавит Герман. Видно, даже не моргнул глазом» [18].

В письме Германа мэру Якутска И.Ф. Михальчуку и выражен назойливый голос христианской церкви и раскрыто навязчивое понятие православной общественности о безумности проекта строительства храма шаманской религии и языческой веры и о том, что этот храм причинит людям психическую ненормальность и душевную болезнь. Архиепископ Герман пишет: «Ничего этот “храм” не очистит, не освятит и не облагородит, а только навредит душам и психическому здоровью тех людей, которые будут приходить в него.

Сторонников этой “веры” совсем немного и серьезного отношения к ней ни у кого нет. Любой по-настоящему культурный и образованный человек понимает вред этой духовной подделки» [19].

Смысл письма Германа не совпадает с содержанием послания патриарха Московского и Всея Руси Алексия II президенту республики Саха М.Е. Николаеву, напечатанного в газете «Республика Саха» от 30 ноября 1993 года. Если Герман в целях успешного отстаивания возрождения православных традиций страстно и крайне увлеченно выступает против возрождения шаманских обычаев и языческих традиций, то Алексей II заверяет президента М.Е. Николаева «неизменно способствовать возрождению православных традиций, ... но с неперменным сохранением культуры, языка и традиций народа Якутии». Хотя не знаем, что имел в виду сам Алексей II под «традициями народа Якутии», все же возрождение церковной жизни в республике должно осуществляться наряду с неперменным возрождением и сохранением шаманских традиций. Так что строительство шаманского или языческого сооружения в православном городе близ христианского храма вполне можно воспринимать без буйства, терпимо, спокойно и мирно.

Алексий II совершенно не желает в данном случае возбуждать национальную, расовую и религиозную рознь, не использует такие категории, как «националистическая настроенность», «резкие протесты», «безумный проект», «настоящая провокация», «насмешка, вызов и оскорбление» и другие шумные и угрожающие слова, обо-

значенные в письме Германа, выражения и выходки, связанные с насилием и репрессией. Ныне стало очевидным, что такие и аналогичные им категории и представления легли в основу политических репрессий в Якутии в 20-30-е годы, которые осуждены известным Указом президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина как нарушающие основные гражданские права человека.

Алексий II в своем послании применяет слова и выражения, обозначающие мир, покой, человечность и дружбу. Он исходит из положения, что люди «будут приумножать основы добра, согласия, братолюбия и взаимопомощи друг ко другу, и легче будет решать многие государственные задачи».

В действительности, христианская религия есть вера, приемлющая и допускающая в своих суждениях, решениях и действиях по отношению к иноверцам, неверующим и еретикам суровость, жестокость и свирепость. Вера исключает из себя мораль, т.е. человеколюбие, вежливость, благоразумие, добро и взаимопомощь в отношениях с другими. Имеется, например, решение Петра I окрестить все коренное население Сибири. Указы царского правительства предусматривали смертную казнь тех, которые не подчинялись царской воле. В указах повелевалось уничтожение в Сибири культовых мест традиционной шаманской религии. Отметив, что «якут и другой туземец Якутского края остался в обстановке тех же языческих представлений, каким был он до принятия православия», Г.А. Попов писал: «Шаманов преследовали, предавали покаянию, стригли волосы, сжигали и отбирали предметы культа» [20].

Распоряжение Петра I окрестить все коренное население было встречено христианской церковью России с энтузиазмом и получило ее горячую поддержку. Указанные злодеяния совершались не только царскими чиновниками, но и православными миссионерами, являющимися политическими агентами царского правительства и христианской церкви. Миссионеры посылались для религиозной пропаганды или насильственного обращения шаманистов в христиан.

Опираясь на мысли, что традиционные религиозные представления и верования эвенков претерпели значительные изменения и превращения, исследователь традиционного мировоззрения эвенков северо-западного Верхоянья А.А. Алексеев умозаключает: «Большую роль в этом сыграла православная церковь, которая провела решительную борьбу против шаманских и дошаманских религиозных воззрений и представлений кочевников. Такую же борьбу провели и органы советской власти в местах проживания народов Севера. Так как влияние шаманов, как хранителей религиозных верований и духовных ценностей своего народа, было достаточно велико, против них применялись различные репрессивные меры вплоть до их физического уничтожения. В итоге в середине 30-х годов шаманство в Якутии практически перестало существовать. А те шаманы, которые остались в живых, перестали заниматься шаманством» [21].

В целом линии дискриминации шаманизма и признания шаманов сумасшедшими людьми проводятся неразумными людьми. Их неразумие не может быть замаскировано или превращено в нечто разумное посредством проведения ими диаметральной противоположности между эпосом олонхо и шаманизмом, ибо такой противоположности между ними не существует.

3.4. Между олонхо (эпосом) и шаманством нет нестираемой грани

В настоящее время с точки зрения православной традиции, с позиции христианской церкви Д.К. Сивцев-Суорун Омоллоон ведет решительную борьбу на страницах республиканских газет против языческого шаманизма. Он и упомянутый Герман употребляют такие фразы, как «националистически настроенная якутская интеллигенция», «начался угар от “национального самосознания”», «упоеание суверенитетом, демократией вскружило многим головы» и т.д.

Д.К. Сивцев самым строгим образом различает и проводит нестираемую грань между эпосом олонхо и шаманством. Он об этом принципиальном их разделении в периодической печати разъясняет

следующее: «Осуждая культ шаманизма, отдавая должное православию, я еще не сказал главного в споре об истинных, незамутненных истоках духовности народа саха. Таким живительным истоком духа, непревзойденной до сих пор вершиной духовной культуры нашего народа является, на мой взгляд, его великий эпос олонхо. Что рядом с ним шаманство?

Если многие великие народы имеют Евангелие, Коран или Тору, то народ саха, помимо Нового завета, имеет еще и олонхо. Оно изустно передавалось из века в век, из поколения в поколение и сохранилось в памяти народа в течение всей истории его жизни. Оно очаровывает и улаживает каждого, но особенно якута, дышащего его атмосферой, мечтающего его грезами» [Якутия. – 1999. – С. 31].

Конечно, если речь идет о Евангелии, то мы имеем христианскую религию. Исследователи, проводя классификацию религий, рядом с христианской религией ставят языческую, в том числе шаманскую, религию, но ни в коем случае не эпос. Бесполезно ссылаться на историков, которые будто не знают о существовании шаманизма, шаманской религии, а знают лишь шаманство. Однако исследователи религии не проводят никакого различия между шаманизмом и шаманством. Если они и проводят различие между ними, то не забывают об их тождестве.

В.А. Кондаков подчеркивает: «Суорун Омоллоон утверждает, что олонхо является главным духовным истоком якутского народа. Конечно, олонхо является большим достоинством нашего народа. Спора нет. Но в жизни одно не всегда исключает другого, и для того, чтобы возвысить что-то, не обязательно очернять и топтать другое. Это один из признаков неправильного воспитания человечества. Таких проявлений в жизни бывает очень много. Но в олонхо все космологические понятия, философия борьбы Добрых и Злых сил, идеи Айыы-шаманизма – все это исходит из шаманизма. Так что олонхо в виде “чистого искусства”, без шаманизма тоже существовать не может» [22].

Да, «в жизни одно не всегда исключает другого», эпос не всегда исключает шаманскую религию. Эпос и шаманизм принадлежат

духовной деятельности человека. Эти духовные формы, как и жизненные явления, природные и общественные процессы, рассматриваются диалектическим методом исследования в их взаимной связи и переплетении, в их взаимодействии и проникновении друг с другом. Лишь в метафизическом способе мышления эти и другие формы взаимно исключают друг друга и находятся в застывшей и безжизненной противоположности. Метафизик между такими формами ставит абсолютно резкие разграничительные линии, роет не исчезающую зияющую пропасть. Мосты между ними не строятся или связи между ними не устанавливаются. В таких случаях, как и Ф. Энгельс, используя Евангелие от Матвея из Библии (глава 5, стих 37), можно сформулировать: «Да-да, нет-нет; что сверх того, то от лукавого». Выходит, что метафизик за отдельными вещами и формами не видит их взаимную связь и переплетенность, их взаимную проникновенность. Он их изучает каждую в отдельности, одну вслед за другой и одну рядом с другой.

Ж.К. Лебедева исследует эпос эвенов во внутренней связи и в тесном сплетении с шаманской религией. Она в эпосе эвенов специально выделяет сюжет о шаманке и пишет о следующих эпизодах: «Тематический сюжет о шаманке отмечен в эпике индигирских и охотских, а также колымских эвенов... В тексте колымских эвенов шаманка Чолбон – воинственная дева, совершающая подвиги героического характера. Она прилетает в верхний мир с колчаном стрел и копьем, чтобы сразиться с чудовищами». «Таким образом, обнаруживается постепенная трансформация героини в героиню-шаманку, которая в сказаниях наделена, в отличие от других героинь, сверхъестественной силой. Воспевается не героизм, связанный с борьбой и победой над врагом, а магическая сила шаманки». «Характеристика шаманки в этом эпизоде, а также характеристики шаманок в других эпических текстах дают основание говорить, что шаманка... всегда одерживает победу над богатырем». «В охотском тексте шаманка владеет удэки, т.е. доской для кроя и разрезания шкуры... Удэки служит магическим средством передвижения во время путешествия шаманки по разным мирам». «В индигирском

тексте “Нолток” шаманы выступают как бы посредниками между людьми и высшими духами. Вместо заговоренной стрелы и удэки здесь фигурируют атрибуты камлания: бубен, шаманское одеяние и т.д.» [23].

Эвенский этнограф А.А. Алексеев, отметив, что с точки зрения религиозной классификации эвены северо-западного Верхояния были шаманистами, что в жизни эвенов Верхояния шаманство до Советской власти играло большую роль, исходит из того, что камлание есть способ установления общения между двумя мирами: реальным и духовным, человеческим и божественным. Телесное и душевное начала опосредствуются двумя путями: или душа шамана отправляется в воображаемое путешествие в мир духов, или духи внедряются в тело шамана и в предметы камлания. Он отмечает: «Шаман, служитель культа, считался посредником между богами, духами и людьми. Он, совершая во время ритуального камлания медитацию – мысленные полеты во вселенную (Нэлбээн), налаживал отношения между миром людей и миром богов и духов» [24].

Было бы неправильным думать, что эпос, который создавался на той стадии развития, когда человек из-за низкого развития производительных сил и научных познаний был бессильным в борьбе с силами природы, может обходиться без медитации, без размышления или воображения сверхъестественного мира – мира души, духов и богов. Фактические, материальные силы и средства человека были настолько слабы, что он без помощи воображаемых существ не может подчинить и перебороть могущественные и враждебные силы природы и общества. Поэтому в эпосе обнаруживается взаимное переплетение и тесная связь двух сюжетных планов: реального и воображаемого, человеческого и божественного, материального и духовного.

Поэтому Н.П. Гринцер, говоря о древнегреческой эпической поэме «Илиаде», замечает: «Схему “последней битвы” подчеркивает и безусловный параллелизм двух сюжетных планов “Илиады”: человеческого и божественного. Так называемый “Божественный аппарат” во многом организует действие поэмы, причем все события в

мире людей находят свое отражение в божественном мире. Двум героическим лагерям соответствуют две “партии” богов, соответственно стоящих за греков и за троянцев (это божественное противостояние находит наиболее яркое воплощение в XX песне, традиционно именуемой “битвой богов”). При этом в божественном противостоянии главную роль играет мотив оскорбления и вызванного им гнева: Гера и Афина оскорблены совершенным в свое время выбором Париса, Посейдон – нанесенным ему бесчестьем (некогда он был вынужден стать рабом троянского царя) и т.д. Особую роль внутри этой системы божественных противников играет фигура Зевса, занимающего позицию высшего судьи и реализующего предначертания судьбы, предстающей как некая справедливость, равная для всех» [25].

Наконец, необходимо заметить, что в христианстве имеются деятели как персонажи в произведениях Шекспира, склонные унижать, оскорблять, обвинять и далее быть грубыми, свирепыми, жестокими и которые, впадая в тупоумие и безумие, бешенствуют и совершают нескончаемую вереницу несправедливостей, беззаконий, злодеяний и преступлений. Известно, что христиане высокомерно, ненавистно и презрительно относились к другим, к поработленным коренным народам с одержимостью сознавали свое превосходство и испытывали радостную гордость убийством язычника. Они иноверие (язычество), неверие (атеизм), ограниченное неверие (ересь) наказывали смертной казнью, применяли и другие уголовные кары, как, например, изгнание, конфискацию – кары, которые лишь косвенно лишают жизнь. Похоже на то, что темное царство христианства с его преходящими и постоянными свойствами, т.е. с его модусами и атрибутами – с унижением, оскорблением, нанесением обиды и преступлением – все еще живет и царствует.

Заключая можно отметить, что выше исследовано и раскритиковано с точки зрения семантики языка и философии духа навязчивое и неразумное расистское представление о том, что шаманы – ненормальные, возбужденные, иступленные, т.е. сумасшедшие люди. Это представление широко распространилось и проникло в миро-

вую науку. Его, как грубейшую научную ошибку и как схоластическое убеждение кабинетных ученых, исправляет В.Н. Басилов в своей работе «Шаманство».

В.Н. Басилов, выделив ошибку науки, умозаключает: «Этнография XIX – XX вв. дает яркий пример научного мифа, грубейшей ошибки, порожденной кабинетными учеными. Долгое время в мировой науке держалось убеждение, что шаман не вполне нормален психически. Известный исследователь шаманства Г. Ксенофонтов даже назвал одну из своих книг “Культ сумасшествия”. Это заблуждение было повсеместным. Но тщательные полевые исследования дали возможность, в конце концов, исправить эту ошибку. Особенности психики шаманов не позволяют считать их сумасшедшими. Соплеменники воспринимают шаманов как нормальных людей. Ведь в то время, когда шаман не выполняет свои ритуальные обязанности, он живет обычной жизнью...

Почему же возникла, и долгое время казалась убедительной гипотеза, объявившая шаманов людьми с патологическими отклонениями в психике, эпилептиками или же полусумасшедшими? Основаниями для таких оценок послужили особенности ритуального поведения шамана...

Во время камлания шаман также может произвести впечатление одержимого. Он или падает в обморок, или совершает дикие прыжки и странные телодвижения, берет голыми руками раскаленное железо и т.п. – подобные действия поверхностный наблюдатель вполне может принять за признаки психической болезни. Однако во время охоты или повседневных дел шаман практически не отличается от соплеменников. Одержимость же камлающего шамана – предписанная ритуалом форма поведения. Камлание заканчивалось, и шаман опять превращался в здорового человека, даже, пожалуй, более здорового, чем многие соплеменники, ведь далеко не каждый способен выдержать напряжение суточного ритуала. Надо иметь в виду, что костюм, например, тунгусских шаманов весил более 30 кг. Плясать несколько часов подряд в таком облачении способен только очень здоровый, физически сильный человек. Все это время ша-

ман должен сохранять полную сосредоточенность на своих видениях, переносящих его в мир духов» [26].

Словом, шаман во время камлания импровизирует эпическую поэму и в своем воображении переносится в мир духов и богов, артистически играя в войну между ними, представляющую собою «божественный аппарат» его камлания и «философию борьбы Добрых и Злых сил» в олонхо.

3.5. Профессор А.Г.Новиков о раскрытии философского содержания эпоса олонхо

На страницах «Ил-Тумэна» (28 ноября 2008 года) вышла основательная статья доктора философских наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ А.Г. Новикова «Эпос олонхо в контексте глобализации».

Автор пишет: «Якутский героический эпос – выдающийся памятник этнического наследия тюрко-монгольского мира. И мы обратим внимание еще раз на философские аспекты».

Безусловно, А.Г. Новиков, исследуя проблемы олонхо, привлекает и философию, ибо она – единственная возможность и способ существенного расширения и углубления научно-исследовательской работы. Как известно, философия, представляя мировоззрение и методологию частных наук, имеет тесную внутреннюю связь не только с олонхо, но и с математикой, физикой и другими науками, включая сельскохозяйственные специальности: агрономию, зоотехнику и ветеринарию, а также общественные дисциплины. Тем не менее, подавляющее большинство ученых и государственных мужей, мысля и рассуждая узко и мелко, настаивая на практицизме и хвалясь прагматизмом, пренебрегают философией и исключают ее из своей головы и из своих дел. Так что у них выходит, как говорится, «узколобый практицизм» и «безголовое делячество». Это характерно и для местного менталитета народов Якутии.

Понимая и зная важную роль и научное значение философского мировоззрения и диалектического метода, ЮНЕСКО при ООН объявило 14 ноября Всемирным днем философии. И народы всего мира

каждый год празднуют этот день, встречая его успешными научно-исследовательскими изысканиями в области философии, усиленной пропагандой и распространением философских знаний. Отрадно то, что Якутский государственный университет регулярно и планомерно проводит различные мероприятия, посвященные Всемирному дню философии. Именно ЮНЕСКО в 2005 г. провозгласило олонхо шедевром устного нематериального наследия человечества. Знаменательным событием был и приезд генерального директора этой организации в г. Якутск.

Замечательно то, что автор упомянутой статьи «Эпос олонхо...» Анатолий Георгиевич является страстным просветителем, пропагандистом и агитатором философских знаний, занимается эффективно и усиленно подготовкой научных кадров – кандидатов и докторов философских наук. Можно с уверенностью сказать, что само создание совета по защите философских диссертаций явилось в условиях Якутии чудом, свершившимся благодаря стараниям, упорству и настойчивости А.Г. Новикова.

Члены диссертационного совета в своей работе исходят из того, что в научном исследовании должна быть установлена тесная внутренняя связь отдельных отраслей науки с общим философским знанием, иными словами, союз естествознания и обществознания с философией.

Данный союз становится все шире и шире и в центре и в Якутии. Недавно был организован Младоякутский философский форум, в котором активное участие принимают студенты Якутской государственной сельскохозяйственной академии. Форум стремится стать первичной организацией Российского философского общества. В резолюции первого форума говорится: «Мы, участники Форума, призываем всех любящих мудрость и желающих приложить свои усилия в осуществлении задач по популяризации философских знаний объединиться вокруг Младоякутского философского форума для осуществления поставленных целей».

А.Г. Новиков вскрывает философское содержание эпоса олонхо, подчеркивая, что «якутский эпос чрезвычайно философичен. Олон-

хо выражает целостное традиционное мировоззрение народа... В эпосах народов мира красочно изображаются битвы. Якутский эпос всегда начинается с описания необъятной Вселенной – Аан Ийэ дойду. Мать-Земля называется “восьмиободной”, “восьмикрайной”».

Известно, что Фейербах делит религию на два основных направления или вида – на язычество и христианство. Если олонхо присуще традиционное религиозное мировоззрение, то это и есть язычество, которое, как и мировые религии, имеет историческое и мировое значение и распространение. В конечном счете, язычество включает в себе гораздо больший смысл и ценность, чем разные мировые религии. Кроме того, сами теологи считают, что христианство есть богословие, а язычество есть философия и выражаются о язычестве как о философском язычестве.

В якутском эпосе, – утверждает автор – «влияние мировых религий абсолютно не существует», «эпос многих народов проникнут мировоззрением мировых религий, идеологий. Олонхо избежало влияния христианства и других религий высокоразвитых классовых обществ». Выходит, что языческая религия, обнаруживаемая в якутском эпосе, не испытала на себе ни слабого, ни сильного воздействия силы, власти и авторитета мировых религий. Вслед за автором, наверное, можно сказать, что язычество, имеющееся в олонхо, существует в чистом виде без всякого вкрапления каких-то частей или моментов, скажем, христианства, без «проникновений мировоззрений мировых религий, идеологий».

Далее ясно и уверенно А.Г. Новиков высказывается о том, что «якутское мировоззрение предстает как достаточно философски разработанное учение “панпсихизма”, ибо вся природа считается одухотворенной и одушевленной. В то же время традиционное якутское мировоззрение и политеично (множество богов Айыылар во главе с Юрюн Айыы Тойоном)».

Как известно, панпсихизм является философским воспроизведением анимизма и по смыслу тесно связан с гилозоизмом и витализмом. Все эти верования исходят из того, что предметы природы

одарены жизнью, душой и духом. Северная природа Якутии негостеприимна и сурова. Каждый предмет и любое явление – крутые горы, невыносимый холод – зимою, жгучее солнце, бадараны, зыбуны и комары – летом и т.д. – могут стать причиной страданий, мучений и бедствий человека и даже могут угрожать ему смертью. Боязнь северных язычников перед ними превращает последних в духов и богов. Это и есть основа возникновения политеистической религии на севере. К этой религии примыкает и шаманизм, который все беды и несчастья северного человека истолковывает как следствия действий злых существ и духов.

В этнографии отмечают, что отличительной чертой народов Северной Азии является страх перед духами и привидениями и что эти народы усилиями шаманов ведут постоянную борьбу с враждебными духами, которые спрятаны, живут и бродят по склонам крутых гор, по бурным рекам и по снежным полям, которые смертельно опасны для северянина и которых его фантазия тотчас же превращает в злых духов. Последних надо остерегаться и бояться, а также обезвреживать путем изгнания и заклинания. Именно в этом заключается суть и предназначение шаманства как религии. Шаман заклинанием, т.е. колдовством, волшебством и магическими словами и жестами совершает чудо – духи (или боги) перестают быть злыми и превращаются в тех существ, которые испытывают к северным людям хорошее и доброе отношение, спасая их от трескучего мороза, жгучего солнца, от льда рек, который проламывается под ногами лошадей и от различных болезней.

А.Г. Новиков замечает: «Эпос многих народов проникнут мировоззрением мировых религий, идеологий... В эпосах европейских народов просматриваются вкрапления христианства. В якутском – влияние мировых религий абсолютно не существует». Можно сказать, что не только мировая религия воздействует на языческую, но и по принципу взаимодействия языческая религия обратно влияет на мировую. Фейербах исходит из того, что шаманство, колдовство, чудотворство, магия и т.п. явления не принадлежат исключительно язычеству. Отсюда можно умозаключить, что эти явления, прису-

щие религии народов Северной Азии и североамериканских индейцев, вкраплены или проникли, в частности, в христианство.

Об этом мы имеем свидетельство Фейербаха: «Точно так же, как у названных народов, мы находим у христиан самые преувеличенные представления о бедах и смертельных опасностях и описания ими опасностей, которые преследуют человека на всех путях и которые их религиозная фантазия представляет им как действия враждебного человеку злого существа или духа, дьявола, действия, которые могут быть устранены лишь противодействием доброго, к человеку благосклонного и всемогущего бога» [27].

В конце следует отметить, что автор оцениваемой статьи А.Г. Новиков свои мысли и выводы основывал на работах предыдущих исследователей. В частности он говорит: «Мы также использовали работы кандидата философских наук А.С. Поповой, которая при раскрытии картины мира находила совпадения с такими научными описаниями, как теории “Большого взрыва”, “Горячей Вселенной”, “Расширяющейся Вселенной”».

Думаю, что «раскрытие картины мира» олонхо органически связано с естественной религией, язычеством и политеизмом, которые максимально близки к природе или переходят к ее изучению. Тогда как духовные, мировые религии максимально далеки или совершенно отходят от изучения природы и полностью думают лишь о духе или о боге и о спасении души человека. Для этих религий мысли о боге и о спасении души бесконечно важнее, чем понятия, выводимые из исследования вселенной, т.е. богословие бесконечно важнее, чем естествознание и обществознание.

Фейербах ясно и недвусмысленно, как говорится, черным по белому писал: «Наука, как и искусство, возникает только из политеизма, ибо политеизм есть откровенное, прямодушное понимание всего прекрасного и доброго, понимание мира вселенной... Повторяю: политеистический уклон есть основа науки и искусства» [28]. Так что если не сможем сказать, что «картина мира», заключенная как «политеистический уклон» в олонхо, есть основа физических и астрономических теорий «Большого взрыва», «Горячей Вселен-

ной», «Расширяющейся Вселенной», то мы можем хотя бы сравнивать отдельные моменты политеизма с отдельными естественнонаучными теориями или говорить об их «совпадении».

Следует заявить, что философия, наука и искусство являются по своей природе языческими. В древности они и были языческими. Но в средние века в связи с победой христианства над язычеством они исчезли и возродились в новое время. Против их возрождения и развития христианство боролось посредством инквизиции, применяя смертную казнь. По мнению Фейербаха, современные философия, наука и искусство не являются созданиями христианства. Их создали христиане не как христиане или богословы, а как язычники, как естественные люди. Фейербах писал: «Изучение природы, вообще культуры, предполагает или, по крайней мере, порождает языческое, т.е. светское, анти-богословское, анти-супранатуралистическое понимание и верование» [29].

В самом конце следует подчеркнуть, что из информации глобального характера и из сути рассматриваемой статьи вытекает, что ее автор А.Г. Новиков проводит философские исследования эпоса олонхо компетентно и на профессиональном уровне, раскрывая его содержание как языческое мировоззрение. Кстати, А.Г. Новиков не только философ, но и политолог. Поэтому он имеет определенное отношение к изучению не только языческого, но и политического мировоззрения.

Глава 4. ЯЗЫЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ЕГО СВЯЗЬ С СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРОЙ

4.1. Толерантность – свойство духовного мира коренных языческих народов Якутии

Толерантность как снисхождение и терпение является свойством язычества как природной религии. Исследователь христианства в Якутии Г.А. Попов писал: «Мы не видим почти никакой борьбы. Язычество падало без всякого видимого сопротивления... Шаманы не имели той нетерпимости, какая наблюдается в прочих нехристианских религиях более высшего характера, чем шаманизм» [1].

Шаманы эвенов и других коренных народов Севера претворили в жизнь ту толерантность, которая существует у христиан лишь в теории, иначе говоря, лишь на словах. Исследователь Якутии З. Венгловский, как говорилось в первой главе, описывая кочевание якутов, коснулся, можно сказать, характеристики души и духа малочисленных народов Якутии. Он отметил такие черты их толерантности, как «бескорыстная доброжелательность, готовность помочь, бескорыстная забота о благе других, любовь к ближнему» [2]. При этом они под ближним подразумевают всех людей, все равно, к какому бы народу эти люди ни принадлежали: еврейскому, русскому и другим и к какой бы религии не относились.

При всей наивности, невинности и необразованности коренных народов Якутии в прошлом в их духовном мире содержался интернационализм как основное толерантное чувство, поведение и отношение. Тот же З. Венгловский намекает на то, что цивилизованным народам, христианам и иудаистам свойственно такое психологическое качество, как религиозный, национальный и социальный фанатизм. Знаем, что фанатизм является прямой противоположностью толерантности. Фанатизм непосредственно связан с шовинизмом, сионизмом и фашизмом.

Фанатизм есть рознь, нетерпимое отношение классов, народов и религий между собой. Фанатизм христиан, их страстная предан-

ность своей религии состоит в убеждении, что бог создал мир только ради них, что они являются богоизбранными людьми. Их душа, их вера принципиальна, строга и беспощадна. По их догматическому представлению, христианский бог един и единственный и не приемлет бытие другого бога. Когда существует одно, признается его бытие, тогда исключается бытие другого – существования других религий, народов и классов. Религиозная нетерпимость и ненависть проникает в национальные и социальные отношения.

Фейербах писал: «Догматический библейский бог строго различает между козлицами и овцами, между христианами, с одной стороны, и евреями и язычниками – с другой, между верующими и неверующими: одним он сулит ад, другим – небо, одним он обещает вечную жизнь и счастье, другим – вечное бедствие и смерть. Но именно потому нельзя бытие этих обреченных на ничто людей выводить от бога» [3]. У господствующей веры, у господствующего народа и у господствующего класса отсутствует толерантность по отношению к угнетенным и к дискриминируемым. Всякое отстаивание жизни последних, защита их прав и интересов признается грехом, преступлением, разжиганием религиозной, классовой и национальной розни. В этом состоит суть и содержание ада в религии, диктатуры права и власти в политике.

«Обреченными на ничто людьми» был еврейский народ с его религиозной верой – иудаизмом. В истории евреев характерными были преследования, кровавые наветы и изгнания. Еврейские погромы устраивались в царской России, в панской Польше и в боярской Румынии. Массовое уничтожение евреев осуществлялось в фашистской Германии. Иудаизм был поработенной религией и подвергался уничтожению, т.е. был осужден на исчезновение. Толерантное отношение и мирное сосуществование между христианством и иудаизмом исключались. Для христианства приемлемо не бытие, а ничто иудаизма. В истории религии установлены следующие факты трагической диалектики иудаизма, нетерпимого, высокомерного, враждебного отношения к нему и его уничтожения или его перехода из бытия в ничто, перехода в другое. Евреев насильственно кре-

стили, ставили перед выбором перехода в христианство или смерти. История разбросала евреев по всему свету и их пути были обильно пролиты кровью мучеников. А. Мень с ужасом отметил: «В XVII в. еврейский мир был потрясен кровавой жатвой Богдана Хмельницкого. Погибло более ста тысяч человек, многих из которых зверски замучили. Всего в мире тогда жило около полутора миллионов евреев» [4]. Кроме того, евреев принуждали отказаться от своей веры – иудаизма. Такой отказ приобрел массовый характер в XV в. в Испании. Причиной этого послужило решение христиан: евреи должны либо креститься, либо покинуть Испанию. И корабли увозили из неё еврейских беженцев. Знаем, что евреи изгонялись из многих стран, но изгнание из Испании было самым многочисленным по числу покинувших свои родные места. Однако многие евреи, отказавшиеся от иудаизма и перешедшие в христианство, продолжали тайно исповедовать свою веру. В этом случае они становились жертвой жестокой судебно-полицейской организации христианства – инквизиции. Те из иудаистов, обратившиеся в христиан, кто оставался в живых, при первой возможности возвращались к своей вере. Они, таким образом, показывали и доказывали удивительную толерантность, чрезвычайную приспособляемость и выживаемость своей религии в невыносимых условиях господства христианской религии.

Христиане были изощренными в выдумывании самых разнообразных форм ликвидации иудаизма, превращения его в христианство. Об одном из приемов обращения в христианство М.Я. Горелик пишет: «В XIX в. в России был изобретен новый способ обращения евреев в христианство: призыв еврейских детей с 12 лет на военную службу. Этих малолетних солдат называли кантонистами. Дети, оторванные от семьи, подверглись унижениям и издевательствам. Их лишали сна, морили голодом, пороли, окунали в воду, доводя до обмороков, выставляли раздетыми на мороз. Военное начальство требовало от них принятия христианства. Известен случай, когда доведенные до отчаяния дети утопились во время показательного крещения» [5].

Нетерпимое, непримиримое и враждебное отношение христианства и иудаизма показывает, что религия партийная и догматичная. Выходит, что религия по своему основному содержанию является не толерантной. Фейербах подчеркивал: «Вера по существу партийная. Кто не за Христа, тот против Христа. Либо за меня, либо против меня. Вера знает только врагов или друзей; она не может быть беспристрастной; она имеет в виду только себя. Вера по существу нетерпима». «Она по существу нетерпима к своей противоположности и вообще ко всему, что с ней не согласно. Ее терпимость была бы нетерпимостью к богу, имеющему право на неограниченное господство» [6].

Было время, когда физика исходила из принципа единства, неделимости атома, из закона тождества. Атом был монолитным, цельным. Индифферентный, безразличный подход, представление атома по закону тождества в физике позже проходит. Атом оказывается дифференцируемой, делимой единицей, состоящей из частей, между которыми существует не тождество, а разность, противоположность и противоречивость. Такой методологический, диалектический подход привел физику к открытию атомной и ядерной энергии, заключенной в атоме. Подобно этому в общественной науке диалектика способствовала применению партийного и классового подхода, к открытию теории вооруженного восстания и диктатуры пролетариата.

И в религию проникает диалектическая методология, принцип партийности и непримиримой, не толерантной борьбы между ее частями или партиями. Вера не монолитна, не построена на законе тождества, из которого исходит принцип толерантности. Вера делится на части. Она перестает быть индифферентной, в нее, в ее тождественную природу внедряется различие, которое раскрывается в законах разности, противоположности и противоречия. Вера не одна, не суть тождество. Она содержит в себе многообразие, бывает разной. Существует разная вера, например, иудаистская и христианская, между которыми связь и отношение, как показывает история религии, не были толерантными, беспристрастными, справедливыми и объективными.

Католическая инквизиция принудительно крещеных евреев ложно обвиняла в тайной приверженности иудаизму, устраивала допрос с пристрастием, с применением изощренных и крайне жестоких пыток, заключала в тюрьмы и осуждала на смертную казнь. Этот общеизвестный факт выявляет тот диалектический закон, который указывает на то, что историей и всем миром двигает противоречие и борьба не на жизнь, а на смерть, а не тождество и мирное сосуществование разных определений.

О внутреннем механизме противоречия Гегель писал: «Противоположные определения содержат противоречие постольку, поскольку они в одном и том же отношении соотносятся друг с другом отрицательно или снимают друг друга и безразличны друг к другу. Представление, переходя к моменту безразличия этих определений, забывает в нем их отрицательное единство и тем самым оставляет их лишь как разные вообще... Оно имеет перед собой эти определения как отрицающие себя одно в другом и в то же время и как не отрицающие себя в этом единстве, а имеет каждое как безразличное для себя сущее» [7].

Христианская вера догматична и фанатична, представляет собой религиозный ригоризм, т.е. отличается логической определенностью, строгостью, твердостью и жестокостью в своих проявлениях и действиях и исключает либеральность и толерантность по отношению к противоположной определенности, к иной вере. Кто за Яхве и Аллаха, тот против Христа. Все иудаистское, мусульманское, языческое и атеистическое суть нехристианское, антихристианское. Если обозначить все христианское через «А», а все нехристианское через «не А» ($\neg A$), то приходим к формальной логике, где по закону тождества A равно A , а по закону противоречия A не может быть в одно и то же время A и $\neg A$. Другими словами, вера должна быть одна, строго тождественной самой себе, вера есть вера. В ней не должны обнаруживаться и находиться иноверие и неверие. Противоречие веры и не веры в формально-логическом рассуждении христианина не допустимо.

Однако в живой истории действует диалектическая логика, по которой противоположность и противоречие имеют свое законное

место в действительности и проявляют в ней свою законную силу и энергию. Известные крестовые походы не означали бесстрастное, безразличное и равнодушное, т.е. толерантное отношение между христианством и мусульманством. Они, напротив, означали, что между этими религиями, как между двумя противоположными и противоречащими определениями, существуют «соотношение друг с другом отрицательно и снятие друг друга», иначе говоря, непримиримое, враждебное и антагонистическое противоречие диалектики и соотношение взаимного уничтожения, т.е. кровопролитной схватки.

Выходит, что антитолерантностью характеризуется и диалектика, существующая в религии. Если исходить из высказывания Гегеля, то можно сказать, что толерантность есть «святость коротенького момента, той четверти часа, когда совершается богослужение» и она «продолжается лишь один момент», затем приходит не толерантность или антитолерантность, которая продолжается в течение целых недель или годов в качестве «жизни грубейшего эгоизма, насилия и самой свирепой страсти».

Гегель о крестоносцах писал: «Они отправляются в поход для достижения святых целей, но во время своего похода они впадают во все страсти, причем предводители идут в этом отношении вперед. Индивидуумы проявляют себя в насилии, во всяких отвратительных делах. Совершив поход самым нелепым, самым неразумным образом и потеряв тысячи людей, они, наконец, достигают Иерусалима, и вот перед нами прекрасное зрелище: завидев Иерусалим, все, каясь в своих грехах, с сокрушенным сердцем падают ниц и молятся; но это продолжается лишь один момент, и этот момент последовал за продолжающимися месяцами безумием, глупостью, низостью, проявленными ими повсюду на своем пути. Теперь они с величайшим воодушевлением храбро штурмуют и завоёвывают священный город, а затем они с бесконечной жестокостью купаются в крови, скотски дико свирепствуют; после этого они опять переходят к сокрушению и к покаянию. Вот они встают, поднимаются с колен, примиренные и просветленные, и предаются снова всем мел-

ким, жалким страстям своекорыстия и зависти, жадности, корыстолюбия, энергично преследуют удовлетворение своей похоти и разоряют владения, добытые их храбростью. Это происходит оттого, что принцип существует лишь в глубине их души, а действительность человека ещё не пересоздана духовно. Таков характер противоположности в действительной жизни» [8].

«Примирение и просветление» как разновидности толерантности отсутствовали в ожесточенных религиозных войнах XVI – XVII веков, в которых непримиримо враждебные стороны «с бесконечной жестокостью купались в крови, скотски дико свирепствовали». На этот раз нетолерантность, диалектика стала преобладать внутри самой христианской веры между католиками и протестантами. Догматизм и фанатизм стали приобретениями и свойствами различных ветвей или направлений христианства: православия, католицизма и протестантизма. Разность, противоположность и противоречие оказались законами отношений не только между различными вероисповеданиями, но и внутри одной конфессии – христианской веры. Так из религии исключается веротерпимость – уважительное отношение к представителям всех верований и свобода вероисповедания, т.е. признание права на исповедание любой религии.

Какая может быть толерантность и веротерпимость, если христиане, как выше было сказано, являлись антисемитами и крестоносцами, если они «с бесконечной жестокостью купались в крови» своих собственных близких и братьев – христиан. Важно вспомнить такой факт, как Варфоломеевскую ночь, в которой было уничтожено около 30 тысяч человек в кровавой расправе католиков над протестантами. Как известно, религиозные войны являются отражениями и маскировкой классовых сражений. Буржуазные революции представляли собой вооруженное восстание против деспотического господства, против диктатуры феодалов.

Имея в виду вооруженное восстание и диктатуру пролетариата и раскрывая суть авторитета, Ф. Энгельс писал: «Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю

другой части посредством ружей, штыков и пушек, т.е. средств чрезвычайно авторитарных. И если победившая партия не хочет потерять плоды своих усилий, она должна удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие» [9].

Насилие посредством применения оружия как «с бесконечной жестокостью купание в крови» приводит любого моралиста в высокоморальный гнев из-за того, что оно возбуждает в человеке животность, а не человечность и является овеществлением ненависти и зла в душе. Так что оно из души исключает любовь и добро. Это показывает, что в жизни человека отсутствует толерантность, его действительность «ещё не пересоздана духовно». Как известно, благодаря труду обезьяна превратилась в человека, люди выделились из животного царства. В ходе развития человек, бывший вначале зверем, все более и более становится человеческим человеком.

О том, что этот ход развития является непрерывным и постепенным, Ф. Энгельс писал: «Но ведь уже самый факт происхождения человека из животного царства обуславливает собой то, что человек никогда не освободится полностью от свойств, присущих животному, и, следовательно, речь может идти только о том, имеются ли эти свойства в большей или меньшей степени, речь может идти только о различной степени животности или человечности. Деление человечества на две резко обособленные группы, на человеческих людей и людей зверей, на добрых и злых, на овец и козлиц, – такое деление признается, кроме философии действительности, ещё только христианством» [10].

«Скотски дикое свирепствование» в религиозных войнах указывает на то, что из общественной жизни полностью исключена толерантность и что человечество не вышло ещё из животного царства, из мира зла и несправедливости и ещё не построено общество добра и свободы. Религиозная ненависть и вражда, как психология не «человечных людей», а «людей зверей», вытекает из природы эксплуататорского общества, в котором угнетение бедных и насилие над подчиненными относятся к высшей «степени животности, или к

низшей «степени человечности». Известно, что история голландского капитализма сопровождалась непревзойденной жестокостью, крайней степенью предательств, подкупов, краж людей, убийств и других звериных преступлений. Во времена первоначального накопления капитала всеми этими чертами низшей, гнусной и не толерантной части души цивилизованные нации гордились и хвастались. Прибыль разжигала волчий аппетит английской буржуазии. Нет таких преступлений, на которые из-за высоких процентов прибыли она не рискнула бы, хотя бы под страхом виселицы. Например, она, установив рабство детей, замучивало их до смерти чрезмерным трудом, била, заковывала в кандалы и подвергала самым утонченным и ужасным пыткам, доводя их до самоубийства.

Следует сказать, что христианство не повышает уровень толерантности, человечности и доброты. Напротив, оно понижает духовный уровень всемирно-исторического развития. Благодаря ему цивилизованные народы становятся бесконечно более дикими, варварскими, беспощадными, бесстыдными и бессовестными, чем любой народ традиционного, первобытного образа жизни и какой бы отсталости, некультурности и дикости он ни был. К. Маркс, отметив христианский, безжалостный характер первоначального накопления, подчеркнул: «Относительно христианской колониальной системы У. Хаунтт, человек, сделавший христианство своей специальностью, говорит: «Варварство и бесстыдные жестокости так называемых христианских рас, совершавшиеся во всех частях света по отношению ко всем народам, которые им удавалось поработить, превосходят все ужасы, совершавшиеся в любую историческую эпоху любой расой, какой бы она ни была дикой, невежественной, безжалостной и бесстыдной» [11].

Сказанное наводит на мысль, что основой христианской веры является положение: все нехристианское, в том числе язычество, выступает как антихристианское и подлежит осуждению, проклятию и уничтожению. Христианин обижает, унижает и оскорбляет язычника, гордится и хвастается, когда его убивает. О сущности христианства как веры, в которой лежат злое начало, ненависть и

вражда, Л. Фейербах писал: «Кто не за Христа, тот против Христа; все нехристианское есть антихристианское». «Вера есть огонь, беспощадно пожирающий свою противоположность». Вера «по существу нетерпима к своей противоположности и вообще ко всему, что с ней не согласно». Бог имеет право на неограниченное господство. «То, что не признает бога и веры, не должно быть, не должно существовать». «Только верующий человек есть законный, нормальный человек, такой человек, каким должен быть и каким признает его бог» [12].

Таково основное, сущностное определение или установление христианства, полностью исключаящее доброе начало, любовь и дружбу. С этой точки зрения оказывается неправым О.Н. Толстухин, когда он замечает: христианство «является сейчас надежной основой возвращения к духовности, терпимости, формированию высоконравственного, толерантного общества». «Не отвечали христианским установлениям крестовые походы, осуществленные в средние века. Объективно не способствует единению людей противостояние Протестантов и Католиков, в частности, в Ирландии, представителей Униатской и Христианской церквей на Украине, Евангелической и Православной церквей во многих странах мира» [13].

Тут нужно подчеркнуть, что христианство представляет собой противоречие между верой и любовью. Все ужасы истории христианской религии соответствуют ее установлениям и проистекают из того, что вера неизбежно переходит в ненависть, ненависть – в преследование, а преследование – в лишение свободы и жизни противника. «В душе, – говорил Л. Фейербах, – вера обособляется от морали и любви. Нельзя указывать на то, что вера в бога есть вера в любовь, в добро, что есть выражение доброго чувства. Нравственные определения исчезают... Поэтому неизбежны и такие поступки, в которых обнаруживается не только различие, но и противоречие между верой и моралью – поступки дурные в нравственном отношении, но похвальные в отношении веры, целям которой они наилучшим образом служат» [14].

Тем не менее, христианство, как было сказано, суть противоречие. Поэтому оно выступает не только как сфера, исключаящая толерантность, но и как сфера, включающая толерантность, т.е. духовность, нравственность и человечность. Ведь и религия, видимо, должна отражать по-своему стремление человека и человечества выйти из животного царства со звериными нравами людей в гуманное общество, где царствует человеческий человек.

Уже знакомый нам З. Венгловский, будучи родом из христианской Польши, имел в своей голове образ бога. И он с удивлением и восхищением описывает северных жителей Якутии, ведущих первобытно-коммунистический, общинный образ жизни, как божественных, толерантных, духовно чистых людей. Если у христиан духовность, это – фантазия и обман, то у язычников Якутии она представляет собой реальность и потому истину. Хотя в Новом завете говорится, что язычники не делают ничего особенного и прославляемого, ибо они любят только любящих, а не врагов своих (Мф.5, 46-47). В действительности язычники – якуты, эвены, эвенки, юкагиры, чукчи и долганы – оказались как бы божественными людьми, олицетворением Христа. По итогам полевого исследования северных язычников Венгловский наделяет их такими чертами Христа, как радость видеть каждого человека счастливым, стремление помочь ему, любовь к ближнему, ко всем людям и объединение последних «без различия пола, возраста, состояния и национальности» (Фейербах), исключая, следовательно, всякий фанатизм из жизни общества.

Научную экспедицию сопровождал казак в качестве стражника, вооруженной охраны. Экспедиция присоединилась к северным жителям, которые с семьями, всем родом кочевали через тундру до Булуна. Можно догадаться, что и к христианину-казаку местные язычники относились вполне толерантно, благородно и бескорыстно доброжелательно. Выходит, что основным началом, смыслом их жизни является не ненависть, а любовь, не вражда и борьба, а мир и согласие. Как будто они для себя устроили царство Божье и их душа и жизнь были чистыми, толерантными и добрыми. Они, похоже,

не жили в христианском смысле в грешном, земном и светском царстве, включающем «насильническую, злобную, нелюбовную жизнь» (Л. Толстой).

Л.Н. Толстой, обращаясь к молодежи, писал: «Пускай правители, цари, министры, стражники, урядники делают свое дурное дело; вы же, как были чисты от него, так и старайтесь оставаться чистыми. Точно так же старайтесь быть чистыми и от участия в тех делах насилия, к которым вас призывают революционеры... Любовь ко всем людям, даже к ненавидящим нас, гораздо больше свойственна душе человека, чем борьба с ближним и ненависть к ним» [15].

Великий художник Л. Толстой наставлял детей и юношество на путь толерантности самым юродивым, нелепым образом, излагая учение Христа в следующих словах: «Надо любить всех людей. Если люди считают себя врагами вашими, и ненавидят, и проклинают вас, и нападают на вас, то вы все-таки любите их и делайте им добро», «не надо платить злом на зло, и око за око, и зуб за зуб. И если кто ударит тебя в одну щеку, лучше подставить другую щеку, чем за удар ответить ударом» [16].

Однако в отличие от Толстого само христианство строго ограничивает действие любви, не понимает ее в полной мере, поэтому не распространяет ее на всех людей. Христианин любит только христиан, ненавидит еретиков, иноверцев и неверующих. По христианской вере если последние как враги не сдаются, не хотят и не могут стать христианами, то их, в конечном счете, уничтожают. Об этом выше уже сказано. Так что христианин не испытывает никакой любви и толерантности к своим врагам. Выходит, что любовь не только ограничивается, но и просто исключается, перестает существовать.

По этому поводу Л. Фейербах разъяснял: «Христианство не отдалось всецело любви, оно не поднялось до той высоты, чтобы понимать любовь абсолютно. И оно не могло достичь этой свободы, раз оно есть религия и поэтому любовь осталась в подчинении у веры. Любовь есть экзотерическое, а вера эзотерическое учение христианства». «Заповедь: “любите врагов ваших” относится только

к личным врагам, а не к врагам общественным, к врагам бога и веры, к неверующим... Вера уничтожает естественные узы человечества; она замещает всеобщее, естественное единство единством обособленным» [17].

Христианство разжигает религиозную рознь, возводит в норму и в закон ненависть и вражду в отношении к иноверцам и неверующим, т.е. к нехристианам. Оно исключает по отношению к последним любовь, дружбу и толерантность. В нем лежит дух сектантства, сепаратизма и фанатизма, т.е. дух различения, дифференциации и деления на партии, «классы» и группы. Ведь закон противоположности, принцип полярности проходит через мир, присутствует в естествознании и обществоведении, в частности, в физике и религии.

Христианство становится диалектичным и внутри самого себя. И оно, подобно делению атома, делит само себя на церковную догматику и ересь и по закону борьбы с врагами на уничтожение создает инквизицию для ликвидации еретических течений. Православный русский человек резко и враждебно относился даже к католикам и протестантам как к «поганым еретикам». Г.А. Попов писал: «Наша допетровская Русь крайне оригинально подходила к оценке чуждой национальности. Для православного русского человека того времени, другие рассматривались, как “поганые еретики”, “идоляторы”, “безбожные” и проч. Если европеец для русского человека расценивался, как “поганный еретик”, то как он должен отнестись к сибиряку – язычнику. Из такого взгляда, вполне естественно, вытекала и своеобразная норма отношения к “инородцам”. В отношении последних, как будто все разрешалось» [18]. Автор рассказывает о невыносимых пытках и смертных казнях туземцев-язычников, об установлении рабства в Сибири, о том, что воеводы, приказчики и другие отнимали у якутов и тунгусов жен и дочерей от живых мужей для разврата, продажи и рабства и т.д., и т.п.

Язычники, это – политеисты и идолопоклонники. А.А. Алексеев сообщает нам о том, что у эвенов много богов: «По представлениям древних эвенов... Верхний мир имел 9 ярусов. Это мир божественных существ или мир небожителей, где обитают боги солнца, луны,

молнии и грома (авдри)» [19]. Следовательно, эвены помещают своих богов в этих материальных телах, как в идолах. Они – идолопоклонники, ибо почитают и поклоняются природным предметам как богам.

Партийность или «классовость» христианства состоит в том, что по нему почитание и поклонение идолам есть почитание и поклонение демонам и бесам. И это равносильно оскорблению бога и преступлению против него. Поэтому христианство проклинает, обвиняет и осуждает, и оно становится огнем, беспощадно пожирающим идолопоклонство. Христианин прославляет своего бога, когда убивает идолопоклонника и, как было выше отмечено, гордится этим убийством. Это подтверждается и указами царского правительства, в которых предусматривалась смертная казнь язычников, отказывающихся принять христианство.

Так что любовь оказалось лицемерной, ничтожной, любовью лишенной любви. От нее и тесно связанной с ней толерантности не осталось ни одного атома. Раскинулось чистое поле для ненависти, вражды и борьбы не на жизнь, а на смерть. Выше со ссылкой на Фейербаха было сказано, что догматический бог христианам обещает вечную жизнь и счастье, а евреям и язычникам – вечное бедствие и смерть.

А любовь и толерантность северных идолопоклонников – эвенов, якутов и других – по своей природе были альтруистичными, «искренними и широкими» (Венгловский), подтверждали «всеобщее, естественное единство», «естественные узы человечества». Идолопоклонники не делили, не дифференцировали, а проявляли равнодушие и индифферентность к религиозным, национальным, сословным и классовым различиям и противоположностям и не разжигали никакой розни. Все это проистекает из сущности идолопоклонства. Фактом является то, что солнце, которое является предметом почитания у солнцепоклонников, светит над головами не только язычников, но и христиан и иудаистов. Солнце светит всем не только без различия религии, но и без различия национальности: эвенам, якутам, русским и евреям.

Исходя из сходного случая, Л. Фейербах объяснял: «Мы в данном случае имеем пример того, что природа куда либеральнее бога религий, что соответствующая природе точка зрения человека или естественное воззрение куда универсальнее, чем точка зрения религиозная, которая отделяет человека от человека, христианина от иудея, иудея от язычника, что, следовательно, единство рода, любовь, простирающаяся на всех людей, опирается отнюдь не на понятие небесного отца или, как современные философы переводят это выражение, не на понятие духа, но столько же или ещё лучше опирается на природу и первоначально только на нее и опиралась» [20].

Заключая нужно подчеркнуть, что с точки зрения истории толерантность и всеобщая любовь к человечеству возникли не вместе с христианством, ибо берут свое начало в идолопоклонстве и политеизме, в естественном воззрении на природу, в мировоззрении язычников, в частности эвенов, якутов и других северных жителей Якутии. Любовь и толерантность уничтожают всякое различие и рознь между язычеством и христианством. Ведь солнце, луна, земля, огонь и вся природа, которых почитают и обоготворяют язычники, представляют общее и универсальное благо для всех последователей разных религий. Надо сказать, что толерантность, либеральность и любовь северных народов проистекают не только из природы, как это полагает Л. Фейербах, но и из общины, из единого характера их общественного производства.

По мнению Л. Фейербаха, «древние евреи считали себя за избранный богом, т.е. за единственно правомочный, народ, верили, что мир создан только ради них, евреев», «христиане... имели ту же веру, как евреи; они так же верили и говорили, что мир создан ради них, христиан, и ради них сохраняется...» [21]. Вера христиан и иудаистов партийна, беспощадна и полностью исключает толерантность. Их бог ревнив и высокомерен. Если обычный человек признает, что он не единственный, что кроме него существуют другие люди, то в религии всё, что не бог, а именно: солнце, луна, молния и гром суть ничто. Следовательно, как верующий в бога, Я существую один, а существование других людей в качестве идолопоклон-

ников исключается. Все то, что не есть Я, есть ничто. Другие люди имеют право на жизнь только в том случае, если они будут думать и верить, как Я, как христианин, т.е. если они будут крещены и перейдут в христианство. В противном случае они обречены на гибель, подлежат уничтожению. Язычество в отличие от христианства способствует развитию мирного, человеческого и культурного отношения между людьми и религиями.

4.2. Язычество за уважительный и культурный диалог религий

Язычество и христианство относятся к духовной культуре человечества. Они по существу являются двумя противоположными видами религии, между которыми в истории шла непримиримая борьба. Последняя, например, выразилась в том, что в Римской империи в IV – VI вв. язычество стало предметом гонений. Император Феодосий Великий в 391 г. приказал закрыть языческие храмы (капища) во всей империи. Своё нерасположение к язычникам проявил еще тем, что одному префекту дал распоряжение всюду запрещать языческий культ.

Как известно, диалог является основным средством развития драматического действия борющихся сил и сторон. Чувства, мысли, характеры и поступки действующих лиц раскрываются в конфликте, в диалоге и, следовательно, в диалектике. В борьбе с язычеством христианство выступает как нечто партийное и догматическое. Это обстоятельство оборачивается для язычества трагедией, гибелью его сторонников и борцов. Бернард Клервоский откровенно писал: «Лучше было бы пресечь еретиков мечом власти, чем допустить распространение их заблуждений», «христианин гордится убийством язычника, поскольку этим он прославляет Христа» [22]. Точно так же указы царского правительства предусматривали смертную казнь язычников, которые не подчинялись царской воле Петра I окрестить и христианизировать все коренное население Сибири. Указы предусматривали уничтожение в Сибири культовых мест языче-

ства. В Якутии отбирали у шаманов предметы культа, предавали покаянию и преследовали. При царизме политика и религия не были отделены друг от друга. Христианство было государственной религией, а государство – христианским. В результате не только чиновники, но и миссионеры посылались для насильственного обращения шаманистов в христиан.

Христианство, как упоминалось выше, имело строго партийное содержание. Все нехристианское, языческое есть антихристианское. Между язычеством и христианством существует существенное различие. Бог один, вера одна и действует закон тождества: $A = A$. Христианство есть христианство. Оно тождественно самому себе. Так что противоречие исключается: «А не может в одно и то же время быть А и не А». Так что недопустимо совместное существование христианского с нечто языческим как с нечто нехристианским (антихристианским).

По закону исключенного третьего: «Из двух противоположных предикатов лишь один может быть приписан некоторому нечто и не может быть ничего третьего». Религия должна быть только христианской и исключается противоположная языческая религия. В этом состоит христианская партийность, ригоризм и догматизм. Если развить вышеупомянутое, то догматизм обычно определяется так, что из двух определений или предикатов утверждается одно, а другое исключается, отрицается и уничтожается. Христианский ригоризм, как догматизм и партийный принцип, представляет собой твердость и строгость в своих определениях, в непреклонном, прямолинейном отношении к иноверию, к языческой религии.

Всё иудейское, мусульманское, языческое и атеистическое суть нехристианское, антихристианское, которое проклинается и осуждается на уничтожение. Закономерностью для него является не жизнь и бытие, а смерть и ничто. Кто за Яхве и Аллаха, кто язычник, тот против Христа. Мы уже познакомились с тем, что обреченными на ничто людьми был еврейский народ с его религиозной верой – иудаизмом. Иудаисты погибали жертвой инквизиции – жестокой и бесчеловечной судебной-полицейской организации христиан-

ства. Христиане были участниками кровавых крестовых походов против мусульман.

Фанатизм, нетерпимость и не толерантность христиан безграничны. Христиане не только антисемиты и крестоносцы, но, как знаем, и устроители Варфоломеевской ночи, в которой католики «с бесконечной жестокостью купались в крови» своих собственных ближних и братьев – протестантов. Так что христианская заповедь: «Любите всех людей, даже врагов ваших» является ложной и лицемерной. Скорее всего, ненависть и вражда представляют суть христианской веры. Вышесказанное подтверждает, что вера неизбежно переходит в ненависть, осуждение и уничтожение не только врагов, но и ближних, друзей и братьев. Кроме всего прочего, в арсенале «темного царства» христианства имеются такие средства психологической войны или такие категории души, как склонность и наглость обидеть, очернить, унижить, оскорбить и помучить.

Иван П., который просил редакцию газеты «Московский комсомолец» не упоминать свою фамилию, пишет: «Плохо и то, что мэр Якутска Михальчук женат на иностранной католичке Жанетте. Ведь эта конфессия всегда враждовала с православием ... Не потому ли Михальчук ведет такую ошибочную политику, что он сам одурманен чужой идеологией? Чтобы получить популярность у правящего улусного элемента (экстрасенсов, целителей, интеллигенции с разного рода бзигами), он строит для них на наши с вами бюджетные средства (то есть не из добровольных пожертвований прихожан-язычников) шаманские оккультные центры, упоминание о которых в истории якутского народа мы не находим. С этим бесхозяйственным безобразием надо разобраться – со всех виновных взыскательно спросить и наказать кого надо» [23].

Поистине, как говорил Фейербах, «христиане настолько эгоистичны, тщеславны и самодовольны, что видят сучки в вере нехристианских народов и не замечают бревен в своей собственной вере» [24]. Кстати, в той же газете «Московский комсомолец» и Т. Цыбденова стремится обидеть мэра Якутска и иронизирует: «Сколько на него (оккультному центру – авт.) ушло бюджетных денег извест-

но лишь Илье Михальчуку, о котором небезызвестная Ульяна Винокурова написала в газете, что за это он заслуживает прижизненный памятник». Думается, что, если сравнить финансовые расходы на дом Арчы, который стоит на улице Крупской, с «сучком», то «бревном» будут расходы денег на христианские храмы. В частности, администрация города Якутска от 12.10.1995 г. №74р за подписью С.С. Борисова распорядилась: «Выделить в IV квартале 1995 года из городского бюджета... Якутской православной епархии 500 млн руб. на ремонт Никольской церкви». Аналогичное распоряжение на крупную сумму отдано правительством Республики Саха (Якутия) от 3 апреля 1995 г. №372-р за подписью А. Томтосова.

Так что высказывание, что православные храмы ремонтируются и восстанавливаются за счет добровольных пожертвований прихожан-христиан, является субъективным и ложным. Оно суть утверждение по принципу или формуле: «Говорите и поступайте уверенно, напористо, агрессивно, обескураживающе и ошеломляюще».

Целью принятия не раз упомянутого федерального закона от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и религиозных объединениях» является достижение взаимного понимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания. Выполнению этой цели не способствует утверждение: «Плохо и то, что мэр Якутска Михальчук женат на иностранной католичке Жанетте». По закону требуется уважать христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии.

Должны воспитываться и учиться, взаимному пониманию, терпимости, уважению и любви православные христиане по отношению к католикам и протестантам. Между этими тремя направлениями христианства должна существовать христианская, братская любовь. Не к лицу самим христиан чернить, унижать, обижать и оскорблять друг друга, создавая «темное царство» внутри христианского мира. Атрибутами «светлого царства» в этом мире являются упомянутые категории духовности: взаимное понимание, терпимость, уважение, дружба и любовь.

Фейербах писал: «Бог любит всех людей, но лишь тогда и потому, что они христиане или, по крайней мере, желают и могут быть

ими. Быть христианином – значить пользоваться божественной любовью; а не быть христианином – значит быть предметом ненависти и гнева Божия. Следовательно, христианин может любить только христианина или того, кто может сделаться христианином; он может любить то, что освящает, благословляет вера» [25].

Как известно, христианство боролось с дикой и варварской жестокостью с ересью, с единоверцами, но с отклоняющимися от господствующего учения взглядами или, иными словами, с диссидентами. Католическая церковь для ликвидации ереси создала инквизицию. К числу еретиков среди прочих были отнесены католики и протестанты. А в Руси господствовало православие и к «поганым еретикам» причислялись европейцы: католики и протестанты. Один из авторов в «Атеистическом словаре» замечает: «Для борьбы с ересью в начале 13 в. в католической церкви была создана епископская, а затем и централизованная папская инквизиция. Не менее жестокие средства борьбы с ересью применялись и православной церковью» [26].

Ясно, что если христиане были дикими, варварскими и жестокими по отношению к единоверцам, то они становились совершенно безумными, «скотски дико свирепыми» и безмерно жестокими по отношению к иноверцам, тем более к беззащитному сибиряку-язычнику. Как и на Западе колониальная система в России была христианской. К инородцам из арсенала «темного царства» «как будто все разрешалось»: унижение, обида, оскорбление и преступление.

Суть письма Владыки Германа мэру Якутска Михальчуку, – пишет Е. Карпов, – «сводилось к тому, чтобы не допустить появления дома Арчы. Мол, это сооружение будет натуральным “языческим капищем”, проповедующим безбожие». Действительно, язычество, как естествознание, есть поклонение нечто природному. А это и есть безбожие, отсутствие мистики. Так что крещеные якуты по своему недоумию обозвали язычество мистикой. На деле мистикой является христианство, ибо в нем божество есть духовное, полностью оторванное от природного.

Е. Карпов далее пишет: «Цель духовного центра Арчы носит скорее научно-познавательный характер, чем культовый, – говорит Валентина Бочонина. – Здесь дети могут приобщиться к культуре предков, взрослые – пообщаться, развлечься, получить психологическую поддержку. Оппозиция уверена, что дом Арчы не должен превращаться в очередной балаган для проведения развлекательных мероприятий. Что это не дом культуры и отдыха, а оплот веры якутской и философии народной. Один из самых активных оппозиционеров Лазарь Афанасьев – Тэрис говорит: при псевдодуховности и сэргэ становится просто врытым столбом, и обряды – театральными действиями. В доме Арчы все должно отталкиваться от духовной карты... А сейчас это простой дом культуры» [27].

Представляется, что лишь в христианских храмах «все должно отталкиваться от духовной карты». Например, в христианской религии девство есть отрицание половой любви, следовательно, отрицание человеческой природы. Оно, таким образом, не основано на природе, ибо «отталкивается от духовной карты» и является «чрезвычайной, самой трансцендентной, фантастической добродетелью, добродетелью супранатуралистической веры» (Фейербах).

Языческий храм не трансцендентен и не супранатуралистичен. В нем присутствует смысл языческой веры, поклонение природе и обществу, а не фантастическому богу. Отсюда становится логичным и понятным, что в центре Арчы проводятся научно-познавательные и культурные мероприятия, в которых содержится не трансцендентная, т.е. ложная, мистическая, а истинная, посюсторонняя духовность и добродетель.

Православные христиане, стремясь в очередной раз показать свое превосходство и преимущество, язычество заклеили прозвищем оккультизм. Но есть авторы, которые обнаруживают в оккультизме существенно положительные стороны, вытекающие из сущности язычества вообще. В частности Д.Н. Ляликов подчеркивает: «В эпоху возрождения оккультизм способствовал разрушению средневековой картины мира, преодолению умозрительной схола-

стики (то есть христианства – Г.Р.) и подготовке развития экспериментального естествознания» [28].

В целом получилось, что диалог различных вероисповеданий, в том числе язычества и христианства, оказался диалектичным. Между разными религиями существуют два вида противоречий: антагонистический и неантагонистический. Антагонистические противоречия разрешаются путем непримиримой борьбы, религиозными войнами, в которых христиане выступали как антисемиты и крестоносцы и как устроители кровавой резни между собой. Неантагонистические противоречия религий разрешаются мирным путем. Федеральный закон РФ «О свободе совести и о религиозных объединениях» считает важным содействовать достижению взаимного понимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания. Диалоги или разговоры православных верующих и язычников должны быть умными, толерантными, уважительными и культурными. В этом долженствовании, как было сказано в предыдущем параграфе, состоит сущность языческого мировоззрения коренных народов Якутии. Природа язычников гораздо толерантнее, либеральнее и универсальнее, чем бог христиан. Ведь солнце – предмет почитания и поклонения народов Якутии – светит над головами не только язычников, но и христиан и иудеев. Терпимость, уважение, дружба и любовь, объединяющие всех людей, исходит не из понятия бога или духа, а из понятия природы и, можно к этому добавить, из понятия общины, общественного характера производства и собственности в традиционном общежитии людей.

4.3. Органическая связь древнего язычества и современной культуры

В водной части федерального закона о свободе совести провозглашен тезис: «уважение христианству, исламу, буддизму, иудаизму и другим религиям, составляющим неотъемлемую часть истории

ческого наследия народов России». В этом тезисе обозначено толерантное и культурное отношение между разными религиями. Религии в нем лишь перечислены друг за другом по закону разности. Однако в отличие от законодательства философия идет дальше закона разности и применяет закон противоположности. Исходя из последнего она в различении религий обнаруживает существование противоположных религий: язычество и христианство. Последнее, как и ислам, буддизм и иудаизм, относится к одному роду религий. Так, что их можно противопоставить язычеству, как другому ряду в сфере религий.

Как известно, противоположности неразрывны, нельзя их отрывать друг от друга. Так что вышеуказанный тезис имеет один существенный недостаток, который заключается в том, что в перечислении видов религий исключена языческая религия. В действительности, последняя необходимо должна присутствовать в этом перечислении наряду с христианством. Поэтому было бы юридически справедливым и теоретически истинным переиначить формулу «уважая христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России» в другую формулу: «уважая христианство, ислам, буддизм, иудаизм, с одной стороны, и язычество, с другой, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России».

Понятно, что такая формулировка выбивает почву из-под ног тех, кто подвергает дискриминации и преследованию язычество, которое представляет собой религиозно-духовный мир народов Севера. Она, таким образом, отражает и оправдывает внутренний смысл того, что закон о свободе совести в действительности является принципом не дискриминации и представляет собой один из аспектов принципа равноправия. Лица, относящиеся к коренным народам, и сами коренные народы свободны и равны со всеми другими людьми и народами в защите от религиозной и духовной дискриминации и от провокации и подстрекательства к такой дискриминации. Ибо люди и народы равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона.

Было отмечено, что указы царского правительства России предназначали смертную казнь ослушникам царской воли, повелевавшей обращать язычников в христиан и превращать православие в господствующую религию на Севере России. Ясно, что эти указы и их исполнение подпадают под определение геноцида как убийства членов этнической, расовой или религиозной группы. Уничтожение культовых мест традиционной языческой веры предписывалось указами 1706, 1710 и 1714 годов. Миссионеры сокрушали языческих идолов в качестве доказательства превосходства христианского бога. Преследовали шаманов, предавали их покаянию, стригли волосы и отнимали у них бубен. Православный русский человек того времени относился и к европейскому христианину, тем более и к сибиряку-язычнику как к «поганым еретикам», «безбожникам» и «идолопоклонникам». Он по отношению к язычнику как отмечалось, разрешал себе все: произвол, беззаконие, насилие, рабство и другие атрибуты инквизиции.

Указав на преследовании шаманов и на то, что «овеянные ореолом стойкости, уходя в недоступные места, шаманы пользовались еще большей популярностью среди “православных” туземцев Якутского края», Г.А. Попов писал: «Крещенные туземцы только формально считались христианами... А на самом деле оставались такими же, какими были до крещения. До самого последнего времени процветает в крае шаманизм. Якут и др. туземец Якутского края остался в обстановке тех же языческих представлений, каким был он до принятия православия. Свои духи, божества и обрядности ими чтятся и выполняются также свято, как и христианские. Шаманство даже проникло и в русскую среду... борьба духовенства с шаманизмом была безрезультатная» [29].

Ныне уже православные якуты ведут непримиримую борьбу с шаманизмом, с язычеством будучи уверенными в получении в XXI веке победного результата и в установлении господства православного христианства на Севере России. Более того, они подчеркивают, что Север всей земли останется христианским. Притом данную свою политику проводят в блоке с православным духовенством. Так

что, по их мнению, духовный мир народов Арктики будет определяться не язычеством, а христианством.

Православные якуты исходят из тезиса: «Открывающийся XXI век должен стать для народов Арктики веком торжества гармонии Духа, Человека и Природы – по сути дела, временем возвращения в родное духовное пространство». При этом они под «родным духовным пространством» понимают не шаманство, не язычество, а православное христианство. Даже утверждают, что якуты были издревле христианами. В действительности, якуты в принципе являлись язычниками. Тем более, язычниками были эвены, эвенки, юкагиры, долганы и другие народы Арктики. У них «родное духовное пространство» не существует без «родного природного пространства».

Христианизированные «иностранцы», чтобы разрешить противоречие язычества и христианства путем упразднения первого, подвергают его уничтожающей критике. Они являются страстными и горячими сторонниками православного христианства, поклоняются перед христианством, как перед всемирной религией и выступают за его возрождение и расцвет. При этом, нарушая принцип толерантности и демократического равенства всех вероисповеданий и проводя политику дискриминации, они унижают и оскорбляют религиозное чувство и достоинство язычников. Как выше упомянуто, возрождение языческой религии характеризуют неприятными эпитетами и определяют его возвращением вглубь веков, к пещерам каменного века, деградацией, мистицизмом, идолопоклонством и угаром от «национального самосознания».

Если возврат к древним векам считать по сравнению с современностью деградацией, то деградацией является и возврат к средним векам – векам господства христианской религии. Подлинным мистицизмом является христианство, ибо оно отрывает духовное от природного, тогда как язычество предполагает единство духовного и природного. Имея в виду мистический характер духовного мира христианства, Гегель писал: «Грубый рассудок не уничтожил себя и свою конечность, а сообщил в своем применении конечный характер небу, идее, интеллектуальному, мистическому, умозрительному

миру» [30]. В идеальном, духовном, христианском, т.е. в мистическом мире происходят разного рода чудеса: вода превращается в вино, пыль – во вшей или зерна, река – в кровь, солнце движется по произвольной траектории или вообще останавливается, мертвый воскрешается и дева рождает ребенка. С точки зрения конечного рассудка, исключающего мистицизм, вещи сами по себе закончены, остаются самими собою, разными: вода есть вода, вино есть вино, железо есть железо и дерево есть дерево. Поэтому Фейербах уличил христианскую мистику в нарушении закона элементарной рассудочной логики: «А не может быть одновременно А и не А». Об этом он говорил: «В таинственном, роковом акте чуда, в акте, делающем чудо чудом, вода становится вином внезапно, а это равносильно заявлению: железо есть дерево или деревянное железо» [31].

Пренебрежительно обращаясь с язычеством и признавая его угаром от «национального самосознания», унижают и третируют его как идолопоклонство. При этом «православные» якуты понимают термин «идолопоклонство» как презрительный ярлык и думают, что тем самым они окончательно выставили язычество к позорному столбу.

Тем не менее, исследователи имеют о язычестве и идолопоклонстве научные и возвышенные представления. Фейербах сравнивает язычество с естествознанием, ибо в обоих люди одинаково восхищаются и преклоняются перед природой. Он подчеркивал: «Язычники были идолопоклонники, т.е. они созерцали природу; они поступали так же, как поступают теперь глубоко – христианские народы, делающие природу предметом своего восхищения, своего неустанного исследования... Естествоиспытатель тоже преклоняется перед природой, когда он с опасностью для жизни извлекает из недр земли какой-нибудь лишай, какое-нибудь насекомое или камень, чтобы восславить их светом созерцания и увековечить в научной памяти человечества. Изучение природы есть служение природе, идолопоклонство» [32].

Естествознание и вообще культура предполагает или порождает языческое понимание и верование. Науки и искусства современных

народов являются созданиями не христианства, а язычества. Они создали их не как христиане, а как язычники. Фейербах об этом писал: «Изучение природы, вообще культуры, предполагает или, по крайней мере, порождает языческое, т.е. светское, анти-богословское, анти-супранатуралистическое понимание и верование... Вообще надо различать между тем, что христиане говорили и делали как христиане, и тем, что они говорили и делали как язычники, как естественные люди, т.е. в согласии или в противоречии со своей верой» [33].

Философия, наука и искусство древности были языческими. В средневековье при господстве христианства они исчезли, так что для прогрессивного развития человечества христианское средневековье не оставило ничего. Так что на таком пустом месте не могло быть обосновано новое развитие философии, науки и искусства. Поэтому для истории понадобилась «эпоха Возрождения» или Ренессанс. Были восстановлены языческая культура, языческие философия, наука и искусство древности. Отсюда современная культура, современная философия, наука и искусство имеют реалистическое, языческое, материалистическое, светское, т.е. анти-православное содержание или природу.

В самом конце можно сказать, что современная культура не черпывается цивилизацией. Последняя со временем уходит в прошлое, а современная культура выступает как новое, на высоком уровне воспроизводство духовной культуры народов традиционного общества.

4.4. Современная цивилизация и духовная культура коренных народов Якутии

О культуре и цивилизации в научной литературе имеются разнообразные мнения и концептуальные взгляды. Наиболее важным и существенным из последних является следующее. В философском смысле культуру понимают как субстанцию, а цивилизацию считают модусом или акциденцией. Это означает, что цивилизация пред-

ставляет собой преходящее свойство или явление в общественной жизни людей. Она, будучи модусом, имеет конечное существование в истории человека и человечества. Вначале она отсутствует, позже возникает, существует и расцветает и, в конечном счете, стареет и уходит в небытие. А культура, как субстанция, ведет бесконечное существование, не имеет начала и конца. Иными словами, она сопровождает историю общества от начала до конца, как ее первооснова, как ее постоянное свойство и неотъемлемый атрибут.

Вопрос о том, что цивилизация имеет свое начало и завершение, был исследован в XIX в., в частности, выдающимся американским этнографом, археологом и историком первобытного общества Л. Морганом в его книге «Древнее общество». Он изучал преимущественно традиционное общество с его двумя главными эпохами – дикостью и варварством, а также его переход в цивилизацию, как в третью главную эпоху.

Он о наступлении цивилизации и ее завершении писал: «С наступлением цивилизации рост богатства стал столь огромным, его формы такими разнообразными, его применение таким обширным, а управление им в интересах собственников таким умелым, что это богатство *сделалось неодолимой силой*, противостоящей народу. *Человеческий ум стоит в замешательстве и смятении перед своим собственным творением*, Но все же настанет время, когда человеческий разум окрепнет для господства над богатством, когда он установит как отношение государства к собственности, которую оно охраняет, так и границы прав собственников. Интересы общества безусловно выше интересов отдельных лиц, и между ними следует создать справедливые и гармонические отношения. Одна лишь погоня за богатством не есть конечное назначение человечества, если только прогресс останется законом для будущего, каким он был для прошлого. Время, прошедшее с наступления цивилизации, – это ничтожная доля времени, прожитого человечеством, ничтожная доля времени, которое ему еще предстоит прожить. Завершение исторического поприща, единственной конечной целью которого является богатство, угрожает нам гибелью общества, ибо такое поприще

содержит элементы своего собственного уничтожения» (курсив Моргана) [34].

Следует сказать, что упомянутая Морганом «ничтожная доля времени», несмотря на свою ничтожность и мимолетность, не исчезла, а продолжает существовать. Раз так, то цивилизация продолжает жить и процветать. Тем не менее, завершение целей, задач и дела цивилизации, ее расцвет, как ни парадоксально, по закону диалектики, т.е. по закону противоречия «содержит элементы своего собственного уничтожения», «угрожает нам гибелью общества». Конечно, не общество погибает, а уничтожается цивилизация, иными словами, богатство, противопоставленное обществу, бедным и нищим массам, составляющим громадное большинство населения той или иной отдельно взятой цивилизованной страны в современной истории. Так что богатство, в конечном счете, оказывается не такой уж неодолимой силой. С ним счеты сводят бедные народные массы и приступают к строительству «следующей, высшей ступени общества» (Морган).

Морган по этому поводу подчеркивал: «Демократия в управлении, братство внутри общества, равенство прав, всеобщее образование осветят следующую, высшую ступень общества, к которой непрерывно стремятся опыт, разум и наука. *Оно будет возрождением – но в высшей форме – свободы, равенства и братства древних родов*» (курсив Моргана) [35].

Необходимо отметить, что по отношению к коренным народам Якутии такую моральную, духовную культуру, заключенную в словах «свобода, равенство и братство древних родов» ярко, искренно и с удивлением выразил исследователь XIX в. З. Венгловский: «Вместе с нами в путь через тундру до Булуна отправились якуты с семьями... Их доброе расположение помогло преодолеть трудности путешествия по тундре, где в эту пору обычно господствуют метели и бураны... Необходимо указать и другое – какое-то инстинктивное стремление к порядку, миру, согласию, стремление помочь товарищу в достижении успеха... Все время перед нашими глазами были... благородные поступки этих простых, искренних и честных людей.

В пути они как бы составляли одну большую семью, в которой и мы не чувствовали себя чужими.

Не раз, видя бескорыстную доброжелательность наших товарищей, мы задавали себе вопрос, откуда у них эта любовь к ближнему, этот альтруизм, такой искренний и широкий, не стесненный ни религиозным, ни национальным, ни социальным фанатизмом. Они любят всех людей, всегда спешат помочь и рады каждого видеть счастливым» [36].

Из сказанного видно, что не только передвижение по тундре, но вся жизнедеятельность коренных северных жителей в традиционном обществе протекает стараниями и усилиями многих семей, действующих сообща, как «одна большая семья», как коммунистическая семейная община. Эвены, эвенки, юкагиры, чукчи, долганы и якуты из этой первобытной общины, как и в родовых обществах ирокезов, греков, римлян, кельтов и германцев «всегда спешат помочь» друг другу. Взаимопомощь, т.е. «стремление помочь товарищу в достижении успеха» является характерным атрибутом их жизни и трудовой деятельности.

Известно, что многие народы имеют легенду о «золотом веке». Как сказка становится былью, исследователи севера в реальности встретились и своими глазами увидели людей, живущих и трудящихся в эпоху «золотого века». Как и подобает «золотому веку», северные народы вели счастливую жизнь и поэтому были «рады каждого видеть счастливым». А также они отличались душевной чистотой и моральным совершенством. Это мы увидели из того, что путешественники подчеркивали «благородные поступки этих простых, искренних и честных людей», их «инстинктивное стремление к порядку, миру, согласию» и их альтруизм, любовь к ближнему. Они, путешественники, говорили, что «они любят всех людей».

В частности, К.М. Дитмар в XIX в. путешествовал по Камчатке с целью проведения географических и геологических исследований. Тем не менее, наряду с этими исследованиями он, основываясь на личных наблюдениях и устных сообщениях местных жителей, осуществляет этнографические изучения. Можно сказать, что он чис-

тоту и неиспорченность нравов и обычаев коряков и чукчей в этическом отношении принимает как идеал, как высшее совершенство, выводя из этого представление об их счастливой жизни [37].

Выходит, что коренные жители Якутии были в высшей степени добродетельными. Ибо добро присутствовало в их душе как первоначальное, врожденное и традиционное свойство, как их естественный характер. Они отличались наивностью и невинностью и поэтому их моральность удивляет искренностью и честностью и выделяется большей жизненностью и интенсивностью по сравнению с мертвенностью, схоластичностью и пустой назидательностью моральности цивилизованных людей. Их высокий духовный уровень и нравственная чистота не успели деградировать, испортиться и развиться низменными побуждениями, мыслями и целями, связанными с деньгами, богатством и властью. Их духовный мир еще не стал безнравственным, грязным и бескультурным. Они вообще не чувствовали и не знали зла, которое появилось в обществе людей вместе с его разделением на противоположные классы богатых и бедных, угнетателей и угнетенных, т.е. в цивилизованном обществе, в котором мы имеем по крайней мере два основных зла: корыстолюбие и властолюбие богатых и их служителей-бюрократов. Так что северные люди, как члены бесклассового коммунистического общества, не могли знать всех видов зла и, следовательно, зла вообще, которое появилось после традиционного общества в цивилизованном обществе, как ее неотъемлемое свойство. Именно поэтому их считали наивными и невинными.

Якутский историк В.Н. Иванов, исследуя революционно-демократическую мысль о народах северо-востока Азии, замечает, что А.А. Бестужев-Марлинский, говоря о моральности чукчей, тунгусов, юкагиров и других, подчеркивал такие их качества как скромность, гостеприимство, отвага, честность, постоянная готовность помочь другим в несчастье и разделить последний кусок с путником. Он пишет: «Он (Бестужев-Марлинский – Г.Р.) отмечал исключительное их трудолюбие в крайне суровых условиях края, считая

каждодневные усилия в борьбе за существование настоящим подвигом» [38].

Из работ американского буржуазного историка Х. Банкрофта мы осведомлены о том, что племена краснокожих вели первобытное коммунистическое общее домашнее хозяйство. Например, племя хайда на островах Королевы Шарлотты в семейной общине занималось общим домашним хозяйством, охватывающим под одной кровлей до 700 человек. У нутка под одной кровлей жили и трудились целые племена

И русские ученые находили у северных народов семейные общины с общим коммунистическим хозяйством. В частности, Г.А. Сарычев сообщает, что береговые чукчи в землянках жили вместе от 3 до 8-10 семей. Оленные чукчи в ярангах проживали по несколько семей, соединенных кровным родством.

Известно, что жизнедеятельность чукчей протекала в вольности, иначе говоря, они дали достойный отпор внешнему вмешательству и не подчинились чужому управлению и отстаивали право на самоуправление, т.е. на свободу, независимость и самостоятельность. Поражало путешественников то, что как они могли удержать свою свободу, живя и действуя в родоплеменном строе, а не в цивилизованном обществе с его государственным образованием, с наличием публичной власти, силовых структур, т.е. особых вооруженных отрядов людей, тюрем и прочих учреждений. В чукотском обществе власть была духовной, осуществлялась словесно, мирным способом без насильственных, нечеловеческих, короче говоря, государственных мер.

О чукотском ведении и управлении общественными делами Г.А. Сарычев писал: «Особенных властей и начальников не имеют, а почитают в каждом таковом обществе одного, который... может только преподавать советы и воздерживать от дерзостей и худых поступков одними словами, но никого не имеет власть наказывать. При таком безначалии удивительно, что сей народ по сие время мог удержать свою вольность» [39].

Вспомним, что и в ирокезском роде Америки обнаруживается безначалие, отсутствие силовых структур: армии, войск внутренних

дел, судебных процессов, судей, прокуроров, милиции и тюрем. Власть старейшины внутри рода была отеческая, чисто духовного, морального порядка, без чудовищных, жестоких и звериных физических средств принуждения – без этих гнусностей цивилизованного общества.

Ф. Энгельс с неподдельным восхищением писал: «И что за чудесная организация этот родовой строй во всей его наивности и простоте! Без солдат, жандармов и полицейских, без дворян, королей, наместников, префектов и полицейских или судей, без тюрем, без судебных процессов – все идет своим установленным порядком. Всякие споры и распри разрешаются сообща теми, кого они касаются, – родом или племенем, или отдельными родами между собой» [40].

Как и коренные народы Якутии, жители Камчатской земли, в частности, ительмены по описанию тогдашних исследователей жили и работали в условиях первичной общественной формации – первобытного коммунизма, а не в условиях вторичной общественной формации – цивилизованного общества частной собственности. Было установлено, что община ительменов была древней общиной с ее общественным производством и общественной собственностью.

Общественное производство означает экономическое равенство, а общественная собственность – социальное равенство. Из этого выводится равенство людей в самоуправлении общиной. Члены рода не делились на властных и подвластных, на тех, которые распоряжаются и на тех, которые подчиняются. Они были люди равные и потому свободные. Никто никого не наказывал, не лишал свободы другого, как это осуществляет в цивилизованном обществе государство, состоящее не только из вооруженных людей, но и тюрем и других принудительных учреждений.

Конечно, необычайной высотой врожденной, традиционной моральности коренных народов Севера, передающейся из поколения в поколение, по сравнению с нравственной деградацией цивилизованного общества мы обязаны их дикому состоянию, родовому строю их жизни.

С.П. Крашенинников писал: «До покорения российскому владению дикой оной народ жил в совершенной вольности, не имел никаких над собой начальников, не подвержен был никаким законам, и дани никому не плачивал. Старые и удалые люди имели в каждом острожке преимущество, которое однако же только в том состояло, что их советы предпочитались, впрочем было между ими равенство, никто никем повелевать не мог и никто сам собою не смел другого наказывать» [41].

В архаической коммунистической общине коренного населения Севера действовало единство интересов, а не их антагонизм, который является характерной чертой мира цивилизованных людей. Это единство интересов проистекает из общности имущества, являющегося продуктом их коллективного труда. Все это воспроизводится в душах северных людей как высокая нравственность, как альтруизм, т.е. как бескорыстная забота о благе других. Это выражается в таких общественных институтах, как нимат и берси. Что касается нимата, то он выступает как следствие совместной охоты, скажем, на лося и медведя, и совместного проживания на стойбище. Мясо убитого зверя – общая, а не частная собственность. И оно делится поровну между всеми урасами.

Обычай нимат и берси изучали. М.К. Расцветаев, Д. Хитров, Н.Г. Чернышевский, а также Г.М. Василевич. В частности, Хитров описывал нимат в том же смысле, что у жиганских эвенков и якутов охотник, убивший зверя, делит свою добычу между членами нескольких семейств, кочевавших вместе, а сам охотник не получал ничего.

Отсюда невольно проистекает для нас мораль: у северных людей обнаруживается полное отсутствие корысти, материального стимула к приобретению и к личному обогащению, что характерно для граждан цивилизованных стран и что, соответственно, не присуще членам первобытного коммунистического общества. Словом, первоначальные люди находились на уровне высокой нравственности и все еще его сохраняли, пока не пришла пора цивилизации – вторичной формы общества с ее моральным грехопадением, которое наря-

ду с другими бесчисленными пороками души выразилось и продолжает выражаться в эгоизме, т.е. в корыстолюбии, в жадности к деньгам. Последнее мы наблюдаем в создании стабилизационного фонда и золотовалютного резерва в России – этих черт и атрибутов всякого ростовщического, финансового капитала.

Кстати говоря, земную, человеческую нравственную духовность и сочетание личного и общественного интересов у коренных народов Якутии, которые являются отражениями вполне материальных причин: коллективности труда и коллективности имущества, Д. Хитров объясняет небесной, божественной духовностью, вмешательством провидения и понятием «о промысле божьем, ... стрелок убивает добычу не собственным искусством, а по соизволению божию и не для себя, а для всех вообще» [42]. Это и есть религиозно-идеалистическое объяснение бескорыстия – высокой нравственной культуры человека, его готовности жертвовать для других своими личными интересами. А оно на самом деле материалистически объясняется просто и ясно: кооперативностью материального производства и общностью имущества – совокупности материальных вещей. Так что для понимания бескорыстия как духовного свойства человека для науки вполне достаточно представление о материи, а представление о духе или о боге оказывается мнимым и потому излишним и ложным.

Дело совершенно не в боге, не в единой духовности, витающей в небесах и распоряжающейся в событиях, происходящих в окружающей человека действительности: в природе и в обществе. В религиозном воображении бог управляет охотой в первобытном коммунистическом обществе. По этому ложному воззрению бог как единый, всеобщий дух вселяется в душу охотника, возвышая ее до высокого нравственного уровня путем очищения ее от чувств, влечений и страсти к личному, частному обогащению, как это бывает в цивилизованном обществе.

В действительности единство мира, в частности, единство людей в обществе, их общественный, а не частный характер, их всеобщий, а не единичный смысл состоит не в их идеальности, а в их матери-

альности, не в идее или божестве, а в материи, иначе выражаясь, в материальном производстве и распределении продуктов, в материальных условиях жизни людей и народов.

Относительно юкагирского народа В.И. Иохельсон писал: «Охотники убивают оленя не для себя или своей семьи, а для всей группы, которая сопровождает их во время охотничьего сезона. По-прежнему соблюдаются те же правила пропорционального распределения мяса, когда сам охотник не принимает в этом участия. Принцип равного распределения добычи на всех членов рода преобладает над принципом распределения по труду, правом охотника на продукт своей охоты. Он трудится изо всех сил, испытывает порой ужасные лишения ради людей своей “крови” (лэпуль), но не для себя лично. Этот обычай есть следствие материальных условий, в которых продолжают существовать юкагиры. Если бы умелому охотнику разрешили охотиться только для своей семьи, то остальные его сородичи погибли бы от голода, отсюда и охотничье честолюбие. Я видел охотников, которые после неудачной охоты, переспав ночь, утром снова шли на поиски “мяса”. “Как я могу быть спокойным, когда у людей нет пищи, – сказал мне один охотник, – я не могу спать, мое сердце не знает покоя”» [43].

У юкагиров моральность была жизненной и честной. И они строго соблюдали и выполняли свою обязанность по отношению к другим членам рода. Их первым долгом являлась помощь своим сородичам по принципу нимата.

В. Иохельсон констатировал: «Охотник рода, а также другие, добывающие пищу для членов рода, всего лишь выполняют свой долг по отношению к своим сородичам, и потому они не имеют прав на охотничью добычу. “Охотник убивает, другие люди пользуются” – говорят юкагиры. Мясо убитых животных распределяют женщины под руководством жены старейшины. Семья охотника получает свою долю на общих правах согласно количеству членов семьи» [44].

Вышеупомянутый автор М.К. Расцветаев в 20-30-е годы XX в. более подробно исследовал социально-экономический строй тунгусов мямьяльского рода и якутов. Им описано два общественных ин-

ститута – нимат и берси, которые характеризуют наиболее древний, архаический период общественного строя тунгусов и которые он считает остатками первобытного коммунизма.

По закону развития нимат, обычай общины древнего типа, постепенно заменяется берси, обычаем общины нового типа, являющегося переходной формой от традиционного общества к цивилизованному обществу – к обществу экономического и социального различия и неравенства. Другими словами, община нового типа – переходная форма от первичной общественной формации с ее коммунистической собственностью к вторичной общественной формации с ее частной или капиталистической собственностью.

В общине древнего типа, представляющей монистическую форму первичной общественно-экономической формации, эвенки, эвены, юкагиры и другие занимались древними отраслями хозяйства – охотой, рыболовством и оленеводством. А в общине нового типа, представляющей дуалистическую форму первичной общественно-экономической формации, появляются новые отрасли производства: извоз и торговля. Последние в едином, монистическом архаическом коммунистическом обществе ввели разлагающий элемент – частную собственность. В результате данное общество становится раздвоенным, дуалистическим. В его недрах возникают состоятельные, крепкие хозяйства.

Эти хозяйства составляли зародыш капиталистического, цивилизованного общества, а не его развитую форму. Поэтому состоятельные, благополучные родичи в душе все еще сохраняют нравственность, альтруизм и заботу о благе обессилевших, призреваемых семей, предоставляя им приют и пропитание. Лишь в цивилизованном обществе богатые люди равнодушны к нуждам своих сограждан, эгоистичны и, следовательно, их душа становится себялюбивой и безнравственной.

Кстати говоря, еврейский писатель Э. Тополь, стремясь избавить свой народ от дальнейших погромов и нового Холокоста, призывает еврейских олигархов Березовского, Гусинского, Смоленского, Ходорковского и других, придумав им имя «Борисы Олигарховичи»,

духовно освободиться от эгоизма, своекорыстия и скряжничества. Он вспоминает, что и в Германии в первой половине XX в. тогдашние Борисы Олигарховичи, а именно Рокфеллер, Морган и пр. в душе были безнравственны, себялюбивы и заботились только о своем благе, а не о благе других, не о благе немцев и Германии и, в конечном счете, не о благе своего народа – евреев. И он пишет: «Знаете, когда в Германии все немецкие деньги оказались в руках еврейских банкиров, думавших лишь о приумножении своих богатств и власти, там появился Гитлер, и кончилось это Холокостом».

Констатировав, что ныне все или почти все деньги России оказались в еврейских руках, и с целью предотвратить в этой стране превращения антисемитских погромов в новый Холокост, Э.Тополь продолжает: «Сегодня народ, среди которого мы живем в настоящей беде, В стране нищета, хаос, отчаяние, голод, безработица, мародерство чиновников и бандитов. Наши возлюбленные, русские женщины, на панели. Так скиньтесь же, черт возьми, по миллиарду или даже по два, не жидитесь и помогите этой нации на ее кровавом переходе от коммунизма к цивилизации» [45].

Известно, что низкая алчность, безрассудная страсть ко всё большему и большему обогащению является движущей силой цивилизации с ее первого и до сегодняшнего дня. И.Э. Тополь исходит из того, что Борисы Олигарховичи по моральной лестнице скатились вниз настолько, что из-за низменных побуждений и безумной страсти к накоплению денег они лишились в душе таких социальных и нравственных качеств как милосердие и благотворительность. Таково этическое проявление «кровавого перехода от коммунизма к цивилизации», от коммунистической собственности к частной, т.е. процесса приватизации в России. В результате этого процесса общественная, общенародная собственность и страна была ограблена и разворована. Г. Карлова пишет: «Это же самая грандиозная воровская афера в мировой истории. Потери от такой приватизации в два раза превышают ущерб от войны с Гитлером.

Страна была просто разворована, Новые хозяева вовсе не стремились развивать доставшееся им производство. Они неустанно вы-

возили и вывозят капиталы за рубеж и распродают собственность иностранцам» [46].

По исследованию того же М.К. Расцветаева экономическая и общественная жизнь тунгусов и якутов все более и более превращалась из традиционной в цивилизованную жизнь, в которой возникает и укрепляется частная собственность. Тем не менее, из этого исследования можно вывести заключение, что традиционное общество тунгусов и якутов с его архаической коммунистической собственностью и с его высоким нравственным уровнем не было побеждено и сломлено процессами в сторону цивилизации и частной собственности. Оно, включая и его систему взаимопомощи, осталось в живых в Якутии, как обнаружил исследователь, и в 20-е годы XX в.

Выше Э. Тополь исходил из того, что цивилизованные Борисы Олигарховичи оказались ярыми эгоистами и не занимались милосердием и благотворительностью, отказываясь оказать материальную и финансовую помощь тем, которых обворовали и ограбили, другими словами, помощь народу и стране, где воцарились «нищета, хаос, отчаяние, голод, безработица, мародерство чиновников и бандитов».

Всем стало понятным то, что в России, особенно на рубеже XX и XXI веков, произошло моральное вырождение, связанное с предпочтением своих личных, частных интересов интересам коллективным и общественным. Во время Всемирного саммита религиозных лидеров, проходившего с 3 по 5 июля 2006 года в Москве, главный редактор газеты «Аргументы и факты» Н. Зятьков спросил Патриарха Московского и Всея Руси Алексея II: «Вот, скажем, зарабатывать капитал, делать бизнес – это всегда сопряжено с такими грехами, как обман, стяжательство. Как же человеку все же обрести истинную духовность, жить правильно?»

На этот вопрос Алексей II ответил: «Когда же получение земных благ превращается в самоцель, сопрягается с алчностью, с презрением к нуждам других, а люди в погоне за богатством теряют человеческий облик, то такой настрой, без сомнения, является греховным» (Патриарх Алексей II: «Грех – смертельное заболевание» // «Аргументы и факты». – 2006. – №27. – С.3).

Известно, что богатство развивает в душе эксплуататора себялюбие, делающее эту душу деградированной, бесчувственной и равнодушной к нуждам и потребностям других, к общественным интересам и к коллективному, народному благу. Следовательно, богатство само по себе является самоцелью эксплуататора, который создает его для себя, а не с другой целью – не с целью способствовать благополучию других людей, народных масс. Это доказывается и тем, что по приватизационному законодательству 1990-х годов Россия разделена на кучку богатых и миллионы бедных.

Поэтому вышеупомянутая Г. Карлова пишет: «Когда власть говорит, что жизнь россиян улучшилась, она, видимо, имеет в виду тех сто самых богатых бизнесменов, суммарное состояние которых превышает 141 млрд. долларов? За год эти сто человек увеличивают свое состояние ровно настолько, сколько правительство намерено направить на все социальные программы страны. В прошлом году для того, чтобы попасть в список российских супербогачей, надо было иметь 280 миллионов долларов, теперь – минимум 450 миллионов, Десять богатейших россиян имеют в личной кубышке вдвое больше денег, чем сумела накопить в стабилизационном фонде вся наша страна.

Так и живем. Одни еле сводят концы с концами. Другие приводят в оторопь, скупая по всему миру самые дорогие и роскошные вещи» [47].

По мнению Патриарха Алексия II, бизнес непременно не связан с грехопадением, богатство само по себе не греховно. А немецкий философ-диалектик Гегель другого мнения и всячески подчеркивает греховность богатства. Он различает существование двух царств: духовного и мирского. Богатство, имущество и деньги относятся к мирскому, светскому царству, которое заражено всеми пороками человека и людского общества: корыстолюбием, властолюбием, насильничеством, грабительством, захватом, враждой, убийством и т.д. и т.п., характеризующие низкую духовную культуру членов цивилизованного общества.

Гегель тонко и метко разоблачал безнравственное содержание мирского, цивилизованного существования человечества. Он писал: «Церковь организуется, но в дальнейшем сама переходит к мирскому существованию, к богатству, имуществам, сама становится мирской и заражается всеми страстями дикости, ибо пока что духовное есть лишь принцип. Сердце же пребывает в обыденном существовании, мирском, и все отношения между людьми еще определяются соответственно вышеуказанным склонностям, вожделениям, страстям, соответственно дикости. Церковь, таким образом, обладает духовным принципом лишь внутри себя, но он не является истинно реальным, так что все остальные отношения еще не разумны, ибо таковыми они были до того, как в мире развился духовный принцип. Не будучи соответственным духовному, мирское так же существует, как нечто наличное и представляет собою непосредственно природное мирское. Таким образом, церковь будет обладать в самой себе непосредственным природным принципом. Она будет запятнана всеми страстями, властолюбием, корыстолюбием, насильничеством, обманом, грабительством, убийством, завистью, враждой, всеми этими пороками дикости, и правление также будет характеризоваться такими страстями. Хотя это господство должно было быть господством духовного, оно на самом деле оказывалась господством страсти» [48].

Установлено, что приватизация, превращение общенародной, современной коммунистической собственности в частную собственность олигархов была безнравственной, нечестной, обманом, воровством и захватом, иначе говоря, криминальной, т.е. прихватизацией. Из истории знаем, что такую же участь претерпела общинная, архаическая коммунистическая собственность, которая также была разворована, ограблена и путем насилия приватизирована, превращена в частную собственность. Так погибло старое бесклассовое родовое общество и возникло цивилизованное общество, разделенное на классы богатых и нищих. Последнее мы с очевидностью усматриваем в том, что законами капитализма в его высшей

стадии развития выступают закон получения богатыми максимальной прибыли и закон абсолютного и относительного обнищания трудящихся масс – громадного большинства населения.

Отсюда становится понятным замечание руководителя секции экономики отделения общественных наук Российской академии наук Д. Львова о безжалостной эксплуатации человека труда в России. Он говорит: «Оказалось, что за годы реформ нищие стали в два раза более нищими. Вообще 80% населения России обеднели и лишь 20% стали богаче. Причем 2% из них увеличили свои доходы в десять раз!

Эту проблему несправедливого распределения доходов правительству и надо решать в первую очередь. Но пока внимания к человеку по-прежнему нет. Да, президент дал указание бороться с бедностью, однако все действия чиновников направлены не на улучшение жизни, а на реализацию каких-то высоких макроэкономических целей» («Аргументы и факты». – 2004. – №47. – С. 6).

Описав власть первобытной общности, Ф. Энгельс писал: «Но она была сломлена под такими влияниями, которые прямо представляются нам упадком, грехопадением по сравнению с высоким нравственным уровнем старого родового строя. Самые низменные побуждения – вульгарная жадность, грубая страсть к наслаждениям, грязная скаредность, корыстное стремление к грабежу общего достояния – являются восприимчивыми для нового, цивилизованного, классового общества; самые гнусные средства – воровство, насилие, коварство, измена – подтачивают старое бесклассовое родовое общество и приводят к его гибели. А само новое общество в течение всех двух с половиной тысяч лет своего существования всегда представляло только картину развития незначительного меньшинства за счет эксплуатируемого и угнетенного громадного большинства, и оно остается таким и теперь в еще большей степени, чем когда бы то ни было прежде» [49].

Кстати говоря, утверждается, что цивилизационный подход в исследовании исторического процесса занимает одно из видных мест в современной философии истории. И здесь цивилизация понимает-

ся как деградирующая стадия культуры. Например, о взглядах сторонников цивилизационного подхода по данной проблеме пишется следующее: «Шпенглер, как и Данилевский, считал цивилизацию стадией существования культуры, но стадией не развития, а окаменения, упадка и умирания... Понятие “цивилизации” Тойнби употребляет и в более узком, близком к Шпенглеру, понимании – как этап регресса» [50].

Из работ уже знакомого нам М.К. Расцветаева «Тунгусы мямальского рода» и «Очерки по экономике и общественному быту у якутов», изданных в 30-х гг. XX в. и в которых он исследовал хозяйственную жизнь и социальный быт эвенков и якутов перед самой коллективизацией сельского хозяйства в СССР и вскрыл живые остатки первобытного коммунизма, – из этих работ можно сделать вывод, что несмотря на появление зажиточных и необеспеченных, крепких и маломощных семей, короче говоря, богачей и бедных в родовой общине культура ее членов или коммунаров не претерпела «окаменения, упадка и умирания».

Автор замечает и то, что родовая знать захватила – должно быть самыми разными гнусными, мошенническими и другими омерзительными приемами – родовое имущество, старую коммунистическую собственность, присвоив себе лучшие звериные тропы и рыбные места, стада скота и лучшие и многочисленные покосы.

Тем не менее, надо полагать, родовая знать в душе не растеряла первоначальную, невинную и наивную коммунистическую культуру, сохранила её, не давая ей деградировать, «окаменеть, упасть и умирать». Душа и сердце знатных и состоятельных людей продолжали быть чувствительными и отзывчивыми, не теряя, следовательно, высокий нравственный уровень и не становясь черствыми, окаменелыми и равнодушными к нуждающимся, как это бывает в цивилизованном обществе. Эти люди, так сказать, не жидились и скидывались, чтобы помочь необеспеченным членам общества. Так что по отношению к последним они инстинктивно проявляли покровительство, милосердие и благотворительность. Так что они самым естественным образом были добродетельными и с наивной

честностью выполняли высоко нравственную обязанность по отношению к другим сородичам – обязанность помогать им.

Все это может получить определенное подтверждение, в частности, в следующем высказывании М.К. Расцветаяева: «Родовая знать, захватившая родовое имущество в свои руки, обязана была обычным правом заботиться о тех, трудами которых в основном было создано это имущество. Типичным и чистым случаем такой заботы (материального обеспечения) являются кумаланы, пришедшие в дряхлость бедняки-сироты, надо думать, в своей молодости постоянные работники на других. В более ранние времена и передача скота на удой была также, надо думать, всего лишь видом родственной или родоначальнической помощи. Вместе с прямой помощью продуктами эти виды составляют явления одного порядка» [51].

Дальнейшее подтверждение сказанного мы можем получить из раскрытий вышеупомянутых «нимата» и «берси», как двух форм помощи и взаимопомощи членов общества. О «нимате», как о взаимопомощи опытных и неопытных охотников семьи, рода и племени, М.К. Расцветаяев писал: «Нимат в прошлом являлся предоставлением своей добычи со стороны опытных охотников-членов данной семьи, рода или племени своим сородичам, не столь искусным или еще совершенно неискусным охотникам. Последние, судя по тем обстоятельствам, которые сопровождают самый факт нимата, следовали за первыми, помогая им в охоте и производя все работы по использованию добычи. Так у тунгусов не только своя семья, но и семьи, имеющие дурных охотников или совсем без них, если все они живут совместно, выезжают со своим «хозяином» – лучшим охотником, помогают ему на охоте, устраивая шалаш, добывая дрова для костра, отвозят добытую дичь и зверей к урасе и там ее распределяют» [52].

Автор изучил и «берси», как форму помощи, предоставления блага другим, т.е. как форму альтруизма – высоконравственного поступка, которую описывает таким образом: «Пользуются правом на берси следующие категории населения: дряхлые и нетрудоспо-

собные одиночки, семьи с нетрудоспособными взрослыми работниками, семьи вдов и сирот, семьи с плохими по разным причинам охотниками и необеспеченные семьи, не могущие прокормиться самостоятельно по другим причинам. Одиночки из них составляют группу кумаланов (совершенно несамостоятельных призреваемых), остальные делятся на итимни и бедняков. Итимни являются постоянно призреваемыми и не могут прокормиться самостоятельно...

Бедняки же бродят полусамостоятельно, т.е. все время держатся вблизи зажиточных, чтобы иметь постоянную возможность пользоваться помощью тех» [53].

В результате этой помощи, выполнения нравственной обязанности перед населением, бедные становятся не бедными, перестают испытывать голод, холод, болезни и отсутствие приюта. Если эти бедные коммунары терпели недостаток в самом необходимом – в пище, одежде, обуви и приюте, то благодаря помощи, альтруизма зажиточных членов общества, не стесненного социальным фанатизмом или рознью, оказываются снабженными достаточным количеством необходимых средств существования, т.е. обеспеченными прожиточным минимумом жизни.

В этом мы можем быть убежденными из этого живописания М.К. Расцветаева: «В отношении же кумаланов охотники вообще дают только то и столько, что и сколько необходимо последнему для обеспечения себя необходимым: одеждой, обувью, постельными принадлежностями и т.д. Здесь только форма, ибо по обязанности берси охотник все равно должен снабдить кумалана всем этим необходимым» [54].

Словом, в родовом или первобытном коммунистическом хозяйстве люди обеспечивались достаточным количеством необходимых средств жизни. А вот ныне в цивилизованной Якутии высока доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, которая имеет существенный недостаток в самом необходимом. За чертой бедности проживают более 80% неработающих жителей якутских деревень и более половины городских домохозяев. Беднотой вполне можно признать почти 38% работающего населения республики.

О том, что уровень жизни якутян падает, а по отдельным показателям ситуация становится опасной, было сказано в выступлениях докладчиков на совещании у вице-президента и на правительственном часе в парламенте республики Ил Тумэн в июне 2006 г. Из всего этого республиканская газета «Новое время» вывела формулу несчастья: безработица + бедность = вымирание» (16 – 22 июня 2006 года).

Что касается всей России, то по данным Счетной палаты более 58% населения страны составляют люди, чьи доходы ниже прожиточного минимума. Известно, что зарплата бюджетников нищенская и примерно в 6 раз ниже, чем пособие по бедности в Германии. Есть необходимость повышения пенсий и стипендий до уровня прожиточного минимума в регионах. Л. Павленко пишет: «Сытые у нас власть и олигархия. Голодные – вся остальная страна...

Несмотря на то, что минимальная зарплата повышена до 1100 рублей, она остается в 5-7 раз ниже прожиточного минимума в регионах, а от уровня минимальной зарплаты, например, во Франции, отстает в 36 раз» // Патриоты России. – 6 сентября 2006 г. – С.7.

В заключение можно процитировать высказывание В.И. Плотникова о культуре и цивилизации: «Исторически культура есть всеобщая форма человеческой жизнедеятельности, атрибут жизни рода, присущий ему от начала и до того времени, пока будет существовать род людской. Напротив, цивилизация всего лишь модус родовой жизни, следующий за первобытностью и определенный не только в своем начале, но и в конце» [55]. Завершением истории не может быть господство богатства и утверждение бедности и нищеты народных масс, иначе говоря, форма частной собственности. Исследование или критику цивилизации проводили многие мыслители. Еще Ш. Фурье объяснял её как войну богатых против бедных.

Другие исследователи развития материальной и духовной культуры в истории исходили из диалектики, которая впервые сознательно и всеобъемлющим образом была сформулирована Гегелем. Чернышевский и Энгельс использовали диалектический закон отрицания отрицания, т.е. тройственности форм развития мира. Част-

ная собственность, которая олицетворяет цивилизацию, является отрицанием первобытной общей собственности и она, в свою очередь, отрицается современной общей собственностью. Земельное владение общины выступило первичной, первобытной коммунистической формой собственности, а частная собственность на землю и на произведенные трудом средства производства в цивилизованных странах суть вторая, последующая форма. Высшее развитие общества, будучи третьей формой, является переходом от безнравственности к нравственности, от эгоизма людей цивилизованного общества к альтруизму членов традиционного общества, возвратом первой формы, возрождением, по Моргану, свободы, равенства и братства древних родов на высшем уровне, на уровне современного бесклассового коммунистического общества, как третьей, прогнозируемой формы развития человечества.

Обобщая данную главу и весь первый раздел монографии следует подчеркнуть, что языческое и политическое мировоззрение коренных народов Якутии органически связаны между собою. Языческий принцип толерантности, проистекающий как индуктивный вывод из исследования окружающей природы и общинного, первобытно-коммунистического образа жизни коренных народов Якутии, совмещается с принципами демократизма и федерализма в политике и полностью отвергает принципы и притязания шовинизма, сионизма, империализма и фашизма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

РАЗДЕЛ I

Глава I

1. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 3. – С. 1.
2. См.: Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия – М.: 1960. – Т. IV. – С. 379 – 442; Долгих Б.О. Род, фратрия, племя у народов Северной Сибири. – М.: Наука, 1964; Гурвич И.С. Этническая история северо-востока Сибири. – М.: Наука, 1966.
3. Левин М.Г. Эвены // Народы Сибири. – М.; Л., 1966. – С. 762.
4. Расцветаев М.К. Тунгусы мямьяльского рода. Социально-экономический очерк с приложением тунгусских бюджетов. – Л.: Изд-во АН СССР, 1933. – С. 11.
5. Кант И. Соч.: в 6 т. – М.: Мысль, 1965. – Т. 4(2). – С. 279 – 280.
6. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 21. – С. 57, 76.
7. Якутские ведомости. – 1993. – №1.
8. Расцветаев М.К. Указ. работа. – С. 64.
9. Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И.Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 19. – С. 406.
10. Расцветаев М.К. Указ. работа. – С. 43, 59.
11. Маркс К. Введение (из экономических рукописей 1857-1858 годов) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 46. – Ч. 1. – С. 18.
12. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 21. – С. 174.
13. Расцветаев М.К. Указ. работа. – С. 71 – 72.
14. Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 23. – С. 188.
15. Неотрадиционализм на российском Севере. – М., 1994. – С. 125.

16. Маркс К. Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 46. – Ч. 1. – С. 480.
17. Роббек В.А., Кривошапкин А.В. Малочисленные народы Севера Республики Саха (Якутия) // Малочисленные народы Севера Якутии: состояние, проблемы. – Якутск, 1993. – С. 829.
18. Чернышевский Н.Г. Избр. филос. соч. – М.: Изд-во политлитературы, 1951. – Т. III. – С. 638.
19. Расцветаев М.К. Указ. работа. – С. 46
20. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 22. – С. 467.
21. Расцветаев М.К. Указ. работа. – С. 44.
22. См.: Гегель. Философия религии: в 2 т. – М.: Мысль, 1975 – Т. 1. – С. 71.
23. Алексеев А.А. Забытый мир предков. Очерки традиционного мировоззрения эвенов северо-западного Верхоянья. – Якутск, 1993. – С. 59. Автор говорит, что З.Венгловский писал о добром отношении эвенов. На самом деле Венгловский описывает высокую духовность, добродетель северных якутов. Но фактически душа, духовный мир последних по существу ничем не отличается от сознания и психологии малочисленных народов Севера. Поэтому то, что Венгловский сказал о северных якутах, относится, конечно, и к ним. Чтобы подчеркивать это сходство и единство, высказывание Алексеева цитировано без изменения.
24. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 21. – С. 176.
25. Гегель. Указ. работа. – Т. 1 – С. 144.
26. В кн.: Там же. – С. 61 – 62.
27. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 22. – С. 468.
28. Первобытная периферия классовых обществ. – М.: Наука, 1978. – С. 161.
29. Троцкий И.М. Некоторые проблемы истории Якутии XVII в. – Л., 1936. – С. 111.
30. Дуткин Х.И. Лицом к оленеводу, охотнику и рыбаку // 70-летие экспедиции АН СССР в Якутской АССР и малочисленные народы Севера. – Якутск: Северовед, 1995. – С. 78.
31. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 3. – С. 46.

32. Коул М., Скрибнер С. Культура мышления (психологический очерк). – М.: Прогресс, 1977. – С. 23.
33. Там же. – С. 35.
34. Гегель. Соч. Т. III. – М., 1956. – С. 168.
35. Там же. – С. 173.
36. Там же. – С. 168.
37. Там же. – С. 171.
38. Гегель. Работы разных лет: в 2 т. – М.: Мысль, 1971. – Т. 2. – С. 189.
39. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 8. – С. 126.
40. Попов Г.А. Очерки по истории Якутии. – Якутск, 1924. – С. 38.
41. Там же. – С. 35.
42. Там же. – С. 46.
43. Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов. – М.: Наука, 1974. – С. 17.
44. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 20. – С. 487.
45. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. – М.: Мысль, 1975. – С. 85.
46. Там же. – С. 114.
47. Там же. – С. 123.
48. Цит. По кн.: Принцип развития в психологии. – М., 1978. – С. 89.
49. См.: Новикова Л.А. Подготовка интеллекта молодого человека // Философско-методологические вопросы образования в I четверти XXI века. – Якутск, 2000. – Вып. 2. – С. 78.
50. Тульвисте П. О теоретических проблемах исторического развития мышления // Принцип развития в психологии. – С. 89.
51. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 29. – С. 152 – 153.
52. Фейербах Л. Избр. филос. произв. – М.: Политиздат, 1955. – Т. I. – С. 180.
53. Там же. – С. 180 – 181.
54. Коул М., Скрибнер С. Указ. работа. – С. 15.
55. Дуткин Х.И. Аллаиховский говор эвенов Якутии. – СПб.: Наука, 1995. – С. 60.

Глава II

1. Попова К.Г. Пережитки шаманизма у эвенков // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. – Л., 1981. – С. 233.
2. Горохов С.Н. Предисловие // Алексеев А.А. Забытый мир предков (Очерки традиционного мировоззрения эвенков Северо-западного Верхоянья). – Якутск: КИФ «Ситим», 1993. – С. 3-4.
3. Гегель. Философия религии: в 2 т. – М.: Мысль, 1977. – Т. 2. – С. 330.
4. Фейербах Л. Указ. соч. – С. 534.
5. Лебедева Ж.К. Архаический эпос эвенков. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 12.
6. Алексеев А.А. Указ. соч. – С. 29.
7. Гегель. Указ. соч. – Т. 1. – С. 445 – 446.
8. Фейербах Л. Указ. соч. – С. 422 – 423.
9. Алексеев А.А. Указ. соч. – С. 18.
10. Там же. – С. 49.
11. Там же. – С. 29.
12. Маркс К. Экономические рукописи 1857 – 1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 46. – Ч. I. – С. 47.
13. Фейербах Л. Указ. соч. – С. 770 – 771.
14. Алексеев А.А. Указ. соч. – С. 64 – 65.
15. Гегель. Указ. соч. – С. 446.
16. Чернышевский Н.Г. Сочинения: в 2 т. – Т. I. – С. 595.
17. Фейербах Л. Указ. соч. – С. 710.
18. Гоголев А.И., Решетникова А.П. Шаманизм как религия: генезис, реконструкция, традиции // Тезисы докладов международной научной конференции. 15 – 22 августа 1992. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1992. – С. 9.
19. Фейербах Л. Указ. соч. – С. 711.
20. Тарабукин Н. Моя жизнь. – Якутск: Кн. изд-во, 1987. – С. 266 – 267.
21. Фейербах Л. Указ. соч. – С. 754.
22. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 20. – С. 545.

Глава III

1. Токарев С.А. Ранние формы религии. – М.: Политиздат, 1990. – С. 291.
2. Кейметинов В.А. Аборигенная (эвенская) топонимика Якутии (часть I). – Якутск, 1996. – С. 22.
3. Там же. – С. 164.
4. Там же. – С. 168 – 169.
5. Кондаков В.А. Тайны сферы шаманизма. Часть третья. Шаманизм – древняя культура и религия. – Якутск, 1999. – С. 49 – 50.
6. Ксенофонтов Г.В. Шаманизм // Избранные труды (Публикации 1928 – 1929 гг.). – Якутск, 1922. – С. 262 – 263.
7. Там же. – С. 118 – 119.
8. Гегель. Соч. – М., 1959. – Т. IV. – С. 165.
9. Белянская М.Х. Шаманские представления о мире у народов Восточной Азии (на примере эвенов и эвенков) // Вест. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. – 1998. – №1. – С. 39.
10. Ксенофонтов Г.В. Указ. работа. – С. 258 – 259.
11. Там же. – С. 136.
12. Там же. – С. 260.
13. Гегель. Соч. – Т. III. – С. 171.
14. Гегель. Соч. – М.; Л., 1935. – Т. XI. – С. 270.
15. Гегель. Соч. – Т. III. – С. 173.
16. Там же. – С. 168 – 169.
17. Фейербах Л. Указ. соч. – Т. II. – С. 282.
18. Уххан. Как поп Герман в небо плюнул // Эхо столицы. – 2001. – 14 сентября. – С. 4.
19. Письмо Германа мэру г. Якутска Михальчуку И.Ф. // Эхо столицы. – 2001. – 14 сентября. – С. 4
20. Попов Г.А. Указ. соч. – С. 118.
21. Алексеев А.А. Забытый мир предков (Очерки традиционного мировоззрения эвенов Северо-Западного Верхоянья). – Якутск: КИФ «Ситим», 1993. – С. 16.
22. Кондаков В.А. Указ. работа. – С. 59.
23. Лебедева Ж.К. Архаический эпос эвенов. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 66, 67, 68 и 69.

24. Алексеев А.А. Указ. работа. – С. 18.
25. Гринцер Н.П. «Илиада» и «Одиссея» // Энциклопедия литературных произведений / Под ред. С.В.Стаховского. – М.: Вагриус, 1998. – С. 206.
26. Басилов В.Н. Шаманство // Энциклопедия для детей. Т. 6, ч. I. Религии мира. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аванта+, 1996. – С. 52 – 53.
27. Фейербах Л. Избр. филос. произв. Т. II – М.: Политическая литература, 1955. – С. 712.
28. Там же. – С. 146.
29. Там же. – С. 332 – 333.

Глава IV

1. Попов Г.А. Миссионерство в Якутском крае // Илин. – 2000. – №2. – С. 47.
2. См.: Сборник неопубликованных материалов А.Л. Чекановского. – Иркутск, 1962. – С. 297 – 298.
3. Фейербах Л. Указ. соч. – Т. II. – С. 612 – 613.
4. Мень А.В. История религии. Книга вторая. – М.: Изд. дом «Форум», 2001. – С. 187.
5. Горелик М.А. Энциклопедия для детей. М.: Аванта+, 1996. – Т. 6. – Ч. I. – С. 421.
6. Фейербах Л. Указ. соч. – С. 293 – 294.
7. Гегель. Наука логики. – М.: Мысль, 1971. – Т. 2. – С. 67.
8. Гегель. Соч. – М.-Л.: 1935. – XI. – С. 120 – 121.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1961. – Т. 18. – С. 305.
10. Там же. – Т. 20. – С. 102.
11. Там же. – Т. 23. – С. 761.
12. Фейербах Л. Указ. соч. – С. 289, 293, 294, 298.
13. Толстихин О.Н. Значение религии как основы развития толерантных взаимоотношений в обществе // Терпимость: идея и традиции: материалы Международной научной конференции «Через толерантность к взаимопониманию и миру» (Якутск, 12 – 15 июля 1994 г.). – Якутск, 1995. – С. 161.

14. Фейербах Л. Указ соч. – С. 298 – 299.
15. Толстой Л.Н. Учение Христа. – Пермь: Пермская книга, 1994. – С. 136.
16. Там же. – С. 14.
17. Фейербах Л. Указ. соч. – С. 291, 301 – 302.
18. Попов Г.А. Очерки по истории Якутии С. 44 – 45.
19. Алексеев А.А. Забытый мир предков. – Якутск: КИФ «Ситим», 1993. – С. 17.
20. Фейербах Л. Указ. соч. – С. 612.
21. Там же. – С. 611 – 612.
22. Цит. по кн.: Фейербах Л. Указ. соч. – Т. II. – С. 294, 382.
23. Иван П. Ломать – не строить. Кто возродит интернационализм? // Московский комсомолец в Якутии. – 2003. – 15 – 22 января. – С. 13.
24. Фейербах Л. Указ соч. – С. 290.
25. Там же. – С. 291.
26. Атеистический словарь / Абдусаметов А.И., Алейник Р.М., Алиева Б.А. и др.; под общ. ред. М.П.Новикова. – М.: Политиздат, 1983. – С. 163.
27. Попов Г.А. Очерки по истории Якутии. – Якутск, 1924. – С. 35.
28. Карпов Е. Что творится в доме Арчы? // Якутск вечерний. – 2003. – 24 февраля. – С. 29.
29. Ляликов Д.Н. Оккультизм // Большая советская энциклопедия: в 30 т. / Гл. ред. А.М. Прохоров. – Изд. 3-е. – М.: Советская энциклопедия, 1974. – Т. 18. – С. 348.
30. Попов Г.А. Указ. соч. – С. 118.
31. Гегель. Соч. – Т. XI. – С. 159.
32. Фейербах Л. Указ. соч. – С. 163.
33. Там же. – С. 147 – 148.
34. Там же. – С. 332 – 333.
35. Цит. по кн.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 21. – С. 177 – 178.
36. Там же. – С. 178.

37. Цит. по кн.: Чекановский А.Л. Сборник неопубликованных материалов А.Л.Чекановского. Статьи о его научной работе. – Иркутск: Иркутское книжное изд-во, 1962. – С. 297 – 298.
38. См.: Дитмар К.М. О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчах // Вестник РГО. 1855, кн. 6, ч. 13; 1856, кн. 1 – 2, ч. 16.
39. Иванов В.Н. Русские ученые о народах северо-востока Азии. – Якутск, 1978. – С. 179.
40. Сарычев Г.А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. – М., 1952. – С. 186.
41. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 21. – С. 97.
42. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. С приложением рапортов, донесений и др. неопубликованных материалов. – М.; Л., 1949. – С. 366.
43. Хитров. Описание Жиганского улуса // Записки СОРГО. – СПб., 1856. Кн. 1. – С. 53 – 85.
44. Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. – Новосибирск: Наука, 2005. – С. 184 – 185.
45. Там же. – С. 184.
46. Тополь Э. Возлюбите Россию, Борис Абрамович! Открытое письмо Березовскому, Гусинскому, Смоленскому, Ходорковскому и остальным олигархам // Аргументы и факты. – 1998. – №38. – С. 7.
47. Карлова Т. Где справедливость // Патриоты России. – 6 сентября 2006. – С. 3.
48. Там же.
49. Гегель. Соч. – Т. XI. – С. 117 – 118.
50. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 21. – С. 99.
51. См.: Новейший философский словарь / Под ред. А.П. Яреценко. – Ростов н/Д: Феникс, 2005. – С. 618.
52. Расцветаев М.К. Очерки по экономике и общественному быту якутов. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1932. – С. 76.

53. Расцветаев М.К. Тунгусы мямьяльского рода. Социально-экономический очерк с приложением тунгусских бюджетов. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1933. – С. 43.

54. Там же. – С. 38 – 39.

55. Там же. – С. 33.

56. Плотников В.И. Цивилизация // Современный философский словарь / Под общей ред. д.ф.н., профессора В.Е. Кемерова. – 2-е изд., испр. и доп. – Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: ПАНПРИНТ, 1998. – С. 1011 – 1012.

Монография

Романов Гавриил Иванович

**ЯЗЫЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ
КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЯКУТИИ**

Часть I

Печатается в авторской редакции

Компьютерная верстка *А.М. Соловьева*

Оформление обложки *П.И. Антипин*

Подписано в печать 20.10.2010. Формат 60х 84/16.
Печ. л. 10,3. Уч.-изд. л. 12,8. Тираж 100 экз. Заказ .
Издательско-полиграфический комплекс
Северо-Восточного федерального университета,
677891, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42.

Отпечатано в типографии ИПК СВФУ

Романов Гавриил Иванович родился в 1929 г. в I Нерюктяйском наслеге Сунтарского района Якутской АССР.

В 1950 г. окончил физико-математическое отделение Якутского государственного института, а в 1957 г. – философский факультет Киевского государственного университета им. Т.Г. Шевченко. Окончил философскую аспирантуру в МГУ, в 1974 г. защитил кандидатскую диссертацию по философским наукам в Ташкентском государственном университете им. В.И. Ленина. После многолетней преподавательской деятельности в Якутском государственном университете долгое время работал старшим научным сотрудником Института проблем малочисленных народов Севера.

В 1982 г. Г.И. Романову было присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Якутской АССР». Его научные труды печатались в различных научных сборниках и вышли в виде монографии и брошюр. С его научно-популярными статьями читатели знакомы со страниц республиканских газет.